

[Polaris]

**Всеволод
Валюсинский**

БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

Фантастический роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХХХІІІ

Salamandra P.V.V.

**Всеволод
ВАЛЮСИНСКИЙ**

БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

Фантастический
роман

Salamandra P.V.V.

Валюсинский В. В.

Большая Земля: Фантастический роман. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 208 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXXIII).

В центре романа безвременно погибшего советского фантаста В. Валюсинского (1899-1935) — «минима-гормон», чудесное изобретение английского ученого Дэвиса, позволяющее уменьшать людей и животных. Однако эту известную тему научной фантастики, как и распространенные в советской фантастике эпохи мотивы классовой борьбы, военного вторжения империалистов в СССР и т. д. Валюсинский решает с присущей ему оригинальностью. Значительное место в романе занимают любовно выписанные картины природы Онежского края.

В. ВАЛЮСИНСКИЙ.

/ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН. /

БОЛЬШАЯ

ЗЕМЛЯ

ЛЕН. ОБЛ. ИЗД-ВО

1 9 3 1

БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

Бессонная ночь

Хойс в десятый раз переворачивается с боку на бок, но сон бежит от него. Обыкновенно профессор спит крепко. Стоит ему натянуть на голову свой старый вязаный колпак и нырнуть под одеяло, как тотчас же прекращаются все жизненные впечатления.

Не будит его даже собственный зловеющий храп. Сегодня, однако, профессор слишком взволнован.

Окончательно убедившись, что заснуть не удастся, он усаживается на кровати и курит.

Мистер Хойс — профессор истории и права. Не странно ли, что он так сильно обеспокоен лекцией своего коллеги, химика?

Какое мистеру Хойсу вообще дело до химии? Ковыряются там с разными бутылочками и вонючими составами... Конечно, порох, лекарства, краски имеют кое-какое значение... Но чтобы совсем, в корне изменить жизнь, да еще таким удивительным способом, — этому профессор не хотел, не мог поверить.

Мальчишка Дэвис просто помешался! Правда, мы видели маленькую кошку. Ну, что ж... Просто игра природы. Бывают и люди-карлики. Притом никто не видел этой кошки раньше, да, никто не видел ее большой... Хе-хе! Шарлатанство, стилизованное под Уэллса, Фезандье, Свифта и многих прочих...

С недовольным видом Хойс рассматривает свои худые, жилистые ноги. Сейчас все его раздражает. Почему нет коврика у кровати? Вечная привычка женщин перекладывать вещи с места на место! Ну вот, так и есть, — он под кроватью... Да... А все-таки, если допустить, что Дэвис отчасти прав... Предположить на минуту, как забавную фантазию. Черт возьми, какая удивительная получается ерунда!

Мистер Хойс закуривает вторую сигарету, надевает туф-

ли и, заложив руки за спину, принимается расхаживать из угла в угол.

На столе маленький ночник, не мигая, смотрит зеленым глазком. Уродливая громадная тень профессора мечется по стенам, как летучая мышь, попавшая в клетку.

Часы на камине бьют три.

— Человек ростом в три сантиметра! Ха-ха-ха! Простой паук станет опаснее тигра... А расстояния! Впрочем, он говорил о новых возможностях и могуществе техники. Может быть... Но вот другая сторона дела, социально-экономическая... Что будет? Как решатся вопросы питания? Как распределится поверхность земли, что станет с государственными границами, строительством? Все это ужасно. И какой рост оказался бы для нас самым выгодным? Вот я бы, например, решился уменьшиться даже до пяти-шести сантиметров. Да, предположим, что решился бы... Замечательно интересно при таких размерах покушать земляники. Эти ягоды должны стать величиной не меньше арбуза или даже хорошей тыквы... А золото! Гм... золото...

Профессор останавливается и трет переносицу.

— Золото... Да, его на каждого пришлось бы целая гора, и... оно, пожалуй, стало бы не дороже железа.

Мистер Хойс вспоминает о кругленькой сумме, лежащей на его счету в Эквитебль-банке, и снова хмурит брови. «Черт бы взял всех этих изобретателей! Вечно чего-то ищут. Ну, да на мой век хватит. Кроме того, все это — чушь и никогда ничего подобного не случится. Принять разве хлорал-гидрата?.. Проклятая бессонница!»

— Кто там?

— Это я, папа. Можно?

— погоди, халат надену. Ну, ну, иди. Что случилось?

В комнату вошла маленькая белокурая девушка. На ней шелковый японский халатик-кимоно. В руках — книга.

— Ничего не случилось. Услышала твои взволнованные шаги и зашла. Завтра экзамен по геологии, а я все еще не уверена в себе.

Девушка подошла к столу.

— Хлорал! Разве у тебя бессонница?

— Да, не спится. Разные сумбурные мысли лезут в голову. Я был вчера на докладе Дэвиса... Знаешь, странно, что в таком городе, как Лондон, да еще с кафедры Естественно-исторического общества разрешают публично выступать с заведомым абсурдом.

Дочь мистера Хойса мягко рассмеялась.

— Почему абсурд? Дэвис — настоящий ученый, работает серьезно, уверен в себе. В таких случаях всегда косо смотрят. А я знаю: он своего добьется. Я сама буду ему помогать. После нашей свадьбы мы уедем в укромное местечко, и там... Ты только, пожалуйста, не возражай! В физиологической химии — ведь ты ничего не понимаешь. Это гораздо сложнее и труднее Фридриха Барбароссы и разных хартий.

Хойс и не думал возражать. Он с улыбкой смотрел на дочь.

В этот момент она была особенно похожа на свою покойную мать, когда та была в ее возрасте, а он — тогда здоровяк-студент — думал лишь о спорте и считал самым важным вопросом: кто победит на шестивесельных гичках, Оксфорд или Кембридж? Ах, нынче молодые люди совсем не те, что раньше! Вот Эллен... Вместо партии гольфа или тенниса она предпочитает целый день сидеть за книгами и занимается гораздо больше, чем требуется по курсу...

Эллен продолжала:

— Что же тебе кажется столь удивительным в работе Дэвиса? Для современной науки нет невозможного... Притом, ты же видел его кошку?

— Да, он показал одну. Но ведь это — не доказательство! Хотя она и имеет телосложение взрослой, но, если это не котенок, то просто кошачий лилипут. Ничего удивительного!

— Да нет же! Я сама видела ее всего месяц назад, и она была самой обыкновенной взрослой кошкой. Этот его миниагормон — вещество ужасно сложного состава. Дэвис целыми сутками не выходит из лаборатории. Понимаешь, надо поймать момент, когда он образуется. Если хоть на сотую секунды передержать ток — гормон разрушается, если

поспешить — не успевает построиться. Бедный Дэвис почти до сумасшествия сотни, тысячи раз делает пробы и большею частью неудачно.

Только один раз ему удалось поймать момент. Он мне показывал.

В ампулочке всего несколько капель, но он говорит, что этим количеством гормона... Ну, ты все равно не поверишь.

— Хорошо, но что же будет дальше, если все это правда?

— Дальше? Не... знаю. Пока он проделывает опыты только над кошками, но возможно...

Профессор встал и, театрально запахнув полы халата, выступил на середину комнаты;

— Эллен! Ты знаешь, что я тебе желаю добра. Мой долг тебя предостеречь. Слушай: оставь мысль о Дэвисе. Какой он тебе муж? Выпьет по ошибке этой минимума-отравы, и будет у тебя спутник жизни — карлик... Ха-ха, на руках, что ли, будешь его носить? И вообще я ничего хорошего от этого брака не предвижу. Связать свою жизнь с маньяком-ученым! Сама говоришь, что он не выходит неделями из мастерских и лабораторий. И затем, на кого он похож? Молод, а голова наполовину седая...

Эллен тоже поднялась. Лицо ее стало серьезным и холодным.

— Не будем больше об этом говорить, папа. Ты меня знаешь. Я люблю Дэвиса и...

— Ну-ну — не сердись. Я для тебя же. Делай, как знаешь.

Профессор отошел к камину и остановился, старчески сгорбившись. Эллен стало жаль его. Она подошла и поцеловала отца в щеку.

— Спокойной ночи. Ты, наверно, утомился. Ложись спать. Хлорал подействовал скоро.

Засыпая, профессор еще раз подумал:

«Черт возьми! Человек ростом в три сантиметра!...»

Тысячная секунды

Дэвис не спит. Это уже третья бессонная ночь. Голова горит, мысли обострены. Тело стало легким и как будто чужим.

Не отрываясь, смотрит он на маленький гальванометр. Стрелка качается ровными размахами. Каждый раз, когда она доходит до середины своего пути, в глазах Дэвиса вспыхивает и тотчас угасает огонек.

Ученый ловит момент. Бесчисленное количество раз проделывает он этот трудный синтез, и все неудачно. Дэвису кажется, что уже сотни лет пронесли над хрустальным столиком, и вместе со временем остановился на блестящей маленькой колбе и застыл его взор. А может быть, наоборот: время сошло с ума и мчится как бешеное?

Дэвис не знает...

Изредка он отходит от стола и выпивает небольшую мензурку мутной жидкости. Это простой коктейль на виски. Если бы не алкоголь — сумасшествие или неодолимый сон навалились бы и скрутили этого крепкого человека. Но он пьет. Пьет маленькими дозами, но непрерывно. Ему не хочется спать. Он уже предчувствует наступление того похожего на экстаз момента, когда психическая деятельность достигает высшей своей остроты. О, тогда он, наконец-то, добьется своего!

— Одна тысячная секунды... Это — неизмеримо малое мгновение. Поймать, ощутить его, этот атом времени... Ах, как грубы для этого наши чувства!

Напрасно Дэвис сотни раз нажимает эбонитовый рубильник, стараясь поймать одно из известных ему положений стрелки.

Розовый раствор в колбе остается прозрачным. Воспаленный взор Дэвиса ищет и не находит в нем желанного бурого осадка. Он почти неуловим, этот загадочный ми-

нима-гормон...

Проходит час. Тихо. Слышно лишь мерное капанье воды в умывальнике. Это — единственный показатель скорости времени.

Дэвис встает, потягивается и нажимает кнопку звонка. На его зов тотчас является старый слуга. Он спит под самым звонком и всегда хорошо знает, зачем зовет его странный хозяин.

— Принесите еще содовой и виски... Приготовьте, как всегда.

Жадно выпив сразу две мензурки смеси, Дэвис откидывает назад свои густые, начинающие седе́ть волосы и снова садится к аппарату.

«Если сегодня, — мелькает мысль, — мне удастся поймать момент, — то в моем распоряжении будет целых три грамма чистейшего минима-гормона. Только бы не уснуть!.. Ах, как болит голова! Внимание, внимание...»

Пристальный взор впивается в белый кружок аппарата. Но мысли разбегаются, обгоняют время, свиваются дикувинными узорами. Дэвис пустым взглядом смотрит куда-то сквозь стены, забыв, где он и что делает. Их много, этих мыслей, юрких, как змеи, ядовитых и скользких! Они живут самостоятельной жизнью, они подчиняют его своей незримой власти.

— Маленький мир! Нет, не маленький, а большой, чудовищно огромный, бесконечно великий... А человек? Он всегда был ничтожен, его величина относительна, он — червь земли. Так пусть же он станет еще меньше, уйдет в поры и скважины, завладеет несметным богатством. Ему не нужны семьдесят килограммов.

Его давит, обременяет масса костей, мяса. Его связывают вес и объем...

— Что мы сейчас делаем? Чем отличаемся от жителей каменного века? Мы не знаем, работаем ли мы для того, чтобы пообедать, или обедаем, чтобы набраться сил для работы.

— Труд для добычи хлеба! Это — проклятие, это рабское наследие звериного существования. Труд для освобожде-

ния от труда, для окончательной победы над природой, для новой эры свободного развития человечества...

Дэвис на минуту приходит в себя и проводит рукой по волосам. Ему холодно.

— Так с ума можно сойти. Надо взять себя в руки, собрать мысли, не давать им разбегаться!

Дэвис снова оборачивается к аппарату и воспаленными глазами впивается в диск циферблата.

Снова золотая стрелка прыгает перед его глазами. Ему кажется, что это не она, а он сам вертится, качается и никак не может найти удобного положения.

— Довольно! К дьяволу все! Ничего сегодня не выйдет. Надо отдохнуть и развлечься или... или я потеряю рассудок!

Дэвис боится не за себя, а за работу. Он хорошо понимает, чем могут окончиться эти первые приступы переутомления.

Вспоминает об Эллен. Да, Эллен. Эта милая девушка, кажется, одна верит в его силы и понимает смысл его стремлений. Завтра к ней!..

Сняв халат, Дэвис подходит к большому зеркалу и, вооружившись двумя большими гантелями, проделывает обычные упражнения. Он силен и крепок. Ранняя седина посебрила ему виски. Но она не старит его.

Теперь ему нестерпимо хочется спать, но он старается утомить еще и тело. После упражнений он примет холодную ванну.

Спустя полчаса, прежде чем отправиться спать, Дэвис навещает своих маленьких помощников. Они почти все действительно маленькие. Белая кошечка Дэзи ростом не больше недельного котенка. Ей три года.

Посадив Дэзи на ладонь, ученый долго и внимательно рассматривает миниатюрное животное. Его глаза встречаются с холодным зеленым взглядом странного существа. Кошечка нежится со сна, потягиваясь и выпуская острые коготки.

— Вчера она весила сто восемь граммов, — вслух говорит Дэвис, подходя к весам. — Посмотрим, что сегодня?

— Сто три!.. Пять граммов за одни сутки... Это слишком быстро, слишком... Если так будет продолжаться...

Дэзи почти ничего не ест. Такое полное равнодушие к пище наступило тотчас за прививкой минима-гормона. Дэвис этому не удивлялся. Он полагал, что уменьшение массы тела происходит именно за счет самопереваривания, обратного роста. Но когда же, наконец, прекратится действие минима-гормона? Или этот «рост внутрь» будет продолжаться бесконечно, пока Дэзи совсем не исчезнет?

— Надо еще уменьшить дозу. В следующий раз...

Мысли снова путаются. Резким движением бросив Дэзи в корзинку, Дэвис быстро выходит прочь. Он боится нового приступа безудержной фантазии. Это с ним в последнее время случается слишком часто. Он боится этого.

— Надо занять голову чем-нибудь посторонним. Да, завтра к Эллен. Мы поедем к морю. Какие она любит цветы? Кажется, в прошлый раз у нее стоял букет белых гладиолусов. Да, да — белые гладиолусы...

Человек с букетом

— Эллен! Алло!

Девушка остановилась у подъезда и взглянула на подъехавший маленький автомобиль. За рулем мужчина в сером костюме.

Лица его почти не видно, оно закрыто огромным белым букетом.

— Дэвис! Откуда? И почему так рано?

Ученый выскочил на тротуар.

— Можешь поехать со мной на целый день?

— За город?

— Конечно. Я думаю проехать сначала на ферму Огиби, потом к морю. У меня с собой фрукты, пирожное...

Эллен бросила лукавый взгляд на небо. Воздух был чист и ясен. Осенний день обещал теплый сухой вечер. С мину-ту она колебалась.

— У меня экзамен по геологии... Правда, я могу пойти завтра, но мне не хотелось бы обманывать тетюшку Гуд. Я сейчас собиралась к ней.

Дэвис как-то странно выпятил нижнюю губу. Потом, ни слова не говоря, открыл дверцу авто и махнул в воздухе букетом, изображая нечто вроде пригласительного жеста. Эллен оставалось только войти и сесть. Ей самой очень хотелось провести день где-нибудь за городом. Смущало лишь то, что придется столько времени оставаться вместе с Дэвисом. Ее пугали его своеобразный нрав и, с точки зрения рядовой публики, полусумасшедшее поведение ученого.

Он не считался ни с кем и ни с чем. Каждую минуту от него можно было ожидать чего-либо вроде скандала. В ученой среде его звали большевиком, но как-то на вопрос, к какому классу общества он себя относит, Дэвис серьезно ответил: «Я себя отношу к классу позвоночных». Весьма далекий от политической жизни страны, он все же при вся-

ком удобном случае вмешивался в то, что происходило непосредственно перед его глазами. Тогда вся его научная эрудиция, вся страстность, весь запас силы и знаний обрушивались как водопад. Каждое публичное выступление Дэвиса производило сильное впечатление. Слушатели жадно прислушивались к его пламенным, хотя и не всегда последовательным речам, ловили каждое слово.

Пустив машину самым тихим ходом, Дэвис некоторое время молчал, погруженный в размышления. Эллен не мешала ему думать. Перебирая в руках тяжелые, влажные гроздья цветов, она наслаждалась солнцем и воздухом.

Вдруг Дэвис несколько раз подряд нетерпеливо подернул плечом. Он все еще не мог отделаться от своих постоянных назойливых мыслей. Будущее минима-гормона... Как странно, как удивительно!

Сейчас, на улице, при трезвом свете солнечного дня фантазия Дэвиса не выходила за пределы чисто научных построений. Он расценивал все возможности, открываемые минима-гормоном, лишь с точки зрения механики, техники, экономики. И картины, нарисованные его воображением, были так ярки и заманчивы, что Дэвис не мог удержаться от порывистых движений. Не забывая внимательно управлять машиной, он пытался ввести и Эллен в чудесный минима-мир.

— Представь себе, — заговорил он, — что человечество вполне овладеет тайной моего гормона и научится в совершенстве управлять им! Несомненно, он будет использован в самом широком масштабе. Посмотри, что говорят вычисления: если человек уменьшится в росте приблизительно до двадцати сантиметров, то вес его будет равен всего одному килограмму. И — сразу блестящий результат! Каждая тонна угля для такого человека превратится в гору в 70 тысяч кило весом...

— Постой, — задумчиво перебила Эллен, — для меня не совсем ясно... Ну, станет человек маленьким, но ведь временно и сила его уменьшится, он будет совсем слабым и беспомощным. Сумеет ли он воспользоваться новыми богатствами? Не получится ли, в конечном счете, то же самое,

что было, только в других масштабах?

Дэвис слушал с улыбкой.

— Действительно, на первый взгляд может казаться, что люди превратятся в каких-то беспомощных, слабеньких карликов. Но это вовсе не так. Для нашего, большого мира они, действительно, оказались бы слабыми. Но в своих масштабах, в своей обстановке — наоборот! — они должны стать непомерными силачами. Вспомни — муравей несет тяжесть, в десятки раз превосходящую его вес. Минима-человек понесет на спине автомобиль! А техника! На Большой Земле, в которую превратится весь земной шар после массового применения гормона, откроются невиданные производственные возможности.

Глаза Дэвиса заблистали. Он снял шляпу и провел рукой по волосам. Эллен заметила, что хотя он и внимательно правил, уверенно ведя машину, но делал это почти бессознательно, автоматически.

— Представь, Эллен, какие сказочные формы примет жизнь! Дома в сотни этажей, летательные аппараты чудовищной грузоподъемности, поезда, развивающие скорость в сотни километров!..

— Ну, а животные?

— Животные? Им тоже будут приданы наиболее выгодные размеры. Что же касается растений, то их относительное «великанство» во всех случаях окажется полезным. Вопросы питания разрешатся самым безболезненным путем. Наступит в полном смысле слова машинный век. Сочетание таких качеств, как легкость и прочность, позволит механике осуществить то, о чем сейчас никто не мечтает. Мосты с пролетами в десять километров, авиамоторы с расчетом ста сил на килограмм, поезда тысячевагонного состава... А строительное искусство! Ничтожный вес материала позволит создавать диких размеров, сейчас немыслимые формы, и фантазии художников-архитекторов откроется необозримый простор.

Дэвис на минуту умолк.

— Конечно, трудностей встретится очень много. Перевести всю культуру, индустрию на рельсы Большой Земли

— очень сложная задача, но... для этого стоит затратить и время и труд. Постепенно, шаг за шагом человечество переселится в свой новый мир. И как легко будет чувствовать себя там минима-человек! Ничтожный вес даст целый ряд неизведанных ощущений. Разовьются и новые виды спорта. Прыжок в длину на сорок метров не представит затруднений. Падение с пятого этажа — ха-ха! — пара синяков...

Дэвис снова надел шляпу и умолк. Эллен тоже мысленно перенеслась на Большую Землю. Фантазия? А Дэзи... Разве эта маленькая, игрушечная кошка не первый пионер Большой Земли?

Не доезжая площади у украинного театра, Дэвис резко тряхнул головой, как бы отгоняя преследующие его видения, и перевел ход машины на вторую скорость. Лицо ученого приняло насмешливое выражение.

— Все-таки, — заметил он, — я сделал большую глупость, что выступил с докладом перед этой толпой ослов.

— Там был и папа...

— Да, я видел мистера Хойса. Но не в этом дело. Я все-таки думал, что члены общества не только узкие ученые, ремесленники науки, но и мыслящие люди. Встретил же я такую нетерпимость, недоверие и враждебность, что... мне почудились в зале струйки дыма средневековых костров. Так себя чувствовали многие до меня. Я уверен, что половина присутствовавших жалела, что сейчас не шестнадцатый век. Они, Эллен, сожгли бы меня, если бы имели достаточно власти. Ученые! По заданным вопросам видно: одни считают меня шарлатаном, другие — опасным негодяем, который может как-то нарушить их покой и благополучие. Но ведь там находились лучшие имена биологии и химии! Лакействующая наука!.. Ну, черт с ними. Пока они меня больше не увидят и не услышат. А потом... Я думаю скоро закончить первый этап работы и поехать куда-нибудь отдохнуть. Если позволят обстоятельства, я охотно поеду в Японию. Я жил там мальчиком, и ты не можешь себе представить...

Дэвис не договорил. В этот момент они свернули в боковую улицу и выехали на небольшую площадь, сплошь

набитую народом. Авто стояли тесными вереницами, и даже проехать не представлялось возможности. Кое-где виднелись фигуры конных полисменов в темных плащах. Они высились отчетливыми мрачными пятнами и сохраняли многозначительную неподвижность.

В центре площади стоял большой грузовик с легкой башней наверху, очевидно для ремонта электропроводов. Такая вышка представляет прекрасную трибуну для оратора. Действительно, на площадке красовался какой-то хорошо одетый господин. Он уверенно жестикулировал и сочным голосом произносил речь, обращаясь к молчаливой толпе. Слушателями были конторские служащие, рабочие газовых заводов, а в большинстве — портовые рабочие. Здесь была лишь небольшая часть тех многотысячных масс людей, покрытых угольной пылью и обсыпанных мукой, пропахших ванилью и керосином, смолой русских досок и тресковым рассолом рыболовных траулеров, масс, которые в будние дни наводняют бесчисленные пристани, пакгаузы и доки невеселой Темзы.

Продвинувшись со своей машиной насколько можно вперед, ближе к центру площади, Дэвис остановил мотор и, чтобы лучше слышать, встал в автомобиле во весь рост. Легкий ветер играл его непокорными волосами.

У Эллен сжалось сердце. Она знала Дэвиса. Теперь вместо прогулки придется неизвестно сколько времени стоять на месте.

И это — в лучшем случае, если Дэвис не выкинет какой-либо сумасбродной штуки.

Взглянув украдкой своему спутнику в лицо, Эллен увидела, как вспыхивали глаза Дэвиса, а щеки бледнели и ноздри начинали раздуваться. Эллен пробовала уговорить его уехать через боковую улицу. Ведь он занят научной работой, и какое ему, в конце концов, дело до всех этих забастовок, митингов и речей...

— Ты слышишь, что он говорит? — произнес Дэвис одними губами, не отрывая взгляда от вышки-трибуны. — Кто это говорит? — спросил он одного из стоявших рядом.

— Это Джемс Коллен, секретарь союза портовых рабочих.

— Вот как! Благодарю вас.

Отсюда хорошо было слышно каждое слово оратора. Временами тот поворачивался во все стороны. Тогда на солнце ярко вспыхивали стекла его золотых очков.

— Мы, портовые рабочие, — доносился его густой баритон, — в эти трудные для нашей страны дни должны призвать на помощь всю осмотрительность, всю выдержку, все благоразумие, чтобы удержаться от ложных шагов. Мы не вправе революционными мерами воздействовать на правительство, потому что оно — правительство нашей рабочей партии и, следовательно, рабочего класса в целом. Оно охраняет именно наши интересы. Консерваторы давно ушли от власти. Если во внешней и внутренней политике сейчас не наблюдается перемен, то это зависит от таких мощных причин, как мировой экономический кризис, соперничество держав и т. д. Существование таких стран, как, например, Америка или Франция, рост их могущества и новые программы морских вооружений — все это заставляет и нас принимать меры. Да... Вообще все меры правительства имеют в виду благо нашей страны и ее населения. Поэтому каждый, кто в это трудное время предъявляет повышенные требования, — враг своей родины. Я еще раз повторяю: наш отказ от выгрузки угольщиков с континента не приведет ни к чему. В данную минуту находятся в пути, а завтра утром прибудут на территорию порта десять тысяч штрейкбрехеров — солдат морской пехоты, а в Темзу введена эскадра береговых мониторов. Из Плимута идут транспорты. Элеваторы и краны в руках правительственных войск... Углекопы? Нет, наша забастовка им не поможет. Мы только увеличим количество раздетых, голодных женщин — ваших жен, сестер, матерей и детей...

Площадь заволновалась. Никто не двигался с места, но видно было, как шевелится вся эта многорукая, тысячеголовая масса.

Одновременно поднялся низкий, сдержанный гул голосов, местами раздались громкие выкрики.

Рабочий-негр громадного роста, стоявший рядом с авто Эллен и Дэвиса — сложил руки рупором и блеснул желтыми белками.

— А кто повезет уголь внутрь? Кто его повезет?

К нему присоединились еще голоса. Некоторое время на площади стоял порядочный шум. Эллен заметила, что темных фигур полисменов стало гораздо больше. Но эти величественные люди, похожие издали на шахматных ферзей среди пешек, сохраняли прежнюю неподвижность.

Оратор на своей вышке терпеливо ждал, когда ему снова дадут говорить. Вероятно, он чувствовал себя, как смотритель маяка на острове во время небольшой бури. Он даже позволил себе, бросив взгляд на часы, сдержанно зевнуть.

— Итак, я продолжаю. Что касается железнодорожников, то...

Оратор сделал паузу и вдруг совсем неожиданно согнулся и прыснул тонким хриплым смехом. Этот смех был так неожидан, так не вязался с обстановкой, временем и местом действия, что все затихли, затаив дыхание, и напряженно ждали, что же будет дальше.

— Хе-хе-хе! — доносился с вышки лающий голос. Было похоже, что Джемс Коллен, секретарь союза портовых рабочих, вдруг помешался.

Дэвис растерянно взглянул на Эллен.

— Я никогда не подумал бы, что он может смеяться так визгливо, — пробормотал он, и Эллен увидела в глазах своего спутника те яркие, беспокойные огоньки, которых она боялась больше всего.

К сожалению, так никто и не узнал, каким способом собирался выйти из своего неловкого и странного положения веселый оратор. Он уже перестал смеяться и снова протянул руку вперед, собираясь продолжать речь, когда внезапно внимание всех привлек на себя Дэвис.

Резко выхватив из рук Эллен букет, он с проворством обезьяны взобрался на крышу авто, сделал прыжок на крышу соседнего, и, так как машины стояли довольно тесно, то он безостановочно продолжал свое путешествие прямо

к вышке-трибуне.

Стало совсем тихо. Джемс Коллен остался с открытым ртом.

Он молча и с удивлением смотрел на странную фигуру, с букетом в руках бежавшую к нему по крышам авто. Неужели этот человек хочет ему преподнести букет, как певице! Как же поступить? Что здесь, — театр, что ли? Не злостная ли это насмешка? Ах, как это глупо и неуместно...

Однако к тому моменту, когда Дэвис добрался до вышки и начал на нее подниматься, Джемс Коллен пришел к окончательному решению. Конечно, ему не следует принимать букет, но и делать оскорбленное лицо тоже не годится. Нет, он просто и с достоинством, но решительно уклонится от участия в этой комедии и будет продолжать прерванную речь.

Разумеется, он чувствовал себя весьма неловко, но наружно оставался спокоен и, при появлении Дэвиса на площадке, плавно обернулся к нему, небрежным жестом направляя пенсне.

Вся площадь вздрогнула, когда неизвестный человек, «человек с букетом», шагнув к секретарю союза, высоко поднял обеими руками свой огромный букет, словно собирался расколоть им полено, и с размаху опустил его Коллену на голову. Сочные цветы и стебли громко хряснули.

Сжав тонкие губы, Эллен пристально следила за каждым движением Дэвиса и толпы. Ее порастил совершенно неожиданный результат его странного поступка. Вслед за ударом, после секундной паузы, тысячи рук поднялись вверх с пляшущими кепками и котелками.

Раздался громкий раскат возгласов одобрения. На площади поднялся рокот, похожий на ворчание барабана в паровой прачечной.

Этот шум и бурное одобрение поступка Дэвиса были симптомами чего-то нового и опасного. Пока Джемс Коллен в полной растерянности и Дэвис в сдержанном возбуждении стояли рядом на площадке, как два римских консула в сенате, шахматная доска площади пришла в сильнейшее движение. Ферзи-полисмены зашевелились, стараясь пробиться

ближе к вышке. Кто-то кричал.

Кого-то хватали... Но минуту спустя снова стало тихо. Все, не исключая и полиции, хотели знать, что будет делать дальше этот безумец — человек с букетом. Конные блюстители порядка действовали, как бы способствуя Дэвису. Что же, пусть он скажет что-нибудь, пусть добавит еще одно преступление, взять его они всегда успеют, надо только зорко следить. Тише, господа! К порядку, к порядку!

Эллен давно знала Дэвиса и изучила его бешеный, не считающийся ни с чем нрав. Но теперь она съежилась, глубоко погрузилась в кожаное сиденье и ждала, что произойдет. Что он скажет? Что он может сказать?

Перед ее глазами проплыли, печально кивая, как бы прощаясь на сегодня, старая ферма Огиби, пирожное и кефир за мраморным столиком под старым-престарым дубом, который датчанин-эконом называл почему-то Дядюшкой Томом. Прямое шоссе. Море...

Вспомнилась ей полная фигура отца и его наставительный тон.

«Маньяк-ученый!» Глядя на вышку, Эллен вслух два раза повторила эти слова и внезапно почувствовала ту полную уверенность в себе, которой ей почему-то не хватало последнее время.

Она хорошо знала, что Дэвис сейчас сделает именно то, что нужно. И наполняющий ее страх вдруг окрасился оттенком гордости.

Она перевела глаза на растерянную фигуру Джемса Коллена.

Тот, с пятнами на лице и в сбитой на затылок шляпе, широко раскрывая рот, глотал воздух и держался одной рукой за грудь, как бы собираясь петь.

Он и Дэвис, оба представляли необычайно комичное зрелище, однако никто не смеялся. Над площадью висела мертвая тишина.

Внезапно Дэвис резким движением протянул руку вниз, по направлению к выходу с площади, и молча, повелительно взглянул на своего невольного партнера. Он не сказал ни слова, а как каменное изваяние стоял с протянутой ру-

кой и ждал, пока голова Джемса Коллена не скрылась в выемке платформы. Тогда Дэвис, не торопясь, обернулся к толпе.

— Я проучил этого проходимца, — раздался его спокойный голос, — но так, как он ваш представитель, вами избранный и облеченный вашим доверием, то тем самым я нанес оскорбление и всем здесь присутствующим.

Он помолчал.

— Не скажет ли мне кто-нибудь, что я поступил дурно?

В ответ не раздалось ни одного голоса.

— Этот человек, секретарь союза портовых рабочих, просто продажная душа. Он несомненно куплен и говорит то, что ему приказали. Он против забастовки. Ну, а вы? Вы, конечно, за забастовку? Вы надеетесь таким способом кого-то сломить, чего-то добиться. Вы воображаете, что если страна останется без угля, то пострадает кто-то больше, чем вы сами, и придет к вам на коленях со шляпой в руке? Так знаете: они потеряют миллионы, но сохранят еще миллиарды, а вы потеряете все! Я не политик. Я смотрю глазами ученого. Я просто исследую явления. Я подвожу реальный итог, как инженер делает расчет машины. Сейчас я вижу ваши ошибки. И я говорю вам: такими мерами вы ничего не добьетесь! Ваш секретарь указал здесь на штрейкбрехеров и скейбов. Да! Они задавят, задушат вас, выбросят вон, на улицу. На их стороне сила. Что? Пассивная борьба?.. Да где это вы слышали? Вы собираетесь уйти домой, сесть на стул и, глядя в последнюю миску супа, ждать, когда вас позовут, придут к вам с извинениями? Ха-ха-ха!

Дэвис засмеялся хрипловатым, сдержанным смехом. Лицо его оставалось серьезным, а глаза глядели почти скорбно.

Площадь молчала.

— Зачем же прибегать к полумерам? Лучше в один прекрасный день все вместе, по уговору, примите стрихнин и умрите... Это подействует еще сильнее! Зато, умирая, вы утешитесь и насладитесь злорадной мыслью: «А кто же на них, каналов, теперь будет работать!»

Дэвис выпрямился во весь рост и далеко отшвырнул свой растрепанный букет. Лицо его стало темным, почти земли-

СТЫМ.

— Знайте, — прокатился до самых краев площади его звенящий голос, — когда делается старым и негодным ведро, из него течет вода... А когда то же самое случается с государственной системой, — должна брызнуть кровь!!

Эллен смутно видела, как взметнулись и завертелись мрачные конные фигуры, пробивая дорогу к вышке. Ее оглушили крик и вой тысяч голосов. Промелькнул великан-негр, отчаянно работая локтями. Какие-то приличные штатские господа кого-то хватали, сверкая маленькими никелированными наручниками. Заревели на разные голоса авто...

Стоявший в центре площади грузовик, на котором находился Дэвис, вдруг плавно двинулся с места и с тонким соловьиным посвистыванием сирены двинулся по направлению к боковой улице. Одно только мгновение Эллен могла различить на площадке несколько фигур, заслонивших Дэвиса. Где-то сбоку раздался короткий, жесткий удар, — лопнула автомобильная шина.

Ближайшая толпа, приняв этот звук за выстрел, с неодолимой силой устремилась прочь. Произошла давка. Эллен поняла, что пора подумать о собственной безопасности. Она хорошо управляла мотором и, пересев на шоферское место, пустила машину вслед общему течению. Впрочем, ей ничего иного и не оставалось делать. Она была окружена со всех сторон. Сзади тоже напирали и неистово ревели сигнальными рожками.

Площадь разгружалась медленно. Сначала появилось что-то вроде морских течений, мальштремов. Можно было, стоя с краю, наблюдать прилив и отлив. Потом сразу стало заметно свободнее.

Авто медленно, словно неохотно ползли в разные стороны. Местами стояли группы людей, с жаром о чем-то говоривших. Вся площадь стала походить на липкую бумагу, покрытую темными пятнами погибших мух.

Эллен, насколько могла быстро, следовала за грузовиком, увозившим Дэвиса, стараясь не потерять из виду серого переплета стропил вышки. Ей долго не удавалось разглядеть, что там делается. Наконец, на повороте в боковую

улицу она неожиданно оказалась совсем рядом с грузовиком. Но, несмотря на все усилия, увидеть Дэвиса ей не удалось.

Как все это вышло неожиданно и глупо! Недаром у нее было какое-то смутное предчувствие. Если бы она не поехала, то и Дэвис не попал бы на митинг и ничего не было бы. А теперь...

Ну, конечно, она сама во всем виновата!

— Послушайте, скажите: вы не знаете, где человек с букетом? Вы не видите его?

Плотный господин, сидевший в соседнем авто, галантно снял мягкую шапочку и улыбнулся одним ртом.

— К сожалению, сударыня, я не интересовался этим вопросом, — он взглянул на часы. — Из-за этого безобразия я опоздал на вокзал. Теперь я потеряю еще полчаса!

Он смотрел на Эллен, как бы ожидая ответа или сочувствия.

И Эллен ответила. Сегодняшний день выбил ее из колеи, а пример Дэвиса действовал заразительно. Ей почему-то страшно захотелось тоже сделать что-нибудь дерзко-неожиданное.

Она наклонилась вперед и, глядя прямо в жирные, маслянистые глазки плотного господина, с неожиданным для самой себя удовольствием громко крикнула:

— Вы, сэр, свинья! Свинья!..

Несостоявшаяся охота

Доктор Иван Петрович Туманов в одном белье подошел к окну и отдернул темную штору. Яркое утреннее солнце золотыми лучами брызнуло в комнату.

Знакомый двор с покосившимся ледником показался странно белым, как бы присыпанным снегом.

Туманов зажмурил глаза. Как хорошо! Он свободен три дня.

В больнице его замещает стажерка Афанасьева. На озеро, на озеро! Он пошел к умывальнику и, фыркая и отдуваясь, думал о том, что операция удаления почки прошла хорошо, у больного температура нормальная. В родильном отделении после ремонта стало светло и чисто. Вместо пьяницы Глотова, растратившего месткомовские деньги, прислали дельного и знающего лекпома Моржевцева. Чуть не до крови растираясь мохнатым полотенцем, доктор старался вспомнить еще что-нибудь хорошее и радостное.

Такое уж у него сегодня было настроение. Конечно, если бы сейчас шел дождь и не светило так ярко солнце, весь мир казался бы иным. Но не стоило об этом думать.

— Аню-ю- та!

В комнату вошла с тряпкой в руке простоволосая рябая девка.

— Приготовь, голубушка, пожалуйста, сапоги, разбойничий костюм, тот, в котором я всегда хожу в лес, и клинки Васютку: пусть сбегает накопает червей. Да не забудь положить в кошель соли, хлеба, котелок, еще чего-нибудь — как всегда...

Анюта, почесывая ногу о ногу, продолжала стоять у косяка дверей. Лицо ее было плоским, как доньшко шляпной картонки, и глаза еле виднелись из-под безбровых выпуклостей над веками.

— Ну, что тебе?

— Саша Творог приходил, сказывал: на Андозерской дороге Петьку Агафонова порезали...

— Кто?

— А не знаю. Деревенские. Пьяны дак...

— Где же он, в больнице? За мной не приходили?

— Как же, фершал парня посылал, да ты спал, я сбудить не посмела.

— Вот тебе на! Сколько раз я говорил: будить меня во всякое время дня и ночи. Когда за мной приходили?

— А не знаю. Я спала. Пастух как протрубел, парень и прибег.

— Ну ладно, ступай.

Иван Петрович быстро надел пиджак и в сандалиях, без шляпы отправился в больницу. Теперь день уже не казался ему таким светлым и радостным. Петька Агафонов! Как много в этом имени волнующего и значительного для доктора. Простой мужичок, которого все почему-то зовут Петькой или просто «парнем», мещанин маленького городка, полунищий, первым научил доктора любить лес и природу. Этот лесной бродяга, похожий на индейца длинными волосами, в своем фантастическом, служившем все сезоны полушубке, со старой берданкой в руках, был его гидом в лесных путешествиях. Он приучил доктора не бояться темных «суземок», различать неведомые голоса ночи, разводить костер в самую сырую погоду, высматривать рябчика, притаившегося в темной гуще мохнатой ели... Да мало ли чему он его научил!

Поднимаясь в гору к больнице, Иван Петрович вспоминал, как нынешней весной они с Агафоновым нашли новый глухариный ток. Нашел, собственно, Петька, но доктор, как мог, ему помогал.

Помогал! Скорее, старался помогать — и все-таки чувствовал, что мешает, не знает, что делать, как ступить. Как пронырлив, дик и смел в лесу этот парень!

На осевшем мартовском снегу в глухой тайболе наткнулись они на странные следы, будто кто-то возил вокруг деревьев салазки. Это самцы-глухари на будущем токовище еще с зимы бродили по снегу, распустив крылья, и черти-

ли ими на поверхности глубокие борозды. Тут же оказался под деревьями глухариный помет.

Как радостно было видеть эти верные признаки токовища!

Петька всю обратную дорогу делал на деревьях зарубки, «затески», чтобы потом, когда стает снег, не сбиться с пути. Весело звучали в ясном воздухе удары лесного топора.

Потом в предраассветных сумерках весенней ночи тянулось напряженное, волнующее ожидание. Петька ждал, когда запоет первая, известная ему птичка. На туманных мшаринах было тихо. Как ясные лужайки в райском саду, они светились сквозь густой переплет ветвей темного ельника. Петька блеснул в темноте глазами и поднимался с хвойного ложа. Пора! Как воры, крались они на токовище. Оставленный позади костер еще долго светился сквозь темные стволы, и все почему-то казалось, что там кто-то остался и что-то забыто. Доктор часто, уходя в темноту леса, оглядывался на манящее светлое пятно. Ему становилось беспричинно грустно.

А утром после тока! Они возвращались к маленькой лесной избушке, усталые и счастливые. После нервного напряжения ночи давало себя знать утомление, хотелось спать. Да когда же спать, если рябчики свистят в густых ельниках, тут же за избушкой!

Солнце и морозец в воздухе — запах яблок и вина. Ровной, прямой струйкой поднимался дым от костра. Громадные старые глухари висели на деревянных гвоздях у дверей. Их головы почти касались земли. Как все это хорошо!

Увлеченный воспоминаниями, доктор не заметил, как очутился у дверей больницы, маленькая перевязочная. Афанасьева — помощница доктора — стоя спиной к двери, мыла руки.

— Здравствуйте, коллега. Что случилось? Вы посылали за мной? Я слышал — ранен Агафонов?

— Да. Глубокий порез правой части живота с повреждением ребра и диафрагмы.

— Где положили? В хирургической?

— Нет, в пятой палате. Пройдете к нему?

Иван Петрович, не отвечая, быстро вышел в коридор. Афанасьева догнала его, вытирая на ходу руки.

Перед самой дверью пятой палаты Иван Петрович остановился, решительно толкнул дверь и вошел в комнату. На единственной койке, вытянувшись во весь рост, лежал на спине Петька. Его лицо потемнело, глаза были полузакрыты. При виде доктора щели век чуть приоткрылись, одна бровь приподнялась вверх.

Доктор тихо подошел, сел на край кровати и взял грязную, с черными ногтями руку. Пульс едва прощупывался.

— Петр, ты не говори, только кивни головой. Как себя чувствуешь? Болит?

Раненый кивнул одними веками.

— Дышать больно?

— Да, — чуть слышно прошептал раненый.

Иван Петрович приподнял одеяло. Густая повязка промокла от крови, в животе раненого что-то урчало и переливалось.

— Кишечник как будто цел, и кровью не кашлял. Вероятно, легкие тоже не задеты, — задумчиво сказала Афанасьева. — Удар, видимо, нанесен был косо, снизу вверх. Разрез идет от пупка, постепенно углубляясь до самого ребра. Может быть первичная склейка...

— Так, так... Ты, Петр, слышишь? Лежи спокойно, не шевелись и на бок не переворачивайся. Самое главное — покой и неподвижность. Я еще зайду сегодня.

Подождав немного, Иван Петрович закурил папиросу и вышел во двор. Он не знал, куда идти и что делать. Оставить без себя Агафонова доктор боялся. «Умрет, пожалуй, — лезла непрошенная мысль, — с кем же я буду ходить осенью на охоту?»

Побродив по двору, он опять пошел навестить Петьку.

— Вот заменяет меня Афанасьева, а боюсь я на нее оставить парня. Вдруг что-нибудь...

Агафонов лежал по-прежнему вытянувшись, но глаза были раскрыты шире, и смотрел он осмысленно.

— Ну, как дела?

— А что дела... Тошнит.

— Говорить не трудно?
— Нет.
— Кто же это тебя так разделал — Андозеры?
— Не, другие. Ты не знаешь. Из-за девки все вышло.
— Как всегда. Не стоят ваши девки того, чтобы из-за них резаться...
— А ваши стоят?
Доктор улыбнулся.
— Я вообще говорю. Все они не стоят этого. А как же тех-то, захватили?
— Не знаю. Я, как свалился, ничего не помню.
Вошел Моржевцев.
— Вы, Иван Семеныч, знаете, при каких обстоятельствах он пострадал?
— А шут их разберет! Мужик привез его ночью. Подобрал, говорит, где-то на дороге в трех верстах от Андозера. Болтал что-то, будто шли той же дорогой андозерские ребята со свадьбы, были там еще какие-то Ваня Студень и Володя Огурец... В общем, ничего определенно не известно.
— Так. А ты, Петр, помнишь, кто тебя порезал?
— Как не помню! Он сам едва живой ушел.
— Кто же?
— Зачем мне говорить!.. У нас свое дело. Их человек шесть, дери их за ногу, навалилось...
Петька тяжело перевел дух. Его лицо приняло жестокое выражение и еще больше потемнело.
— Вот, поправлюсь ежели, покажу тому... не уйдет. Да, ладно...
Раненый посмотрел в потолок. Его лицо прояснилось.
— Помню, мы в Немецком море потопили пароход, «Изабелла» назывался. Апельсины в Англию вез. Как взорвали его, так — ой-ой-ой! — сколько апельсинов по морю заплясало! Командир разрешил ловить, провизии мало было. Рыбу тоже сами ловили. У немцев сетки такие были на каждой лодке.
— Бредит, — серьезно заметил Моржевцев.
Доктор ничего не отвечал. Но он знал, что Петька не бредит.

Он часто слышал рассказы Агафонова о его службе на немецкой субмарине.

Многие из русских военнопленных попадали в такой переплет.

У немцев не хватало людей. Предлагали русским службу на английском или французском фронте. Петька согласился и попал матросом на подводную лодку. Топил пароходы у берегов Англии.

Их лодка, как щука, шныряла в морях и несла гибель. У Петьки на руке сохранилась синяя татуировка «U-17»: номер немецкой субмарины.

Пребывание в немецком плену и на службе наложило отпечаток на характер парня. Он был гораздо умнее и хитрее, чем казалось на первый взгляд. Но он не изменил себе и остался прежним лесным бродягой.

— Да, апельсины, апельсины... А напиться можно?

— Можно. Дайте ему, Иван Семеныч.

Попрощавшись с раненым, доктор задумчиво побрел домой.

Дойдя до калитки, он присел рядом со сторожем на лавочку.

Женщины уже ушли. Лениво закулив и угостив папирсой сторожа, Иван Петрович стал смотреть вдоль улицы. Больница стояла на горе, и, так как городок расположен был на самом взморье, то отсюда виден был широкий простор, далекий горизонт Белого моря. В зеленоватой дали виднелся одинокий парусок поморской «шняки».

— А завтра дождь будет, Иван Петрович, — сказал сторож, посмотрев на темные тучки, показавшиеся на северном горизонте. Эти рваные, низкие облака, появляющиеся внезапно среди самой хорошей погоды, служат на Белом море верными признаками скорого ненастья. Они называются по-местному «портянки».

— Да, похоже на то, — рассеянно ответил доктор. Он чувствовал себя недовольным. Посидев еще минуту, встал и решительно пошел домой.

— Надо заняться английским языком. Три дня не брал книги в руки...

Планы Блэкборна

Старый лорд обвел присутствующих пытливым, холодным взглядом. Он был единственным представителем вымирающей аристократии среди этого блестящего собрания денежной знати.

Кроме того, он хорошо знал, что его дед Чарльз Блэкборн считал бы ниже своего достоинства сидеть и беседовать с дедами здесь присутствующих. А относительно одного из них, Джекоба Моора, слышал, что дедушка его со стороны матери был садовником в одном из имений Виллиама Блэкборна, отца старого лорда.

Что ж делать... Времена настолько переменялись, что ему не только приходится вести дела с этими промышленниками, но и ждать от них помощи и содействия.

Потому-то на всем протяжении своей речи старый лорд пристально смотрел на противоположную стену, где висел потемневший портрет его деда. Чарльз Блэкборн был изображен в шотландском охотничьем костюме с парой борзых у пояса. Из-за его плеча выглядывала голова лошади. Борзые походили на стерлядей, а у лошади были удивленные, человеческие глаза. Лорд с детства знал этот портрет и потому не замечал наивности рисунка. Всегда в трудные моменты жизни он обращал взоры к портрету. Ему казалось, что в созерцании своего благородного предка он черпал силу и мудрость, которыми тот отличался при жизни.

— Если мой план приемлем, прошу высказаться по существу.

Со своей стороны должен заметить, что считаю положение настолько острым и напряженным, что, по крайней мере, предварительные меры должны быть приняты сейчас же.

Джекоб Моор, владелец чуть ли не пятой части всех колониальных алмазных акций, засопел и вынул изо рта сигару.

— Я думаю, что дело не только в деньгах. В этом случае надо действовать очень осторожно. Можно все испортить. Да... Я хорошо знаю, что люди такого сорта не легко покупаются на деньги. Деньги — это потом. А пока надо постараться привлечь его идейно. Это гораздо труднее...

— Чем привлечь? — насмешливо спросил высокий, тонкий джентльмен, помощник директора Объединенного стального картеля.

— Например, — не слушая его, продолжал Моор, — мы можем предложить ему финансирование его опытов. Ну, вероятно, он нуждается и в человеческом материале. Это мы тоже могли бы ему предоставить. Но главное — заинтересовать его общественным значением его открытия, особенно в настоящий момент.

Джекоб Моор снова вставил в рот сигару и умолк, недовольно поглядывая вокруг. Он был грузен и неподвижен, но глаза непрестанно бегали кругом и, казалось, все ощупывали.

Вошел лакей и объявил о прибытии еще одного члена собрания. Через минуту в кабинет вошел крепкий невысокого роста человек лет сорока. Его ждали с нетерпением. Это был секретарь одного из союзов горнорабочих северных угольных районов.

Старый лорд поднялся навстречу ему и, бросив взгляд на портрет уважаемого предка, подал руку.

— Мы начали без вас, мистер Томсон. Но, так как вы уже в курсе дела, то...

— Да, да — я знаю. Но есть свежие новости, которые, я думаю, вас заинтересуют. Теперь нам гораздо легче будет начать дело.

— Рассказывайте, что вы узнали.

— Дэвис арестован.

Минуту длилось молчание. Томсон весело посматривал, наслаждаясь произведенным эффектом. Отхлебнув вина, он продолжал:

— Сейчас Дэвис находится в одной из камер Скотланд-Ярда. Я имею самые точные сведения. Он нанес оскорбление секретарю портовых рабочих и выступил с погром-

ной речью.

Члены собрания многозначительно переглянулись.

— Кроме того, — продолжал Томсон, — он отказался дать объяснения и назвать свое имя чинам полиции. Таким образом, кроме меня и еще двух-трех вполне надежных лиц, никто не знает, кто он такой. Надо торопиться. Его невеста, эта сумасшедшая Эллен, дочь профессора Хойса, может помешать нам. Она присутствовала при всей этой истории. Необходимо сейчас же принять меры. Если Дэвис будет в наших руках, то я почти ручаюсь за успех. Остальное предоставьте мне.

Лорд Блэкборн встал и прошелся по кабинету. Он был слегка взволнован тем, что без всяких усилий с их стороны они так близко подвинулись к цели.

— Мне придется съездить самому, — обратился он к присутствующим. — Через час я вернусь и, надеюсь, мы будем иметь честь говорить с самим безумцем.

Сделав общий поклон, лорд вышел.

Оставшиеся ожидали с глубоким нетерпением его возвращения. Одиннадцать человек самых богатых людей Англии обступили Томсона. Каждый с жадностью прислушивался к тому, что говорил этот уверенный в себе и решительный джентльмен. Ведь он был своего рода связующим звеном между ними и непонятным, страшным племенем людей, которые водятся в глубине шахт и недрах заводов и называются рабочими.

— Как вы думаете, — спросил один из крупных нефтяников, — какой процент безработных согласится на «уменьшение»?

Томсок весело взглянул на него.

— Какой процент? Сто процентов. От этого не откажется никто из тех, кому нечего есть, кому нечего больше терять. Мы можем предложить им великолепные условия! При этом это в дальнейшем будет очень недорого стоить. Ведь потребление припасов уменьшится в сотни раз. Кроме того, многие из уменьшенных окажутся полезными на некоторых специальных производствах. В ювелирном деле, при изготовлении тонких приборов. Затем и военное ведомство...

Последствия неисчислимы, если не считать самого главного: устранения армии безработных, представляющей постоянную угрозу порядку. Было бы вполне рационально, в случае удачи переговоров с Дэвисом, организовать «Трест рабочей деминимации». Главной же задачей является привлечение на нашу сторону самого ученого. Его последнее выступление ничего не значит. В этом человеке говорит не сила убеждения, а просто чувство противоречия и строптищность характера. Может быть, еще и некоторый непорядок в голове.

— А вы, мистер Томсон, не взяли бы на себя обязанность привлечь на нашу сторону его невесту, мисс Эллен? Она может оказаться весьма полезной.

— Конечно, не откажусь. Ситуация самая подходящая: Дэвис в опасности, и она, несомненно, пылает желанием спасти его.

Дальше Томсон набросал яркую картину деятельности «Треста рабочей деминимации».

— Каждый безработный, независимо от возраста, пола и производства, направляется в главную контору треста. Там он дает расписку в том, что подвергается операции добровольно и никаких претензий к тресту предъявлять не вправе. Деминимация должна производиться не над отдельными лицами, а над целыми семьями, чтобы не разлучались родственники. Дальше. Так как возвращение к прежнему росту, по всей вероятности, невозможно, как говорил Дэвис в своем последнем докладе, то необходимо позаботиться о всей жизненной обстановке уменьшенных, включая жилища, транспорт, различные производства. Для уменьшенных откроется необозримое поле деятельности. Думаю, что можно будет подвергать уменьшению также и преступников, — эта мера сделает их безопасными для государства. Вообще, необходимо выработать точный устав, согласовать все мероприятия с правительством и позаботиться, чтобы не помешал парламент. Я думаю, вы представляете себе, насколько изменятся все обстоятельства, когда наши армии безработных будут поселены на пространстве одной квадратной мили!..

— А до каких размеров удобнее всего было бы уменьшать, по вашему мнению?

— Это вопрос сложный. Относительно углекопов я думаю, что опасно оставлять их ростом свыше пяти-шести сантиметров. Но это — техника дела. Мы же решаем пока лишь в принципе. Был ли кто-нибудь из присутствующих на последнем докладе Дэвиса?

Члены собрания переглянулись.

— Ну вот. Вы знаете из газет, а я лично присутствовал на заседании общества и видел собственными глазами кошку — понимаете, трехлетнюю кошку с пропорциями тела взрослого животного. Она свободно умещалась у Дэвиса на ладони.

Слушая неугомонного мистера Томсона, все нетерпеливо посматривали на старинные резные часы. Никто не сомневался, что лорд Блэкборн привезет с собой Дэвиса. Лорд имел достаточно влияния, чтобы получить из рук полиции неизвестного сумасброда-крикуна. Уличных ораторов в последнее время развелось так много, что они не представляли для полиции большой ценности. Были дела поважнее. Конечно, выступление Дэвиса носило несколько исключительный характер, но и личный визит лорда Блэкборна тоже чего-нибудь да стоил.

Прошел час. Опускались сумерки, и слуга, закрыв окна, зажег электричество.

Джекоб Моор во второй раз пошевелился, вынул изо рта сигару и снова собирался что-то сказать, как вдруг под окном послышался шум подъезжающего автомобиля. Некоторое время Моор оставался с раскрытым ртом, обводя присутствующих глазами, но, вероятно, решив, что говорить не стоит, сунул сигару в рот и успокоился.

Он не пошевелился и только, прищурив глаз, с любопытством смотрел, когда в кабинет лорда вошла странная процессия.

Впереди шел, как бы показывая дорогу, сам лорд Блэкборн.

За ним медленно подвигался неизвестный с повязкой на глазах и в маленьких наручниках. Его заботливо поддер-

живали два джентльмена в котелках. Шествие замыкал старый дворецкий.

— Как видите, я сдержал слово, — произнес лорд, стягивая тугие перчатки, — хотя должен признаться, что это было нелегко.

Пленника усадили в кресло, и только тогда с его глаз была снята повязка. Члены почтенного собрания опасливо расположились с противоположной стороны стола. Джентльмены же, сняв котелки, стали за креслом пленника.

Дэвис сидел и спокойно, с любопытством оглядывал роскошную обстановку кабинета и живописную группу незнакомых людей, следивших за каждым его движением. Он не знал, куда попал, но отчасти успокоился, увидев, что непосредственной опасности нет.

— Где я и что вам от меня угодно? — произнес он усталым голосом, ни на кого не глядя. Его взгляд остановился с легкой улыбкой на портрете предка. Лорд заметил эту улыбку и понял ее по-своему. Он вскипел, но сдержал себя и спокойно ответил:

— Вы, мистер Дэвис, находитесь в доме, принадлежащем мне — лорду Артуру Блэкборну. Я и все эти господа, — он сделал плавный и широкий жест, — заинтересованы в вашей судьбе... Узнав, что с вами случилась неприятность, мы решили придти на помощь. И вот... вы теперь здесь. Кроме того...

Дэвис резко и нетерпеливо тряхнул головой.

— Что же значат эти наручники?

— Видите ли, мистер Дэвис, здесь присутствуют лица, жизнь и безопасность которых... гм, в моем доме... Притом, ваше поведение перед арестом было несколько... гм... странно.

Бросив взгляд на портрет, лорд сквозь зубы набрал воздух и твердо произнес:

— Если вы дадите слово джентльмена вести себя спокойно, я прикажу снять с вас наручники.

— Хорошо, обещаю.

По знаку лорда один из сыщиков подошел к Дэвису.

— Готово.

— Так. Теперь, может быть, вы найдете возможным отправить домой и этих господ? — Дэвис кивком головы указал на приличных джентльменов.

Одиннадцать самых богатых людей Англии не хотели показаться трусами, и Моор, в третий раз вынув изо рта сигару, обвел всю компанию тусклым взором.

— Я полагаю, — заметил он, — что мы можем выполнить и эту просьбу нашего гостя.

С сожалением взглянув на догоревшую до конца сигару, он швырнул окурок в камин и закурил новую. Сыщики удалились.

Дэвис свободно откинулся на спинку кресла, придвинул ящик с сигарами и глубоко вздохнул.

— Теперь я к вашим услугам.

Мистер Томсон встал и прошелся по кабинету. Всегда находчивый и болтливый, сейчас он не находил слов и чувствовал себя неловко.

— Прежде всего, мистер Дэвис, вы должны знать, с кем имеете дело. Кроме нашего хозяина, лорда Артура Блэкборна, — Томсон с вежливым полупоклоном стал указывать рукой, — здесь присутствуют господа: Джекоб Моор, Овен Уолмерс, Дорсит Кан, Гарри Эстман, Джон Деферринг, Джон Джаксон, Джемс Мур, Виллиам Кобб, Перси Билловс, Исаак Люсмор и Питт Мелтон. Я думаю, эти имена вам достаточно известны...

— Но вы мне не назвали еще себя.

— Дик Томсон...

— Из Ньюкэстля?

— Да, Дик Томсон из Ньюкэстля.

— Чудесно!

Минуто длилось неловкое молчание.

— Итак, что же вам от меня угодно?

Джон Деферринг, имя которого известно каждому, хоть раз выдавшему бидоны нефти, олеонафта, керосина или машинного масла, первым нарушил молчание.

— Пусть вас не удивляет эта обстановка, и вообще... Я хочу сказать вам, мистер Дэвис, что вы не должны себя чувствовать пленником. Надеюсь, понятно без объяснений, что

иного способа вырвать вас оттуда, где вы находились, не было. Нам известно, что вы работаете в одиночестве, ваши коллеги скептически относятся к вашим трудам. За недостатком средств вы не можете широко развернуть свои опыты... Так почти всегда бывало с гениями всех времен...

Джон Деферринг вздохнул и взглянул на часы.

— Да... Мы люди дела и смотрим практически. Вы, вероятно, не хуже нас знаете, какое глубокое значение для общества, для всей экономики, для международного положения страны имеет осуществление того, что намечено в ваших предварительных опытах. Мы не сомневаемся, что и вы тоже заинтересованы в скорейшем достижении успеха ваших опытов и применении их на практике. В этом случае научный интерес как нельзя лучше совпадает с практической выгодой. В настоящий момент страна находится, как вам известно, в тяжелом положении. Толпы безработных требуют крова, пищи, всего необходимого. Внешняя торговля пала, из рук уходят рынки... Наши богатства эксплуатируются другими. Русская нефть... Русская нефть!

Мистер Деферринг не мог спокойно говорить о русской нефти.

Он некоторое время сидел неподвижно и тяжело дышал, вытирая платком лицо.

— Вот! Видите, какое положение? Вообще, надо признать, что Великобритания стала слишком тесной для разросшегося населения, и нам никогда не выйти из постоянного состояния безработицы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Да, особенно при наличии живого примера одной страны на континенте, эти последствия могут стать чрезвычайно опасными. Вы меня понимаете? Мы предполагаем организовать «Трест рабочей деминимации». Уменьшение первым делом должно коснуться, конечно, тех, кому нечем жить, для кого кусок хлеба слишком мал, иначе говоря — всех недовольных и стремящихся какими-то иными мерами исправить положение вещей. Это будет истинным благодеянием для человечества. Да... Присутствующие здесь будут первыми акционерами и основателями треста, вас же мы предполагаем назначить директором. Вот, в

общих чертах, наши намерения и цели. Может быть, вам покажется несколько странной та поспешность, с которой мы приступаем к делу, но обстоятельства складываются столь остро, что никакие действия не могут быть названы слишком радикальными. Мы ставим вопрос прямо. Может быть, вы найдете возможным дать столь же прямой ответ?

Дэвис задумался всего лишь на минуту.

— Хорошо, — сказал он твердо, — но я поставлю некоторые условия. Потрудитесь их выслушать. Я требую, чтобы моя невеста — мисс Эллен Хойс — была извещена о моем местопребывании и чтобы ей предоставлено было право видеться со мной. Вы позаботитесь о полной тайне моего исчезновения. Я напишу письмо своему слуге. Оно должно быть послано из Парижа, с парижским штампом. Ваши доверенные доставят сюда или в другое место, по вашему усмотрению, все, находящееся в моей лаборатории: Маркет-стрит, 668-24. Относительно перевозки животных и аппаратов я дам инструкции. В мое распоряжение должна быть предоставлена просторная изолированная комната и несколько слуг, а также необходимые средства. Что касается охраны, то вы сами, вероятно, достаточно в этом заинтересованы.

Дэвис умолк. Его лицо было холодно и бесстрастно. Когда лорд Блэкборн вперил в него свой пронзительный взгляд, Дэвис не опустил глаз. Лицо лорда смягчилось улыбкой.

— Прекрасно. Ваши условия как нельзя лучше совпадают с нашими пожеланиями. Все будет исполнено. Завтра в «Таймс» появится заметка о вашем отъезде на континент. Вы уехали отдохнуть. Вы переутомились...

Одиннадцать самых богатых людей Англии встали с кресел и, окружив Дэвиса, наперебой жали ему руку.

Дик Томсон посматривал вокруг с таким видом, будто именно ему все были обязаны удачным и быстрым исходом дела.

Все были довольны. Только уважаемый предок лорда Блэкборна сурово глядел с потемневшего полотна.

Manor Street, 15, Chelsea

Пустив машину самым тихим ходом, Эллен медленно подвигалась вдоль Саутуорк-Парка. Чтобы попасть в Финсбери, где она жила, надо было проехать через Сити. Хотя эту часть города Эллен знала хорошо, однако провести машину по многолюдным улицам Сити для нее оказалось делом трудным. Особенно затрудняли ее перекрестки больших улиц. Приходилось внимательно следить за темпом подвижек и путями поворотов. Как настоящий шофер, — она при задержках выставляла наружу руку, сигнализируя едущим сзади.

Она устала. Ее пришибли сегодняшние события. Грохочущий город казался чужим и враждебным.

Достигнув Tooley Street, Эллен прибавила скорость. Она торопилась, сама не зная, куда и зачем. Что она могла сделать?

Дэвис, конечно, арестован. Разве она в состоянии ему чем-нибудь помочь?.. К кому обратиться? Мистер Хойс... Он только обрадуется всей этой истории. Тетушка Гуд... Эллен перебирала в уме всех, к кому она могла бы обратиться за помощью и советом, и пришла неожиданно для себя к выводу, что у нее нет никого, решительно никого близкого, кто мог бы понять и пожалеть ее...

Эта мысль настолько поразила Эллен, что у самого въезда на Лондон-Бридж она остановила мотор и испуганно огляделась по сторонам.

— Так, значит, одна? Одна в целом мире... А Дэвис! Дэвис...

Резким толчком рванулся маленький мотор и, миновав мост, понесся по City Road.

Дэвис и Эллен, Эллен и Дэвис... Их только двое. Весь город, все государство, вся Европа, весь мир, это — враги. Злые враги...

Мотор бешено мчался, резко осаживая на перекрест-

ках, и внезапно заторможенные колеса жалобно стонали на сухом асфальте. Эллен понимала, что она едет с недозволенной скоростью.

Ну что ж! Пусть!

Враги, враги... Все ли враги? А тот негр, который так громко кричал на площади, — разве он тоже враг? Кому враг? Дэвису?

Нет, нет — это все не то... Этот главный враг где-то в другом месте. Его не видно, но присутствие его чувствуется в каждом звуке, на каждом метре пути по City Road, в шуме работы на Айльоф-Догс, в зале ученого общества, где Дэвис читал свой доклад, в самом запахе города. Уличный шум — это не жизненный пульс громадного города, а тот визг, с которым принимают удар ножа свиньи на бойнях Чикаго. Эллен была там однажды.

Да, это очень похоже... А Дэвис работает для того, чтобы стало легче жить.

Он недоволен чем-то. Недовольны и те, кого Эллен видела сегодня на площади. Их так много... А кто же доволен? Кому здесь хорошо?

Серьезно и по-новому Эллен кидала взгляды на роскошные фасады домов Сити. Они холодны, строги. От них теперь зависит судьба Дэвида. Наверно, про кровь этих холодных домов крикнул он тогда на площади. И как было принято это слово! Так думают многие...

А отец! Откуда у него деньги? Никогда она не задумывалась над этим. Кажется, у него есть какие-то акции. Стальные акции каких-то заводов в Шеффилде. Да, да... Но отца никто не считает богатым. Он трудится, он работает.

Эллен старалась вспомнить, сколько отец получает по кафедре и сколько они проживают в год. Ее последняя поездка в Америку... Она припоминала множество вещей, совсем ей не нужных, которые она так часто покупает. Когда ей требуются деньги, стоит лишь подойти к отцу и попросить. Мистер Хойс только спрашивает: «Сколько?» Это так просто! Да, они живут не на жалованье. Акции... За что же он получает деньги? Кто на него работает? Кто на нее работает?

Вот, наконец, Табернакль-стрит, Леонард-стрит. Она дома.

Сдав авто на прпечение шофера, Эллен быстро поднялась к себе. Отца дома не было, ее встретили «люди».

— Как только мистер Хойс возвратится,— сказала она, — дайте мне знать.

Она быстро ушла в свою комнату. Не раздеваясь, села на кушетку и замерла. Экзамен? Он казался ей каким-то далеким и ненужным. Взяв все-таки брошенную на столе книгу, она попробовала заставить себя сосредоточиться. Может быть, так скорее пройдет время.

«...нефрит представляет собой плотный, лучистый камень, смешанный отчасти с зернами диопсида и имеющий спутанно-волокнистое строение. Весьма вязок, на ощупь несколько жирен...» Дэвис сейчас, наверное, где-нибудь взаперти. Он ждет, что ему помогут... Кто поможет? Я помогу, да, да... «Цвет его масляно- или луково-зеленый, склоняющийся иногда к белому и серому...» Но что же я могу сделать! Поехать в Скотланд-Ярд... Там меня не примут, а если и примут... Ах, что же делать!..

«Излом занозистый, по составу представляет двойной силикат извести и магнезии... Иногда содержит незначительное количество закиси железа...» Закиси железа...

Книга с шумом полетела на пол. Эллен, вскочив, начала быстро-быстро, ломая пальцы, ходить взад и вперед по комнате.

— Закиси железа! Закиси железа... — громко повторила она несколько раз бессознательно, как будто угрожая кому-то этими словами.

Прошел час. Мистера Хойса все не было. Уже вечерело.

— Надо подождать, — думала Эллен, — нельзя торопиться.

Возможно, Дэвиса попросту выпустят. Ну да, не нужно никому ничего говорить, он, собственно, ничего ужасного не сделал, может быть. Неужели надо съездить к Дэвису на квартиру?

Эллен делает шаг к телефону. Остановилась. Нет, она поедет сама. Сама...

Шофер с поклоном открыл дверцу авто.

— Пэдингтон, Маркет-стрит, 668-24.

Эллен откинулась на спинку сидения и закрыла глаза. Она так устала сегодня. Зачем она едет? Телефон... Но ей так хочется войти в мастерскую Дэвиса, подышать ее воздухом.

Авто быстро мчался по прямым центральным улицам. Вот они уже на аристократической Оксфорд-стрит. Сейчас направо...

А если Дэвис уже дома?! Нет, нет, надо подготовиться к худшему.

Швейцар, знавший Эллен, распахнул дверь. Отказавшись на ходу от услуг лифтера, она почти бегом поднялась на четвертую площадку и в волнении нажала пуговку звонка.

— Нет, мисс. Мистер Дэвис уехал утром и не возвращался.

Старый слуга помог Эллен раздеться.

— Я пройду в его рабочую комнату. Мне нужно дождаться мистера Дэвиса.

— Слушаю, мисс.

Эллен переступила порог так хорошо ей знакомой комнаты с тяжелым чувством. Как пусто здесь без хозяина! Яркая люстра осветила странную обстановку и убранство маленького научного уголка. На первый взгляд все здесь казалось разбросанным в беспорядке. Дэвис запрещал производить уборку в своей лаборатории. Стол был завален пробиркодержателями со множеством стеклянных трубочек. Они светились разноцветными бликами.

Посередине стоял какой-то странный аппарат. Блестело стекло, черный эбонит. Пук проводов из аккумулятора полз по ножкам стола... Угловой столик ломился под тяжестью книг и исписанных тетрадей. На полу валялись обрывки бумаги.

Эллен осторожно пробралась и села в кресло. Это его кресло.

Эта комната — маленький храм, в котором единственный жрец — Дэвис. Отсюда, из этой мастерской, вырвется в мир его могучая мысль, и все пойдет по-новому. Всем, кто был там на площади, станет легче жить. Дэвис этого хочет.

Эллен пришла в голову простая мысль: «Тогда всем хватит угля и хлеба, и...»

Она задумалась и долго сидела неподвижно, подперев рукой подбородок.

Эллен вздрогнула. Старый слуга мягко вошел в комнату с подносом в руках. Он направлялся к винтовой лестнице в углу мастерской.

— Вы куда, Джон?

— Пора кормить животных, мисс. Им полагается пища два раза в день.

— Можно посмотреть?

Старик с минуту колебался. Дэвис строго запретил ему пускать к животным посторонних. Но ведь мисс...

— Да, да... Прошу, мисс, — он пропустил Эллен вперед и, вздохнув, поднялся следом за ней.

В маленькой комнате стояли три клетки. У стены виднелась корзина. Шумел вентилятор. Воздух был чист и свеж.

— Какая прелесть! — воскликнула Эллен, вынув из корзинки маленькую кошечку. — Дайте, Джон, рыбку. Я сама хочу покормить.

— Нет, мисс, эта не кушает. Мистер Дэвис запретил ее кормить. Пищу принимают вот эти две, большие.

— Но как же...

— Ей не требуется. Может жить без еды. Зато вот...

Старик молча пошевелил в воздухе пальцами, изображая маленькие размеры животного.

Эллен никогда не держала Дэзи в руках. Ее охватило странное чувство. Не сон ли все это? Ведь это — не кошка, а игрушечный, может быть, даже заводной котенок из японского магазина.

Неужели она живая?

Большие кошки ласково терлись о ноги старика. Он их вынянчил и называл по именам. Они привыкли к своему сторожу и знали его лучше, чем своего настоящего хозяина. Того они хоть и не боялись, но держали себя с ним сдержанно и серьезно. Он их не кормил. И не ласкал.

Эллен взглянула на часы. Одиннадцать часов. Пора домой.

Вероятно, отец уже поужинал.

Она больше не надеялась, что Дэвис сегодня вернется. Конечно, он арестован, и его не скоро выпустят. Теперь такое тревожное время!

— Если мистер Дэвис возвратится, передайте ему, что я была здесь. Пусть он мне тотчас позвонит.

С тяжелым чувством отправилась Эллен домой по залитым светом улицам. Надо ждать. Ее энергичная, деятельная натура не мирилась с этим.

Мистер Хойс ужинал один у себя в кабинете. Он был в хорошем расположении и ласково взглянул на дочь, когда она вошла.

Ему бросился в глаза ее усталый, раздраженный вид.

— Ну, как твой экзамен?

Эллен молча опустила на полукруглую софу. Ее губы начинали дрожать. Она боялась заплакать.

— Тебя, вероятно, нельзя поздравить с удачей?

В голосе отца слышалось участие. Да — ее, конечно, нельзя поздравить с удачей... Если б он знал!

— Нет, папа, я сегодня не держала экзамена.

Эллен старалась взять себя в руки, но нервы так напряжены, что она несколько минут сидела молча и почти до крови кусала губы. Сказать или нет? Зачем? Он все равно не поймет.

Она встала и подошла к отцу. Вот он сидит — старый и ласковый. У него акции стальных заводов Шеффилда... Так это он — один из тех врагов, о ком сегодня говорил Дэвис?

— Скажи, папа, — неожиданно спросила она, — мы богаты?

Мистер Хойс не удивился странному вопросу дочери. Он к этому привык. Отрубив кончик сигары затейливой гильотинкой, он раскурил ее, не торопясь, в то время как Эллен стояла перед ним, заложив руки за спину. «Как она похожа на свою мать! — опять подумал он. — Та же манера стоять, та же поза...»

— Как тебе сказать... У людей это не называется богатством. Если мы живем без страха умереть с голоду и не дол-

жны себе во многом отказывать, если у тебя есть достаточно на твое приданое...

Эллен нетерпеливо подернула плечами.

— Сколько мы имеем денег?

— Мой профессорский оклад тебе известен. Кроме того, я имею доход от издания моих научных трудов. Скоро выходит вторым изданием «Институт цеховой промышленности среднегерманских городов в пятнадцатом веке». Эта книга даст мне около десяти тысяч. Ну, и еще кое-что есть в банке... Твоя часть тоже там. Ты уже совершеннолетняя и, конечно, можешь распоряжаться этими средствами по своему усмотрению. В завещании твоей матери сказано вполне определенно...

— А что нам дают акции?

— Они приносили хороший, верный доход и были достаточно устойчивы. За прошлый год несколько упали, а теперь... Теперь я не знаю, что будет дальше. Если забастовки не прекратятся, акции могут совсем обесцениться. Производство уже сократилось наполовину. Металлисты собираются примкнуть к забастовавшим углекопам. Текстильщики, химики... Сейчас уже угольщики с континента разгружаются солдатами под охраной морской пехоты. Ожидают выступления железнодорожников...

Эллен спокойно и пристально посмотрела отцу в глаза. Его взгляд стал злым, в голосе слышалось раздражение.

Профессор резко стряхнул с сигары пепел, несмотря на то, что обычно старался его сберечь.

— Сегодня «Таймс» пишет, что в европейских портах рабочие тоже отказываются погружать для нас уголь. Там тоже приходится прибегать к вооруженной, организованной силе. Нигде нет порядка... Я думаю, теперь самое время начать кое с кем разговаривать при помощи бомбовозов, а наши палаты умеют только размахивать руками. Запрос такого-то депутата, ответ такого-то министра... Надоело! Пусть лучше спросят мнение заводов Виккерса...

— Спокойной ночи, папа, — сказала Эллен и, не поцеловав отца, повернулась к двери.

Мистер Хойс хотел окликнуть и вернуть ее. Он еще не

все сказал, что мучило его последнее время. Ему нужен был молчаливый и соглашающийся со всем слушатель. В нем слишком много накипело!

Но он знал, что Эллен не вернется. Да, у нее такой же характер, как был у его покойной жены. Совсем такой же...

Хойс принялся бродить из угла в угол.

Дня через два Эллен вызвали к телефону.

— Алло! Да, это я, Эллен Хойс...

Она узнала голос старого Джона.

— Извините, мисс, что я осмелился вас беспокоить, но вы просили позвонить, когда мистер Дэвис вернется...

— Он дома?

— Нет. Но я получил от него письмо из Парижа. Он сообщает, что пробудет там неопределенное время, дает указания относительно животных. Кажется, он собирается их перевезти к себе...

— А адрес?

— К сожалению, адреса он не сообщает. Всю корреспонденцию приказывает оставлять пока здесь, на квартире.

— Больше он не пишет ничего?

— Нет, мисс, ничего.

— Спасибо, — беспомощно произнесла Эллен и дрожащей рукой повесила трубку. «Что это значит? О ней ни слова... И как он попал в Париж? — раздумывала Эллен. — Сейчас шесть часов. В это время бывает почта, вечерняя воздушная почта. Джон, вероятно, только что получил это письмо».

Она позвонила.

— Почту еще не приносили?

— Нет, но сейчас должна быть.

Нетерпение возрасало. Эллен почему-то была уверена, что ей должно быть письмо от Дэвиса.

Когда, спустя полчаса, за дверьми раздались шаги горничной, Эллен выбежала навстречу ей. Быстро схватив с темного китайского подноса синий конверт, она распечатала его и подошла к окну.

«Если вы интересуетесь судьбой известного вам лица, приходите завтра ровно в четыре часа дня в Гайд-Парк. Я буду там, где большая аллея Кенсингтонского сада упи-

рается в Серпантин. Я вас знаю и подойду к вам».

Подпись Эллен не могла разобрать. Но, ни минуты не задумываясь, она решила поехать. Конечно, этот человек имеет сведения о Дэвисе. Завтра в четыре!

Квартира Дэвиса в Пэдингтоне находилась недалеко от Гайд-Парка, и Эллен решила сначала зайти посидеть несколько минут в ее любимой комнате лаборатории Дэвиса. Она чувствовала, что свидание в Гайд-Парке принесет ей какие-то важные и, наверно, нехорошие известия. Она хотела сначала подготовиться. Где же сделать это лучше, как не в комнатке на Маркет-стрит?

Старый Джон встретил ее, как всегда, почтительно и приветливо.

— Никаких известий нет, мисс. Писем? Тоже нет.

Эллен опять присутствовала при кормлении животных и нашла, что Дэзи за три дня стала еще меньше.

Время приближалось к четырем. Эллен решила дойти до места свидания пешком. По мере приближения к саду ее все более охватывали робость и беспокойство. На Bayswater Road, несмотря на то, что уже было четыре часа, она замедлила шаг и пошла совсем тихо. Ей хотелось отдалить страшный момент. Жив ли Дэвис? Но ведь письмо... Или он уехал и совсем не вернется?

От нее уехал... От нее! Нет, это невозможно. Тогда почему же он не напишет прямо ей? При чем тут какой-то посторонний человек?!

В Гайд-Парке кишела толпа. То здесь, то там возникали летучие митинги. Избегая давки, Эллен пробралась боковыми аллеями к Кенсингтонскому саду. Она старалась не вслушиваться в речи ораторов, но невольно улавливала обрывки некоторых фраз. «Уголь... уголь... уголь... Транспорт с материка... Союз железнодорожников... Предательство лидеров... Москва... Морская пехота... Льюис-ганы...»

«Что-то плохо, что-то не так, — мелькнуло в сознании Эллен при виде возбужденной толпы. — Где-то — страшный враг. И эти шумящие массы, очевидно, распознали его».

Эллен решительно и быстро пошла по главной аллее. Здесь народу было меньше, но все же почти сплошная тол-

па преграждала ей путь. Вот оно, назначенное место... Теперь Эллен не только не страшилась встречи с незнакомцем, а, напротив, боялась не найти его. Она опоздала. Может быть, он ушел уже...

— Мисс Эллен Хойс!

Она обернулась. Перед ней стоял невысокий человек с зеленой швейцарской шляпой в руке.

Незнакомец низко поклонился.

— К сожалению, я сейчас лишен возможности представиться вам и назвать свое имя. Это вы скоро узнаете в другом месте. Извините меня также за столь театральную таинственность. Обстоятельства этого требуют, — незнакомец оглянулся. — Однако, здесь неудобно разговаривать. Пройдем немного в сторону.

Он подал Эллен руку. Она не сопротивлялась.

— Ваш друг находится в Лондоне. Он в полной безопасности. Неприятный случай — вы, конечно, знаете, о чем я говорю — ликвидирован, и...

— Он уже вернулся из Парижа?

— Да, вернулся. Но в силу некоторых обстоятельств он лишен возможности писать вам письма и пользоваться телефоном. Поэтому он поручил мне снестись с вами.

Эллен внимательно взглянула в лицо говорившему.

— Да, должен вас предупредить, что и наша встреча здесь, и все то, что вы от меня услышите, требует абсолютной тайны. От этого зависит судьба вашего друга и ваша участь. Можете вы обещать мне полное молчание?

Эллен наклонила голову в знак согласия.

— Итак, мне остается сообщить вам только адрес. Нигде его не записывайте, сохраните в уме... Кстати, письмо вы сожгли?

— Да.

— Прекрасно. Ваш друг находится в Чельси, Манор-стрит, 15. Это не так далеко отсюда.

— Чельси, Манор-стрит, 15, — вполголоса повторила Эллен, — но этого мало. Номер квартиры, или...

— Достаточно. В главном подъезде спросите мистера Томсона. Швейцар предупрежден. Он укажет вам, что надо.

Незнакомец остановился и освободил руку Эллен.

— Больше вы мне ничего не скажете? — спросила она тихо.

— К сожалению, нет. Должен вас еще предупредить, что вам не следует ничего бояться. — Он помолчал и с минуту подумал. — Вам может придти в голову действовать официально... Так лучше этого не делайте. Все равно ничего не выйдет. Вы только повредите этим и себе, и вашему другу, и нам.

Еще раз низко поклонившись, незнакомец скрылся в толпе.

— Манор-стрит, 15, — повторяла про себя Эллен, садясь на скамейку. Она не могла сразу идти.

— Манор-стрит, Чельси... Как он туда попал?

Со скамейки видно было, как по Bayswater Road по направлению к Гайд-Парку пронеслось несколько авто, наполненных полисменами.

Гайд-Парк шумел тысячами голосов.

Хайн-озеро

Петька поправился скоро. Его железный, звериный организм выдержал страшную рану, и уже через неделю Иван Петрович снял швы. Приходил следователь. Петька ничего не сказал.

Смотрел враждебно и строго.

— В каком месте было совершено на вас нападение?

— На андозерской дороге.

— Много их было?

— Не знаю. Не считал.

— Вы знаете человека, нанесшего вам удар?

— Не...

— Ну, а лицо его вы заметили?

— Не, много их было...

— Да ведь ударил один!

— Понятно, один. Сбоку подскочил...

Пришлось отступить. Было, правда, арестовано по подозрению несколько ребят, но за недостатком улик их скоро выпустили.

Прошло недели три. Выписавшись из больницы, Петька сразу отправился в лес. Не взял с собой ни удочек, ни ружья, только провизию. Прожив в закоптелой лесной избушке на каком-то Дыреватом ручье около недели, вернулся в город совсем здоровым. Выпарившись еще хорошенько в бане, первым делом навестил Ивана Петровича.

— Вот, доктор, и я. Совсем оклемал. Бегом только бежать не могу. Колет...

Петька сел на край табуретки у самых дверей. Он всегда в городе, на людях, очень стеснялся и терял свою необыкновенную ловкость и свободу движений, которыми проникнуты были каждый его шаг, каждое движение в лесу.

Доктор в это время обедал. После настойчивых его просьб Петька сел за стол. И по комнате он шел какой-то

звериной, крадущейся походкой! Так ходят многие охотники-крестьяне от долгой привычки бродить по почве, заваленной всяким хламом, и по глубоким, выбитым лесным тропам. У Петьки походка выражена была еще ярче потому, что на каждой ноге его недоставало по большому пальцу. Где-то, когда-то отморозил, конечно, тоже в лесу, в погоне за лосем.

— Пойдем, доктор, на Хайн-озеро. Там теперь крупный окунь на коргах должен брать, — глухо сказал Петька, наклоняясь над тарелкой, — а я заряд достал. Большой. Фунта на три.

— Какой заряд?

— Один подпорожский мужик штуки четыре ухоронил в землю. Англичане в девятнадцатом годе в порогах каменья рвали. Ну, а потом, как все побросали, оно и осталось. Целая землянка разных рвотных снарядов была оставлена. Пироксилин, тротил... Все побросали.

— Куда же все девалось?

— Известно куда! Красные еще не пришли, а мужики все растащили да позакапывали. Рыбу рвать в озерах. Очень хорошо.

— И рвали?

— Рвали. И сейчас еще многие рвут. Вредно только это. Озеро портят, весь молодняк пропадает. А мы все-таки попробуем. — Петька лукаво поднял глаза и беззвучно рассмеялся.

Иван Петрович тоже усмехнулся.

— Конечно, свинство это, но... такое большое озеро и притом у тебя только один снаряд. В общем, любопытно. Когда же пойдем? Ты не на работе?

— Не. До зимы без работы. Завод на ремонте. А зимой пойду работать. В пилоставной. Пилье точить. А ты как с больницей?

Петька всегда говорил доктору «ты».

Такой у них уговор был заключен еще года два назад, когда они первый раз вместе заночевали в лесной избушке.

— В больнице мы посменно с Афанасьевой. Она за меня может несколько дней поработать. Вернусь — отработаю. —

Доктор выглянул в окно. — Кажется, дождя не предвидится?

— Не, до пятницы погода простоит.

Насчет погоды Петька никогда не ошибался.

— Так приходи, что ли, завтра пораньше. И снаряж не забудь.

Петька надвинул на глаза шапку и ушел. Он никогда не здоровался и не прощался. Даже не оглядывался.

На другой день, едва солнце поднялось над лесом, Иван Петрович и Петька уже шагали глухой, заросшей тропой к Хайн-озеру.

Озеро расположено было километрах в десяти от городка на лесной возвышенности. Тропинка то поднималась в гору, то опускалась на болота. Не раз приходилось, вооружившись палками, пробираться по набросанным и полузатонувшим во мху жердочкам. Десять километров! Доктору всегда казалось, что не меньше двадцати. Длинные эти мужиковские, немеренные километры по топким мхам и густым шалгам...

Оба путешественника были в полном походном снаряжении.

Петька — с неизменной своей берданкой. У доктора — новенькая бескурковка, купленная в госторге. Хотя она имела льежское клеймо и стоила больше ста рублей, боем ее доктор похвалиться не мог. «Так себе, игрушка», — определил Петька.

Переход до Хайн-озера занял около трех часов. Когда внизу сквозь просветы блеснула вода, доктор снял шляпу и остановился.

Но тут же не выдержал и, забыв усталость, бегом, обгоняя Петьку, устремился вниз. Один поворот тропинки, другой и — вот оно, это озеро, даже в этой стране озер не имеющее равных себе по красоте! Только крайний север, покрытый еще свежими следами древних ледников, своеобразный и жестокий во всем, может дать такой образец суровой и задумчивой красоты.

Доктор бывал здесь не раз. И всегда это место производило на него новое, почти потрясающее впечатление. Он

видал скалы на Мурмане. Они мрачной стеной, «стами-ком», упирались в холодный океан. Он проехал через необъятные тундры Печоры.

Но все это угнетало своим размахом и беспредельностью. Здесь же была воплощенная легенда из старой-пре-старой сказки.

— А лодки—то и нету! — Петька с недовольным видом окинул взглядом пустой берег. — Придется пешком пазгать к Алексею Иванычу. Давай сначала покурим.

Они сели и свернули сигарки. Доктор всегда в лес брал махорку. Петька же мог курить решительно все. За неимением лучшего, иногда курил мох. Даже когда был табак, он прибавлял к нему мятые прошлогодние осиновые листья. «Так лучше. Скуснее...»

— Кабы вот не идти домой отсюда, — задумчиво сказал он, глядя на широко раскинувшийся перед ними залив. На другом берегу могучим амфитеатром к самой воде подошел седой лес, уходящий в гору.

— Да... Живет же Алексей Иваныч. А ты бы, доктор, стал здесь жить?

— Не знаю. Здесь сейчас хорошо. Но зимой... Долгая глухая зима, озеро — мертвое, избушку снегом занесет. Зимой не стал бы. А ты отчего не живешь в лесу, если хочется?

— Я не потому. И так в лесу всю зиму прожил. Только на одном месте скучно. А теперь зиму в городе работать буду. На заводе.

— Разве лес не прокормит?

— Не... Куницы мало. Да и так... Собаку тоже лямиицкие мужики угнали, сволочь народ! Другой такой не достать собаки. А что белка! Не моя это охота. Ну ее...

До мыска надо было идти километра четыре берегом. Озеро было изборождено бесчисленными заливами-полу-островами с такими узкими перешейками, что непосвященный мог, пройдя километр-другой, оказаться почти на прежнем месте. Петька хорошо знал дорогу. Иногда он сворачивал прочь от берега и лез куда-то в гору. Доктор покорно следовал за ним. Он знал, что сейчас сквозь чашу снова блеснет вода. Это они пересекали гористый перешеек. Кое-где

заметны были следы тропинки, но она терялась в клочах и колдобинах.

Алексей Иванович, древний старик, сторож немногочисленных лодок, жил на острове Медведе. Остров, действительно, походил на медведя благодаря продолговатой темной шапке леса, выходящей прямо из воды. От берега остров отделялся нешироким проливом. Извилистым коридором, как лесной фиорд, он прорезывал лесные массивы. Пролит казался узким, но вся картина была написана такой широкой кистью, что человек, стоящий на острове, был еле виден. Так, червячок какой-то...

— Ивано-о-о-ов! — крикнул Петька, складывая руки рупором.

Но Алексея Ивановича не так легко было разбудить. И спал он почти всегда, когда был дома. Доктор и Петька долго кричали вместе. Курная избушка на острове стояла молча, пригорюнившись. У берега виднелось несколько лодок.

— Стрелить надо.

Петька зарядил свой самопал и несколько раз оглушительно выстрелил. Наконец ветхая дверь избушки со скрипом отворилась (звуки здесь были слышны удивительно далеко), и темная фигура вышла на пригорок. Это был Иванов.

— Ло-о-о-одку дава-а-ай! — наперебой заорали охотники.

Звук долго летит через пролив, поэтому разговор ведется с длинными паузами. Крикнет человек изо всей силы, потом стоит и прислушивается. Ждет, когда смолкнет стоголосое эхо и перестанут отзываться на его крик недобрым хохотом дальние лесные берега.

— Что-о за лю-юди-и?

— Свои-и! Доктор Тума-а-нов!

Темная фигура медленно спустилась к берегу и влезла в одну из лодок. Вслед за тем под мерными всплесками засверкали брызги воды. Это Иванов черпалкой откачивал воду. Все лодки немилосердно протекали и за ночь почти до бортов наполнялись водой. Наконец он тронулся с места.

Широкая, сутулая спина старика не сгибалась. Он греб всем корпусом. Наконец, сильно разогнанная лодка, подско-

чив носом на прибрежных камнях, остановилась.

— Садитесь, пожалуйста. А я гляжу, гляжу — не могу признать!

Алексей Иванович говорил густым басом, и голос его напоминал охрипший громкоговоритель.

Лодка легко скользнула обратно к Медведю. Иванов жил одиноко и рад был случаю поговорить с кем-нибудь.

— Х-хы! А я напугался. Кто такой, думаю, палит из ружья на берегу?.. Один я живу на острове, лодки у меня все прибраны, иначе — долго ли до греха! Народ нонче озорной стал... Вот, на той неделе городские мещане лодку топором прирубили. Оставил ее на берегу, а цепью охватил за лесину. Такая сосна! Думаю, не станут дерева валить. А они, видно, подлецы, не могли шкворня достать, у лодки весь нос то и вырубил... С-сукины дети...

— А сейчас у тебя на острове никого нет?

— Никого. Вчерась городские ребята тоже были. Удили. Сегодня поутру в город смотались. Тоже леший носит всякую шантрапу, прости господи!... Лодку им давай, спать в избу пихаются, а не доглядишь — сейчас у фатерки все углы на растопку прирубят. Сухая потому что...

— Шабаш! — командует Иванов Петьке.

Весла вынуты, и лодка подходит к «пристани» — полузатонувшей кокоре.

Старик первым делом спросил табаку и с наслаждением, кашляя и отплеываясь, закурил. Многие нищие жили лучше Алексея Ивановича. Все его обязанности состояли в охране нескольких дрянных лодок, за что он получал баснословно ничтожную плату.

Когда-то Алексей Иванович был не то певчим, не то псаломщиком, живал по разным городам и видывал всякие виды. Родни у него не было, и жил он почти безвыходно на пустынном озере.

Он себя считал чем-то вроде схимника. В городе показывался редко. Иногда выходил за хлебом, когда долго никого не было на озере. Только в самые большие праздники он приодевался и по-своему «гулял»: пел в церкви на клиросе. Пел он по-старинному, густым деревянным басом.

Алексей Иваныч любил приврать и прихвастнуть. Особенно часто он рассказывал о своем близком знакомстве, чуть ли не приятельских отношениях с высокими и знатными лицами, кажется, вплоть до Александра II. Основой всех его фантазий, как уверял какой-то уездный сплетник, был один-единственный случай, когда лет пятьдесят назад Алексей Иваныч, тогда певчий губернского соборного хора, удостоился милостивого внимания проезжего знатного лица. (Дело происходило в губернском доме на панихиде по какой-то приживалке.) «Лицо» обратило внимание на зверский бас Алексея Иваныча и будто бы сказало: «Тебе, Иванов, в Казанском соборе в Питере петь — и то не стыдно. Возьми целковый, выпей». Иванов выпил, но потом, полвека рассказывая об этом случае и каждый раз добавляя новые подробности, дошел до того, что сам стал верить всяким чудесным небылицам, будто бы с ним приключившимся после этого. Но врал он искренне и вдохновенно. Многие знали это и для забавы часто нарочно заводили разговор на чувствительную для Алексея Иваныча тему.

Чай пили за столом, врытым в землю перед избушкой. Иван Петрович смотрел на гладкие дали озера, покрытые мохнатыми шапками лесистых островов. Где-то жалобно стонали гагары.

— Что, Алексей Иваныч, мало народу теперь сюда ходит?

— Народу? Какой нонче народ... Вот раньше, еще до войны, когда ссыльные в городе жили, вот тогда, ой-ой-ой! Наедет их человек двадцать обоего пола, и провизия с собой всякая, и «его же и монаси приемлют» достаточно. Кого тут не было! И евреи, и кавказской нации, и армяне... Другие так до того разговорятся, раскричатся, да заспорят, да такие почнут слова разные говорить, что и не поймешь сразу-то... Только потому и помню, что часто бывали, и то у меня сначала на дощечке было записано. Приедут, песни поют, огонь такой разведут, — ну, думаю, спалят меня со всем островом. Не любил я тоже: песни пели противубожественные... «Перестаньте, — говорю, — на лоне природы хулить господа, зане по делом вашим воздается вам. И господин

исправник тоже недавно был и про поведение ваше спрашивал. Что я скажу?» А был один еврей, все меня «пролетарием из попов» звал.

«Ты, — говорит, — пролетарий из попов, не уркай много. А то я, говорит, — сам исправником стану и тебя за твою строптивость — знаешь куда? С лишением прав состояния и ссылкой в места отдаленные». — А мне что! говорю. — Не испугаете, я и так на поселении, а чего дальше здешних мест! Смеются... Или вот еще...

— Подолгу жили здесь на озере?

— Им из города дольше трех дней отлучаться было нельзя. Но известное дело: дадут стражнику на бутылку и живут, сколько пожелают. Рука дающего не оскудеет... А вот тоже был случай: видите тот мысок? Так с того мыска — там берег приглубый, сразу сажень пять будет — девица одна молодая в воду кинулась.

— Утопла? — спросил серьезно Петька.

— Конечное дело, утопла, раз такая глыба, и притом с нароку.

— Из-за чего же она утопилась? — Доктор взглянул на мысок, короткой стрелкой выдававшийся в озеро шагах ста от избушки. К самой воде подступили могучие лиственницы. Они стояли неподвижно, как бы задумавшись.

— А тут такое дело вышло... Ссылная была барышня, на три года сослана была, и всего-то ей осталось полгода сроку... Да... А в Питере у нее друг был, — жених, что ли, — и сирота была покойница круглая. Пела как замечательно! Бывало, у огня сядут кучей и поют. Хорошо пели. Выйду я тоже из избушки, сяду на пенек и слушаю. Господи, прости меня грешного, не к лицу бы мне это, да и песни часто содержания противубожественного, светские песни, вольномысленные, а не могу! Не могу, да и только... Возьму, да этак в октаву и подпеваю тихим голосом, чтобы они не слышали. Иначе — беда, засмеют! Так вот, эта барышня... Голосок у нее поразительный, чистоты необыкновенной, и сколь народу ни поет, — голоса все сильные были, — а ее слышать... Как колокольчик звенит, переливается. Маленькая, вся черненькая, до всех ласковая.

Алексей Иваныч умолк. Доктор и Петька не прерывали его.

— Пришли они однажды — человек пятнадцать было — гулять и рыбу удить. Дня три жили. И она была. Веселая такая! «Мне, — говорит, — Алексей Иваныч, весной срок выходит. Поеду, — говорит, — опять учиться буду». А меня сатана за язык и дернул, прости господи, будто чуял что-то. «Поезжай, — говорю, — милая барышня, поезжай... Ученые — учением, а наперво дружка своего отыщи». (Знал я, что женишок у нее был.) Посмотрела она на меня, ничего не сказала, отошла прочь. А у самой, вижу, слезы на глазах. «Извините, — говорю, — если чем обидел». Она ничего, не сердится. «Это, — говорит, — я так. Не пишет давно он мне, вот и думается». Да-а... А вечером, темниться уж стало, слышу, кричат на берегу, вот там, откуда вас привез. Поехал. Там трое. Один какой-то новый, ни разу не бывал, а другие знакомы. Тоже из ихних, ссыльные. «Барышня Смольникова, — говорят, — не у тебя ли на острове?» «У меня», — говорю. «Ну, так перевези». Везу я их и думаю себе: а вдруг этот незнакомый и есть дружок моей барышни! Не писал, да сам и приехал... И так мне за нее радостно стало, что не могу сказать. Не мое это, конечно, дело, а все-таки... Привез. Все разбрелись, кто куда. Кто на лодке поехал, кто так, — дело молодое. А барышня Смольникова одна у костра сидит и в огне палкой мешает. И поет потихоньку, про себя... Ну, думаю, сейчас увидит, кинется навстречу. Те трое подошли. Она встала — и, ничего, разговаривает. Не слышал я, о чем разговор у них был. Только потом вижу: это то, что приехали, на руки ее подхватили. Без чувств упала барышня. «Принеси, — кричат, — Иванов, скорее воды!» Облили ей голову. Пришла она в себя. «Уйдите, — говорит, — все, оставьте меня одну». Те попробовали ее уговаривать. Ничего не слушает, а сама вся белая такая стала, ручки дрожат. (Маленькие у нее, ребячьи ручки были.) Ладно... Отошли те, приезжие, к избушке, спорят о чем-то. А я не вытерпел. Зашел сбоку, будто поленце хотел на кокорке расколоть, да и говорю ей: «Не знаю, — говорю, — что у тебя произошло, вижу только, что недоброе. А Господь Бог луч-

ше нас знает. Не возропщи, говорю, — дитя, на Господа, ибо сказано: “Придите ко Мне все трудящиеся и обремененные, и аз успокою вы...”» Овернулась она ко мне, ох, нехорошо посмотрела... «Ты, — говорит, — старик, бредишь... Нету твоего бога, нету...» Повернулась и в лес пошла. Экой грех, прости господи! Не догадался я тогда, думаю — пошла, так и лучше. Одной-то легче терпеть, не на глазах. Подошел к приезжим. «Что, — спрашиваю, — с барышней нашей приключилось?» А один, который знакомый был, и говорит: «Это, вот, новый наш товарищ приехал, и он ей известие привез, что друга барышнинного убили. Из тюрьмы хотел бежать...» Вот, думаю, отчего не писал долго! А тут вдруг слышим: р-р-раз! Так в воду что-то и ухнуло, вон там, как раз на мыску. А темно уже стало, не видать. Кинулись мы туда, да где уж! Берег приглубый...

Алексей Иванович умолк. В десятый раз подогрелся закопченный чайник. Отдуваясь от комаров, с новой силой принялись за чаепитие.

Наконец Петька поднялся от стола.

— Ну ты, пролетарий из попов, — сказал он Алексею Ивановичу, — лодку дашь? Только — чтобы не текла.

— Вишь ты, какой прыткий! Чтобы не текла! Легко сказать... Возьми вон ту тройку. Не больно текет. Конечно, отливать маленько придется.

— Знаю, как «маленько», — проворчал Петька, спускаясь к берегу, — полверсты проедешь — пол-лодки воды. Где у тебя черпалка?

— Пролетарий из попов! — недовольно повторил Алексей Иванович. — Дразнится тоже, сопляк... Карбаска-то не бери! — внезапно крикнул он Петьке. — Тройку бери, тройку! У карбаса весел нету.

Доктор взглянул на «тройку». Она вся погрузилась в воду. На поверхности видны были только концы кокорок носа и кормы.

Алексей Иванович заметил его взгляд.

— Это ништо, что в воде. Отлить только надо, она нарочно у меня замочена. Текла шибко...

Вытащив затопленную лодку на берег и кое-как удалив

из нее воду, Иван Петрович и Петька взяли свои пожитки и отправились.

— Снаряд с собой?

Петька улыбнулся и кивком головы указал на свой берестяной кошель.

— Вот в букли уедем, там и устроим все. На глуби щуки крупные стоят. На самое дно спустим.

Забойщик из Ньюкэстля

— Эллен!

— Дэвис!

Они крепко схватились за руки.

Мистер Томсон стоял в стороне и делал вид, что старается не замечать их смущения. Глядя в окно, он старательно чистил маленькой щеточкой полированные ногти.

— Как ты узнала обо мне?

Эллен оглянулась в сторону мистера Томсона.

— Вот этот джентльмен сообщил мне адрес. Но что ты здесь делаешь?

Она опустила в кресло. Дэвис остался стоять, скрестив на груди сильные руки.

— Я? Это не секрет. По крайней мере — от тебя. Не так ли, мистер Томсон? Я здесь нахожусь в добровольном заключении. Для всех — я уехал в Париж отдыхать. Вы опубликовали об этом? — обратился Дэвис снова к Томсону. Тот слегка наклонил голову. — Прекрасно. Здесь, в этом доме, тайно от всех я буду продолжать работу. Сюда скоро перевезут мою лабораторию. Я должен изготовить большое количество минима-гормона. Что? Употребление? О, это трудная и высокая задача... Ты знаешь, у нас миллионы безработных и еще больше работающих, но живущих впроголодь. Я и группа лиц, заинтересованных в благосостоянии страны, нашли нужным сейчас, именно в настоящий напряженный момент воспользоваться теми возможностями, какие дает в наши руки минима-гормон...

— Ты хочешь сказать...

— Да, я хочу сказать, — неестественно резко перебил Дэвис, — хочу сказать, что мы намерены в ближайшее время начать производить «уменьшение», деминимацию всех, желающих избавиться от нужды и лишений. К нам придут все, кому не хватает хлеба... Таким образом сразу и окончательно

но будет исключена возможность всяких волнений и беспорядков, поражающих благосостояние нашего государства.

Дэвис говорил холодным голосом, смотрел на Эллен чужим взглядом, и вся его речь скорее напоминала лекцию, чем обыкновенный разговор. Умолкнув, он остался стоять в прежней позе. На его лице не шевелился ни один мускул.

Нервно теребя и покусывая палец перчатки, Эллен пристально и с недоумением всматривалась в лицо Дэвиса, стараясь прочесть на нем ответ на мучившие ее вопросы. Что с ним случилось? Еще вчера она перебирала в уме каждое слово, сказанное им тогда на площади... Она пришла за эти дни к выводам и решениям... Но Дэвис...

Раздался звонок домашнего телефона. Томсон взял трубку и, по привычке говорить в шумных местах, закрыл ладонью другое ухо. Бросив на Томсона быстрый взгляд, Дэвис, не меняя позы, сделал Эллен знак глазами.

— Прими меры... только не полиция... через десять дней...

Напрягая слух, Эллен старалась смотреть в сторону. Когда Томсон оторвал от уха трубку, она встала с кресла и громко сказала:

— Мне нужно идти. Я сегодня что-то ничего не понимаю. Да и времени нет. Когда я могу зайти сюда в следующий раз?

Она взглянула на Томсона. Тот подошел галантной походкой, потирая руки.

— Почему мисс так торопится? Прошло всего несколько минут.

— Я не могу больше здесь оставаться. Зашла только на минутку, — она вынула часики. — Уже восемь часов.

— Я понимаю, что мое присутствие не располагает вас к разговорам, но, к великому сожалению, я действую не по своей воле. Таковы преподанные мне инструкции. — Томсон обернулся к Дэвису. — И вы, надеюсь, тоже подтвердите мисс Эллен необходимость соблюдения строжайшей тайны. Мы и без того достаточно рискуем, согласившись на ваше требование о свиданиях с мисс. Не так ли?

— Да, Эллен, я прошу тебя никому и ничего не говорить, даже мистеру Хойсу.

Очутившись на улице, Эллен прошла несколько шагов и остановилась на тротуаре. Куда она пойдет? Что сделает? Дэвис просит устроить побег. Значит, там он не по своей воле, это какая-то ловушка... Он не смеет с ней говорить. Он притворяется...

Но к кому она может обратиться? «Только не полиция», — припомнила Эллен шепот Дэвиса. Кто же? Знакомых и товарищей у Дэвиса нет. Научное общество, если узнает, не станет ему помогать.

Затем — для всего нужны деньги. Много денег...

Эллен медленно пошла по направлению к набережной. Ее русая головка отчаянно работала, стараясь справиться с непосильной задачей.

«Дэвиса арестовали на грузовике. Дэвис говорил бунтарские речи. Дэвис находится в каком-то странном заключении. Дэвиса хотят использовать, вместе с его открытием, для уменьшения всех безработных и недовольных. Их хотят сделать такими же маленькими, как кошечка Дэзи... Дэвис просит помочь... Дэвис говорит: “Только не полиция”... Дэвис...»

Эллен начинала понимать. Его могут спасти только те, что с таким вниманием слушали Дэвиса на площади. Тот большой негр, который так громко кричал, те люди, что собираются в парках, на площадях, в скверах — везде, где только могут собираться, пока полиция дубинками не разгонит их.

На днях Эллен видела длинную процессию углекопов. Они пришли пешком из Уэллса... Может быть, они смогут выручить Дэвиса и спасти для человечества его открытие? Они, наверно, не хотят стать маленькими. А Дэвис... он мог бы и отказаться, не приготавливать своего гормона. Ах, как все это непонятно!

Эллен вынула из сумочки маленькое портмоне и пересчитала деньги. Оказалось около двух фунтов. Этого мало. Слишком мало.

Нужны деньги, деньги, деньги... Неизвестно, что будет дальше.

Приехав домой, Эллен тотчас принялась за подробный

осмотр своего имущества. (Мистер Хойс в это время был в клубе.)

В старинной шкатулке старой голландской работы хранились семейные реликвии и драгоценности покойной матери. Эллен зажгла люстру и высыпала все на стол. Этих драгоценностей она никогда не носила. Блестящие украшения не нравились ей, да и фасон у них был старинный.

Небольшое ожерелье из некрупного, но очень ровного жемчуга. Бриллиантовые серыги. Несколько перстней. Брошь. Каменя тончайшей работы. Взглянув последний раз на эти дорогие ей вещи, Эллен со вздохом положила их — в сумочку. Этого мало, но может быть...

На другой день Эллен вышла из дома серьезная и спокойная.

Она знала, что должна делать. Что ж, если постигнет неудача — не ее вина, она сделает все, что может.

Старый, благообразный ювелир долго рассматривал в лупу камни и жемчуг. «Да, это настоящие вещи», — сказал он наконец.

Эллен сама знала это хорошо. Только скорее...

Всю ночь Эллен обдумывала план действий. С чего начинать?

Рабочие союзы... Обратиться к их вождям? Но ведь Джемс Коллен тоже — вождь, он — секретарь союза портовых рабочих.

Нет, нет, не то. Пойти к самим этим массам, которые... Но они бесправны, бессильны сейчас. Открыто действовать нельзя, огласка опасна. Надо найти несколько смелых и отчаянных, готовых на все людей. Людей, которые не задумаются пожертвовать собой для разрушения ужасного замысла. Но где их искать?

Эллен боялась ошибки, боялась измены и предательства. Она сама, без помощи и совета, должна найти, выбрать того, кому без страха сможет довериться и доверить судьбу Дэвиса и его открытия.

Гайд-Парк шумел. Он стал последнее время излюбленным местом митингов и сборищ, чему не всегда могла воспрепятствовать даже всемогущая полиция. Здесь надеялась

Эллен найти нужного человека. Она долго ходила и прислушивалась. Вместе с толпой переходила с места на место, ускользая от преследований полиции. Центры и очаги митингов, разогнанные в одном месте, тотчас вспыхивали в другом. Садовые скамейки служили трибунами.

Эллен резко остановилась. Вот он, этот волнующий звук тяжелого голоса. Вот они — простые, ясные слова!

Плохо одетый человек, стоя на скамейке, говорил, плотно окруженный толпой таких же, как он сам. Его внимательно и молча слушали. Ему не дали закончить речь. Приближались темные плащи. Человек махнул рукой и, сойдя со скамейки, слился с толпой. Эллен успела заметить, как утражающе вспыхнули при этом его усталые глаза.

Она рванулась вперед. Найти его! Найти, во что бы то ни стало. На нем черная шляпа и коричневое пальто...

Этот человек был очень удивлен, когда его схватила за рукав изящная молодая мисс.

— Что вам угодно, мисс?

— Извините, скажите мне: кто вы? — пролепетала Эллен, краснея и смущаясь. — Мне это очень нужно знать.

Человек пожал плечами.

— Думаю, что мое имя немного вам скажет. Меня зовут просто Чарли. А по профессии я углекоп. Из Ньюкэстля. Вам достаточно этого? Извините, мисс. До свидания, — он приподнял шляпу.

Эллен не обиделась на такой сухой прием. Она крепко вцепилась в рукав незнакомого человека, углекопа из Ньюкэстля.

— Погодите, мне надо с вами поговорить.

— Вам со мной поговорить? О чем может говорить богатая молодая леди с бастующим забойщиком из Ньюкэстля? Но, если вы хотите...

Они отправились к той самой скамейке, где сидела Эллен после разговора с Томсоном.

Чарли слушал Эллен внимательно. По временам он кивал головой, вставал со скамейки, прохаживался два-три шага назад и вперед, снова садился. Эллен говорила, волнуясь. Она торопилась, сбивалась, смущалась этим и ино-

гда на полуслове умолкала краснея. Чарли приходил ей на помощь. «Вы, мисс, остановились на...», — подсказывал он.

Окончив, она замерла и съежилась на скамейке, стала совсем маленькой.

Чарли встал. Он был огромного роста, много выше Дэвиса. Он стоял и некоторое время тяжело дышал.

— Мисс... мисс... я не знаю даже, как вас зовут...

— Эллен Хойс. Зовите меня просто — Эллен.

— Мисс Эллен, я сейчас ничего не могу вам сказать. Это слишком сложное и ответственное дело. Оно требует тайны, и действовать надо осмотрительно. Я должен посоветоваться с товарищами. Мы все обдумаем и решим. Вы не должны в нас сомневаться.

Чарли взял Эллен за руку.

— Я хочу еще сказать...

В этот момент со стороны Гайд-Парка слышалось несколько сухих, коротких выстрелов. Чарли вздрогнул и поспешно выпустил руку Эллен. Его губы сжались.

— Я должен идти. Завтра — на этом же месте. Около полудня.

Он быстро ушел.

Снова, как и в тот раз, после ухода Томсона, Эллен осталась одна сидеть на скамейке. Но как все переменилось с тех пор!

Отец, тетюшка Гуд, экзамен, вся ее привычная жизнь... Каким далеким это стало сейчас! Чарли... Почему у него такие усталые глаза? Может быть, он голоден, а она даже не предложила ему денег. Нет, он наверно не взял бы. Он сказал: из Ньюкэстля, забойщик. Что это такое, забойщик?..

Мистер Хойс на две недели уехал в Эдинбург читать лекции.

Эллен это очень устраивало. Ее постоянные разъезды по городу, прекращение занятий, озабоченный, почти лихорадочный вид, все это казалось весьма подозрительным. И, хотя до сих пор мистер Хойс воздерживался от расспросов, все же Эллен часто встречала на себе его вопрошительный и беспокойный взгляд.

Вечером Эллен отправилась к адвокату, знакомому отца. Там она узнала, что капитал покойной матери положен в банк на ее, Эллен, имя. Да, да достаточно ее подписи. Разве она не знала этого? Сколько ей лет? Двадцать два? Ну, конечно, конечно... Все в порядке. Адрес банка она знает? Прекрасно. Все, все в порядке...

Эллен едва дождалась утра. Надо успеть до полудня. Чарли будет ждать, нельзя опоздать.

Через окошко в стеклянной стене она получила большую кучу хрустящих фунтовых банкнот. Она просила выдать мелкими купюрами. Так удобнее, не надо менять. Здесь тысяча фунтов.

Это — все ее личное состояние.

Эллен чувствовала, что она подчиняется не только личному желанию, но и долгу. Она и Дэвис, Дэвис и она... Нет, это все стало не только их делом, это уже вышло из рамок частной жизни двух людей. Маленький всплеск вырос в громадный вал, грозящий многое сокрушить на своем пути.

В назначенный час Эллен была на месте. Чарли уже ожидал ее. С ним явилось шестеро товарищей. Один из них — старик — производил впечатление больного. Несмотря на теплую погоду, он кутался в ватное одеяло. Его глаза слезились, очевидно от многолетнего действия мелкой угольной пыли. «Какие у них бледные лица!» — думала Эллен, пожимая протянутые грубые руки. Эти люди окружили ее маленьким плотным кольцом и серьезно смотрели то на нее, то на Чарли. Эллен теперь не смущалась. Она знала, что нужно делать.

— Чарли, — сказала она, — здесь неудобно говорить. Кроме того, мы все голодны. Я предлагаю поехать куда-нибудь в небольшой ресторан. Там в отдельной комнате, за столом, будет гораздо свободнее.

Все шесть человек разом взглянули на нее недоверчиво. Чарли улыбнулся. «От этой мисс, — сказал он мягко, — мы можем принять завтрак. Только куда мы поедем?»

Старый рабочий вызвался устроить дело. Он знает одно место, как раз подходящее к этому случаю. «Там всегда бывают наши, когда в кармане заведется шиллинг-другой.

Полчаса езды под землей. Что? Нет, там вполне приличное место. Едем».

Войдя в маленький отдельный кабинет скромного ресторана, Эллен, не садясь, остановилась у стола и бросила на него толстую, обернутую бумагой пачку, которую до сих пор держала в руках.

Она взглянула на Чарли.

— Вот здесь деньги. Это мои собственные. Тысяча фунтов. Возьмите их.

Чарли взял пачку. Сел за стол. Когда были поданы кушанья, один из товарищей Чарли плотно прикрыл дверь, и все принялись утолять голод. Ели молча и быстро.

— Ну вот, — Чарли говорил пониженным голосом, — теперь мы подумаем сообща и обсудим положение. Сколько здесь денег? Вы сказали, тысяча? Хорошо, — он отделил часть бумажек и протянул Эллен. — Возьмите, вам они могут тоже пригодиться, а когда и где еще увидимся — неизвестно. Относительно остальных мы вам при первой возможности представим отчет. Теперь — к делу. Простите, мисс Эллен, — снова заговорил он, — за нескромный вопрос, но мы не можем иначе. Мы хотели бы слышать ваш откровенный ответ. Вы... ведь до сих пор, до случая с мистером Дэвисом, никогда не интересовались политической жизнью страны? Вас не занимала борьба классов?.. — Эллен молчала. — Не потому ли только вы обратились к нам, к рабочим, что ваш друг в опасности, что вы хотите спасти его от неприятностей?.. Может быть, и сам мистер Дэвис не с нами? Ведь если он хочет уйти из своего плена, это еще не значит, что он решил идти против них. Как вы думаете?

Глаза Эллен блеснули.

— Я могу вам сказать, — проговорила она быстро, — что сейчас, если бы даже Дэвис остался по своей воле там, я пошла бы с вами. За эти дни я начала многое понимать. Но и Дэвис... он ведь давно уже ваш... Вы не можете не доверять нам...

— Мы, мисс Эллен, научены горьким опытом. Много раз доверяли и много раз были обмануты. Вы сами рассказывали вчера про Джемса Коллена. Томсон, который, по

вашим словам, находится при Дэвисе, тоже был одним из наших вождей. Мы успели навести справки и многое узнать. Однако, в этом случае мы, — Чарли окинул взором молчащих друзей, — можем смело назвать вас своим товарищем. Я сегодня виделся с грузчиком из порта. Он мне передавал о том, что произошло в памятный для вас день на площади. Я не знаю, кто такой мистер Дэвис. Но он хорошо говорил. Он с нами. Мы взвесили все обстоятельства. Ваш друг не может, если даже захочет, отказаться от приготовления своего средства. Они захватили его лабораторию и записки. Они приставят к нему кучу ученых наблюдателей. Он не в силах их обмануть. Он должен унести оттуда все нужное, не оставить никаких следов и сохранить свою жизнь. Его жизнь и его открытие нужны нам. Им должны владеть мы сами, а не ждать, когда его используют против нас...

Чарли встал и прошелся по комнате.

— Если они предложат этот минима-гормон, — многие, очень многие слабые и уставшие в борьбе пойдут к ним. У нас голодают женщины и дети. Если б не помощь других народов, особенно — товарищей из Советского Союза, мы уже умирали бы с голоду или были бы принуждены капитулировать, сдать свои позиции. Но это означало бы провал всего дела...

— Дэвис тогда на площади сказал, — перебила Эллен, глядя пустым взором куда-то в угол, — Дэвис сказал: «Если делается негодной государственная система — должна брызнуть кровь».

Он так и сказал: «должна брызнуть кровь». Я не знаю, прав ли он, но мне кажется, что забастовки сами по себе... Он называл это еще «пассивным сопротивлением...» Но я ничего, ничего не понимаю в этом...

Эллен сжала виски ладонями рук. Чарли улыбнулся. Один из рабочих, рослый ирландец, потянулся, расправляя могучие плечи, и глухо сказал:

— Одной кровью ничего не сделать. Нужна организация. Нужна массовая воля к этому. Потому нужны забастовки. Но — будем ближе к делу. Мы сюда собрались обсу-

дить конкретно: что, где и когда будем делать. По справкам оказалось, что мистер Дэвис находится в доме, принадлежащем крупнейшему промышленнику, лорду Артуру Блэкборну. Там же шныряет и почтенный Томсон. Мы его знаем и сведем с ним счеты. Одних этих данных достаточно, чтобы все было ясно. Надо действовать. И действовать быстро и решительно. За Дэвисом следят. Надо устранить всех, кто станет на нашем пути. Мы имеем план. Мисс Эллен! — ирландец понизил голос. — Вы сейчас сказали, что пойдете до конца с нами. А если мы потребуем многого? Теперь, сейчас же. Вы... все взвесили?! Вы тверды в своем решении?

Взоры присутствующих обратились к Эллен.

Чарли тоже перестал расхаживать и, круто повернувшись, застыл у дверей.

«Должна брызнуть кровь! — мелькало в сознании Эллен. — Как скоро сбываются эти слова...»

— Да, конечно.

— Хорошо. Теперь слушайте. Вот наш план!..

Эллен слушала, как во сне. Где она и что с ней происходит?!

Что сказали бы мистер Хойс и тетушка Гуд, если бы знали, с кем она и что замышляет!

— Чарли! Я готова на все, — сказала Эллен, решительно поднимаясь от стола. — Я сделаю все, что вы найдете нужным.

Она чувствовала прилив сил и энергии. Ее охватило ощущение полной отрешенности от всего привычного, с чем она прожила всю жизнь. Она может погибнуть? Пусть погибнет, если так надо.

Она уже не принадлежит себе, она во власти многих миллионов людей, таких, как Чарли, и молодой ирландец, и этот старик. Всех этих людей, что собираются на площадях, скверах... А сколько «таких» еще во всех странах! Они все хотят жить...

— Я, Чарли, готова на все, — повторила она еще раз.

— Хорошо. Завтра снова встретимся здесь.

Прощаясь, новые друзья пожимали маленькую руку Эллен.

Старый рабочий ласково, по-отечески взглянул на нее своими больными глазами.

— У меня есть такая же девочка. Похожа на вас. Такие же волосы. Работает на прядильной фабрике. Она очень больна...

— Что с ней?

— Туберкулез. Но ей приходится работать. Иначе вся семья умерла бы с голоду. Мы не работаем теперь, а пособия не хватает.

Эллен возвращалась домой сосредоточенная и серьезная. Сидя в вагоне метрополитена, она оглядывала окружающее так, как бы видела все это в первый раз. Человеческий муравейник! Хозяева и рабы...

«Дети Земли! Вам тесно на этой планете!» — так сказал однажды Дэвис. Нет, не тесно... Впрочем, теперь некогда думать.

Надо действовать, быстро и отчетливо.

— Так надо, так надо, — повторяла Эллен, сжав тонкие губы, — только ничего не бояться. А разве умереть так страшно?

Ведь у дочери старого рабочего такие же руки, как у меня... Она работает на фабрике. Она больна... Она должна работать до последнего вздоха. «Иначе придется умереть с голоду...»

Вагон останавливался поминутно. Хотя Эллен никуда не спешила, это ее почему-то раздражало. Она не могла сидеть, и на узловой станции вышла, чтобы пешком пройти по Moorg Street на City Road.

«Много места...»

— Стой, не греби!

Иван Петрович поспешно схватил ружье и с остервенением, торопясь, вытащил из патронташа застрявшие патроны. Петька «затабанил» веслами и неподвижно застыл, втянув голову в плечи.

Доктор едва успел зарядить ружье, как пара кряковых низко, почти над самой водой поравнялась с лодкой.

Взметнулся дым. Серый, плотный... Сумасшедшим хохотом отозвались мохнатые лесные горы. Прогредел тысячами голосов далекий берег. И долго еще глухим стоном жаловались неясные, туманные дали...

— Промазал! — Петька был доволен. Улыбаясь исподлобья, он снова взялся за весла. — Не едят таких уток.

— Почему не едят?

— Скоро больно летают. Не попасть, хы-хы...

— Ну, погоди, зубоскал. Скоро узнаешь, каких едят. Из лодки направо стрелять неловко.

— Так, так...

— Ладно. Садись на корму, я буду грести. Тебе после раны нельзя.

— Ничего, скорее зарастет.

Доктор настоял на своем и сел на весла.

Охотники въехали в глубокий залив с узким проходом в озеро.

Это была заманчивая «букля», в которой встречались пудовые щуки. Лес мрачной стеной подходил к самому берегу, образуя нечто вроде амфитеатра, метров триста в поперечнике. Вода, затененная теснинами берегов, казалась почти черной и была гладка, как зеркало. Выехали на середину.

— Здесь, что ли? — спросил доктор, вынимая весла из воды.

— Тут. — Петька взялся за кошель. — Вот как сделаем: ты замахнись веслами, а когда скажу «готово» — гребь изо всей силы. Залить волной может, снаряд сильный. Мы весной раз рвали; ка-а-к садануло! Чуть из лодки не выпали.

— Ладно. Только, смотри, осторожнее.

Петька достал из кошеля небольшой предмет, похожий на банку с печеньем. Из тряпочки появились кусок бикфордова шнура, буровая пашка, трубочка гремучей ртути. Доктор взял в руки фугас. Этикетка на английском языке гласила: «Тринитротолуол № 12».

— Ты знаешь, — сказал Иван Петрович, — что у тебя за дьявол?!

— Знаю. В лодке взорвать — не найдут нас с тобой... хы... Приготовься... — Петька держал в руках приготовленный снаряд.

К обнаженному кончику шнура была уже приставлена головкой спичка.

— Готово!

Лодка понеслась стрелой. Петька приложил к спичке горящую сигарку. Головка вспыхнула, и конец шнура задымился тонкой, сильно бьющей изнутри струйкой.

— Бросай! Бросай, черт тебя возьми!

Глухо шлепнул за кормой тяжелый предмет. Только пузыри продолжали указывать место падения снаряда. Лодка умчалась уже шагов на сто, когда Петька велел доктору остановиться.

— А не погаснет шнур в воде?

— Не. Не погаснет. Все рав...

Казалось, какой-то титан тяжким ударом молота расколол горы. Залив задрожал. Сначала поползли мелкие вибрирующие волны. Вслед за ними на поверхности показался колоссальный, рваный бахромчатый гриб, сбитый из грязи, песка, камней... Он был величиной с небольшой домик. «Какая страшная сила! — успел подумать доктор. — Взрыв на глубине полусотни метров...»

Гриб опустился, от него пошли громадные кольцевые волны.

Лодка бешено закачалась, но Петька поставил ее навст-

речу носом, и рыболовы отделились только испугом.

Вернулись на место взрыва. Никакой рыбы не было видно.

Вода была мутная. Огромные облака желтой мути взметнулись со дна и теперь медленно опускались. Доктор напрасно всматривался в глубину, стараясь рассмотреть хоть одну рыбину. Ничего не было видно. Петька с улыбкой следил за разочарованным выражением его лица.

Наконец, спустя несколько минут, далеко в глубине появились белые, раскиданные как попало, полоски и пятна. Рыба поднималась вверх брюхом. Еще через минуту вся поверхность букли представляла собой нечто вроде кипящей ухи. В ближайшей зоне взрыва поднялась мертвая рыба, а окружающее пространство покрыто было рябью и всплесками, хвостами, брызгами, пеной...

Это вышла оглушенная рыба.

Доктор и Петька схватили сачки. Грести не хотелось никому.

Каждый сам хотел доставать рыбу. Они торопились, мешали друг другу, гребли сачками, наполненными до отказа, — некогда было их опоражнивать.

Достали мало. Пуда два. Оглушенная рыба скоро оправилась и снова уходила в глубину.

— Эх, кабы на двух лодках! Вот тогда...

— Что «тогда»? А ты почему весла бросил? Кабы греб — всю бы взяли.

— Вот хорошо! Ты будешь таскать, а я — грести! Жох какой...

Усталые рыболовы сели наконец спокойно и закурили.

— Что же мы будем делать со всей этой рыбой? — спросил доктор, любовно оглядывая наваленных в лодку и шевелящихся еще громадных щук, окуней, сегов.

— Что делать? Закоптим. Вот выедем к мельнице, я там коптилку устрою. Выкоптим в вересковом дыму. Славно! Долго не испортится.

Поехали на мельницу. Вся вода букли была покрыта мертвой мелкой рыбешкой. Погибло целое поколение будущей добычи.

Доктору стало совестно.

— Зря мы все-таки...

— Чего там! Хватает здесь рыбы. Гляди какая ширь!

Действительно, когда доктор окинул взглядом необъятную ширь озера и представил себе его бесчисленные заливы, бухты, протоки, — ему уже перестало казаться, что они с Петькой совершили преступление. «Здесь страна озер, — думал он, — сорок озер на двадцатикилометровом радиусе вокруг города. А дальше...

Нет им числа, этим слезам древних ледников. Одни живы и ясны, как Хайн-озеро, другие с берегов затягиваются мхом. Есть и такие, что совсем заросли, только посередине долго еще остается маленькая отдушина, вроде колодца. И до самого последнего дня в них живет рыба! В этих лесных колодцах ловят окуней.

Они мелки и черны, как уголь. Их зовут “тараканами”. Через несколько десятков лет закроются и эти отдушины когда-то живых и населенных озер. Отмершие корешки мха наполнят все водное пространство, и маленькие, черные “тараканы” оставят в толще торфа свои хрупкие скелеты. На новую почву вступит лес...»

Здесь часто встречаются такие заросшие озера. Доктору много раз приходилось выходить на подобные места. Ровная поверхность покрыта прямым и редким лесом, кругом только сосны. На таких заросших мшаринах любят токовать глухари.

Они устраиваются на берегах погибшего озера, на самом склоне.

Если выйти в весенние сумерки на такое место, кажется, что вошел в заброшенный старый собор. Сплошная колоннада стволов образует непроницаемую для взора стену. Наверху ветви крон сливаются в низкий сплошной потолок. Перед рассветом здесь бывает тихо. Совсем тихо....

Иван Петрович оглянулся вокруг и с новым чувством остановил взгляд на ясной поверхности озера. Он даже перестал грести.

«Пройдет время... и это озеро умрет. Его погубит безжалостный мох... На месте этого простора заляжет тяжелое,

однообразное моховое болото. И кто знает, не будет ли здесь, где мы едем, дымить с пыхтением и лязганьем ряд торфопрезных машин?»

Охотники до самых сумерек разъезжали по озеру. Доктор удачным дублетом сшиб пару чирков и тем отомстил Петьке за зубоскальство. Тот тоже не зевал. Он ухитрился убить из ружья крупную щуку, выплывшую к самому берегу. Щука утонула.

Пришлось с большим трудом доставать ее при помощи якорька.

Вода в Хайн-озере прозрачна до неправдоподобности. На глубине восемнадцати-двадцати метров виден каждый камень, каждый сучок! Но и глубины там так велики, что редко где видно дно. Рыболовы ездят потому больше вдоль берега. У непривычных даже кружится голова, — кажется, будто лодка висит в воздухе. Но зато и удить здесь интересно. Видно, как рыба подходит к червяку, как берет. Рыболов ложится грудью на край лодки, с затененной стороны, и держит лесу без удилица, прямо в руках. Поплавков тоже не нужен. Ловец волнуется, подводит червяка к самому носу большой и капризной рыбы, крепко по временам ругается.

Из-за этой воды и не могут забыть Хайн-озера те, кто хоть раз там побывал.

Усталые и измученные, приехали охотники к мельничным «исадам», — так здесь называются места причала лодок, лужайки на берегу. В полукилометре от озера, на ручье, мельница, около исад его бурный исток. Озеро горное, и ручей, на своем пути до моря порожистый и упрямый, все бежит вниз. На мельнице летом никого нет. Работа начинается там в начале зимы, когда замерзает озеро.

Доктор решил ночевать на исадах. Да и не все ли равно где!

Красными отблесками озарились стены темного леса. Костер весело запылал. С тонким свистом устремились вверх искры.

Все вокруг потемнело, не хотелось отрывать взора от блестящего пламени.

Петька ходил где-то невдалеке и в темноте потюкивал топориком. Он готовил «фересу» — можжевельник для коптки.

На обязанности доктора лежала чистка рыбы. Это большое дело.

Надо было каждую рыбешку выпотрошить, насадить на особые палочки с сучком для упора. Иван Петрович целый час провел, сидя на камешке у воды. Когда кончил, почувствовал, как болела спина и онемели руки.

Вскоре импровизированный коптильный завод заработал вовсю. Сырой можжевельник шипел на огне, как жаркое, и густой молочно-белый дым скрывал подвешенную на сырых осиновых «кавах» рыбу.

Варилась уха. Петька сидел у самого огня, прямо на земле, охватив колени руками. Его смуглое лицо, озаренное отблесками красного пламени, казалось, отражало в себе всю сущность окружающей суровой природы, этих невеселых, старых, на многие сотни километров раскинувшихся лесов. Старые древние леса...

Пробредет в них одинокий охотник в погоне за кунцей или сохатым лосем, оставляя зимой на девственном снегу бесконечный след своих «калженных», подбитых мехом лыж. Приедет самоед на летнее становище. Тайком проберется на далекие, полумифические Казанские озера бродяга — искатель жемчуга...

Редко, редко с партией изъеденных мошкой и комарами «роботчих» пройдет заросшей просекой упрямый землемер или таксатор, неся за собой спесивую астролябию на желтых ногах. Те немногие, что живут в этих лесах, называют все остальное «мир».

Самоед говорит: «Я в миру давно не бывал», «Надо в мир за хлебом пойти», «Что в мире слышно?»

Эти леса — огромный скит. И живут там почти схимники. Это остатки старины.

Самоеды не сами придумали слово «мир». Живали там беглые раскольники, спасавшиеся от преследований Никола. До сих пор находят развалины вымерших, брошенных скитов на берегах дальних, безымянных озер. Провалив-

шиеся срубы курных церквушек поросли густыми малиниками, и только груды обгорелых камней указывают места былых очагов. Беглые люди — «казалеты» — тоже спасались в этих лесах. Они будто бы позакапывали где-то в далях много кладов и поумирали. Но лес крепко держит такие тайны. Искатели ничего не могут найти, кроме тяжелых староверских крестов да почерневших блях с переплетов божественных книг.

Когда доктор и Петька уже наелись ухи и приготавлились пить чай, послышались всплески весел. К берегу пристала лодка.

— Мир рабам Божиим, вечернюю трапезу совершающим! — послышался бас Алексея Иваныча. Вслед за тем его темная фигура вынырнула на освещенное костром пространство.

— Ты как сюда попал?

— Как? Очень просто. Лодку у меня на той еще неделе утопили. Поехал искать, да отемнел, заплутался в островах. Не шутка... Да... Вижу — кто-то огня вздул. «Наверно, — думаю, — доктор Туманов Иван Петрович со своим доезжающим залогуют, на ночлег ошабашили...» А это у вас што? — Иванов уставился на странное сооружение коптильни.

— Рыбу коптим. Щуки да окуни.

— Ры-ы-бу? А где столько взяли?

— Доктор нырял, да руками имал, — тихо засмеялся Петька.

— Так... Доктор нырял, а ты, видно, из пушки палил. Что? Слыхал я, как грохнуло у вас. Гром, думаю сначала. Ох, грехи, грехи...

Алексей Иваныч решил заночевать у огня и принял приглашение доктора занять место на еловых лапках. Он устроил себе сиденье и примостился так близко от костра, что ветхая одежда его почти начинала дымиться.

— Хорошо, господа, здесь, — заметил старик, прихлебывая горячий чай. — Привык я в лесу жить и не могу оставаться в местах населенных. Суета!..

— А ты, Алексей Иваныч, давно живешь на озере? — спросил доктор.

— Нет, не больно давно. Лет тридцать живу. Да-а... Раньше я по разным местам жывал, и пути мне открывались широкие. Но по гордости своей отказался от соблазна. Спаслись хотел. В монастырь думал уйти навсегда, подвигом сломить гордыню, иже паче смирения одолела. В Соловецком послушником года два прожил. Не мог. Сбежал в Архангельск. Давно это было. Потом в Питере был, в Москве... С отцом Иоанном Кронштадтским не поладили, ушел я от него на Волгу к братцам (были такие, Бог с ними совсем). Потом на Кавказ к молоканам попал. Всего было... В Питере меня во дворцовый хор главным басом приглашали. Не пошел...

— Почему же?

— И все-то врет, — спокойно заметил Петька, вставая от костра. Он взял топор и ушел в темноту, из которой вскоре раздались звонкие потюкивания.

— Ну и что же?

Алексей Иваныч обиделся. Несколько раз он оглядывался в сторону Петьки и сердито прихлебывал чай.

— Шпана такая! Недорезанный... Я тебе не пролетарий из попов, уважать должен, коли ко мне на озеро пожаловать соизволил.

Алексей Иваныч умолк и некоторое время подозрительно всматривался доктору в глаза.

— Скоро полночь, — сказал Петька, вернувшись. — Давай спать ложиться. Ты, папаша, врать-то, поди, тоже устал?

Доктор сделал Петьке знак глазами, чтобы тот замолчал. Ему было жаль старика.

Иванов ничего не ответил Петьке и, тяжело вздыхая, стал укладываться. Охотники тоже дремали, но им надо было поддерживать огонь коптилки и подбрасывать новые порции фересы.

Ночь тянулась томительно долго.

Чуть свет все были уже на ногах. Алексей Иваныч тотчас заторопился домой на остров. Он беспокоился за свое нищенское достояние: «Обкрадут, неровен час!»

Охотники решили остаться еще в этом конце озера, тем

более, что освободились от рыбы, которую навалили в лодку Алексею Иванычу. Уезжать отсюда не хотелось, да и лень было. Оба плохо выпались. Холод пронизывал тело изнутри, и согреться можно было только движением. Костер не спасал.

— Пойдем на ручей кумжу ловить, — предложил Петька, щурясь на бледное восходящее солнце.

— Что за «кумжа» еще?

— А есть тут такая рыба в ручье. Не очень большая, да скорая больно. Плавает — глазом не умотришь. В пятнышках вся.

— Да это форель, наверно! Разве она здесь есть?

— Как же! Я каждое лето ловлю. Не знаю только, как осенью.

Доктор, не колеблясь, решил идти. Он никогда еще не ловил форели и давно мечтал об этом.

Охотники, сложив в кошельки свои пожитки, отправились на ловлю. Тропинка поднималась от берега круто в гору. Взобравшись наверх, доктор остановился и оглянулся в сторону озера.

Солнце вставало. Необъятная ширь покрытой островами водной глади открывалась пораженному взору. Отсюда видно было, как безбрежной, волнующейся поверхностью уходили в бесконечную даль седые леса. Синим туманом задернуты были унылые северные равнины. На горизонте голубела цепь холмов...

— Смотри, — сказал доктор, обводя рукой горизонт, — смотри, сколько места. Как скудно еще человек населил эту землю! Какая безбрежная ширь!

Петька смотрел серьезно и молча. Его брови сошлись.

— Да, много места, — произнес он наконец глухо и, повернувшись спиной к солнцу, звериной своей походкой зашагал дальше — туда, где тропа уходила в тень старого елового леса.

Перчатка

Дэвис принимал свою лабораторию. В его новое обиталище на Манор-стрит доставили в тщательно закупоренных ящиках все, что находилось в любимой комнате на Маркет.

Томсона не было. Люди, приставленные к Дэвису и помогавшие ему при разборке привезенного, были молчаливы. Они говорили только: «Да, сэр. Нет, сэр». Очевидно, им было запрещено вступать в разговоры со странным пленником.

Прежде всего Дэвис снял брезенты, покрывавшие клетку с животными. Дэзи! Он не видел ее несколько дней. Она стала много, много меньше. Минима-гормон еще действовал. До каких же пор? Теперь Дэзи имела около пятнадцати сантиметров в длину, сохраняя пропорции тела взрослого животного. Это выглядело настолько необычайно, что один из служителей, помогавший Дэвису вскрывать клетку, выронил из рук молоток и застыл с широко раскрытыми глазами. Дэвис недовольно взглянул на него.

— Что с вами?

— Нет... ничего, сэр. Я только...

— Пожалуйста, продолжайте вашу работу. Вот тот ящик. Крайний.

Из комнаты выносились лишние вещи. Их место занимали различные приборы. В углу поставили клетку, отделив Дэзи от двух больших кошек. Вдоль стен выстроились термостаты. Большой шкаф наполнился книгами и рукописями Дэвиса. Место у окна на большом столе было расчищено для странного аппарата.

С особыми предосторожностями, с помощью слуг, Дэвис вынул его из ящика. Когда разборка кончилась, явился монтер и включил ток в привезенные реостаты и маленький трансформатор.

...Дэвис был снова один за своим столом. Предметы бы-

ли расположены почти в том же порядке, как всегда, и, когда он сел перед аппаратом, ему показалось, что ничего не произошло. Как будто он у себя дома, на Маркет-стрит. Ему просто приснился скверный сон... Сейчас он позвонит, и Джон принесет ему простой коктейль на виски.

Дэвис позвонил. Явился один из его новых слуг. Эти люди теперь относились к нему с почтением и страхом. Покосившись на корзину, в которой спала маленькая Дэзи, служитель остановился посреди комнаты.

— Изволили звать, сэр?

— Да. Принесите бутылку виски, сырое яйцо, лимон и сахар. Захватите еще бутылку содовой. Поставьте на столик и не являйтесь, пока не позову.

Спустя несколько минут, приготовив смесь, Дэвис с жадностью выпил небольшой стаканчик. Теперь он мог работать. Никогда еще он не был в таком настроении! Тысячная секунды?

Хоть миллионная! Она не уйдет от него. Его мозг пылает, его мысли, как сверла из вольфрамовой стали, сверлят, нащупывают, ввинчиваются... «Вы, черт возьми, получите минима-гормон! На подносе, с поклоном... Общество! Паиургово стадо, запертое в Авгиевы конюшни! Открыть ворота для здоровой силы, дать свет и воздух... Душно! Ха-ха-ха..."

Дэвис взял себя в руки и внимательно осмотрел больных кошек. Они были здоровы. Выбрав наудачу одну из них, он привязал ее к станку и при помощи небольшой кашоли выпустил в пробирку немного крови. Это — сырец его фабрики.

Усадив кошку обратно в клетку, Дэвис долго мешал кровь стеклянной палочкой и сливал лишнюю фибрина желтоватую плазму в круглый стеклянный сосуд. Железы? Ему не нужны железы. Все продукты желез находятся в крови. Довольно ничтожных количеств. Дэвис хорошо теперь знает это. Ведь Дэзи...

На столе появились пузырьки и банки с различными реактивами. Дэвис внимательно взвешивал, отмеривал, фильтровал.

Через полчаса в маленькой колбе тускло поблескивал невинный на вид бледно-розовый раствор.

Выпив еще стакан коктейля, Дэвис сел за аппарат. Ток был включен. Золотая стрелка колебалась. Тяжелый хронометр совместился с незримым течением времени. Огни в глазах Дэвиса погасли. Он забыл, где он находится. Пропало понятие времени и пространства. Темные расширенные зрачки остановились на светлом кружке гальванометра.

Прошло часа три. Внезапно от пластинок иридиевых электродов взметнулись бурые облака желанного осадка. Дэвис выключил ток, вскрикнул, попытался встать. Но нервы не выдержали возраставшего напряжения. Скользнув рукой по столу, ученый в глубоком обмороке снова упал в кресло.

Без стука открылась дверь, и в комнату вошел человек. Это был Томсон. Он только что приехал с заседания межсоюзной конференции. Углекопы совместно с железнодорожниками обсуждали вопросы завтрашнего дня. Забастовка! Только ли забастовка?.. Железные дороги отказались перевозить уголь, прибывающий с континента. Остановились металлургические заводы в трех графствах. Ходили слухи, пока, правда, не подтвержденные официально, о крупных столкновениях морской пехоты с рабочими в портах нижней Темзы.

Подойдя к Дэвису, Томсон бесцеремонно потряс его за плечо.

— Мистер Дэвис, проснитесь! Мистер Дэвис!

Голова ученого безжизненно моталась из стороны в сторону.

Томсон пристально всмотрелся ему в лицо и поспешно вышел.

Вернулся он в сопровождении нескольких человек. Здесь был и врач, на всякий случай непрерывно дежуривший в соседней комнате. Несколькими простыми приемами Дэвиса привели в чувство. Он не сразу сообразил, что произошло. Лишь бросив взгляд на аппарат и увидев колбу с коричневой жидкостью, он окончательно пришел в себя.

— Убирайтесь отсюда! — заявил он. — Не мешайте мне

работать! Вы нарушили мой сон, когда я только что подошел к решению важной задачи. Что? Да, это почти транс. Оставьте меня!

Присутствовавшие в смущении удалились. Томсон не мог скрыть своей злобы. Вероятно, на его лице слишком открыто отразилось это чувство, потому что Дэвис внезапно вспыхнул и сделал шаг вперед.

— Вы еще здесь?

— Я сейчас удалюсь. Но должен вам передать просьбу, да — покорнейшую просьбу, чтобы вы поторапливались, мистер Дэвис. Обстоятельства требуют...

— Вон отсюда!

Пожав плечами, Томсон вышел.

Дэвис долго не мог успокоиться и быстрыми шагами расхаживал из угла в угол по своей необычайной тюремной камере.

Остановившись у столика, дрожащими руками налил чистого виски. Выпил.

Он не был пьян, но нервное напряжение не покидало его.

Почему он так резко обошелся с этими людьми? Они, право, не заслуживали такого приема. Разве знали они... Ну, все равно.

Пусть принимают его за сумасшедшего. Так лучше.

Дэвис вынул из аппарата колбу с коричневой жидкостью.

Профильтровав и выбросив бурый осадок, он слил оставшуюся прозрачную слизистую массу в пробирку и подошел к окну.

— Вот минима-гормон! Десять граммов...

Всю ночь Дэвис не спал. Для проверки он сделал прививку минима-гормона морской свинке, специально доставленной одним из слуг. Это был самый важный и решительный опыт. Если гормон, приготовленный из крови кошки, будет действовать на такое далекое зоологически животное, как морская свинка, то можно быть вполне уверенным, что он универсален. Он пригоден и для... «Ах, какие глупцы, — думал Дэвис, — я сам еще ничего не знаю, иду

ощупью, а они... Трест рабочей деминимации! Ха-ха!»

Отделив часть гормона в маленькую трубочку, Дэвис выбросил остатки вон. Покончив с этим делом, он принялся за разработку своих записок. Все, что могло дать какие-либо указания на способы получения минима-гормона, он сложил в большую стеклянную банку. Туда попало большинство его тетрадей. Они не были больше нужны ему. Он все помнил. Каждую формулу, каждый шаг работы.

Здесь не было камина, чтобы сжечь все это, и Дэвис вылил в банку весь свой запас серной и азотной кислоты. Бумага расплзлась, превратилась в слизь. Дэвис пустой бутылкой толкал и месил это тесто.

Опять пришел Томсон. Несмотря на ранний час, этот неслух человек не хотел оставить Дэвиса в покое. За ним вошли еще двое: лорд Блэкборн и Джон Деферринг. Дэвис их узнал тотчас.

Свидание носило чисто официальный характер. Они пришли справиться о ходе работы. Есть надежда? Это очень хорошо.

Надо торопиться. Положение обостряется с каждым днем. Не нужен ли ему человек для производства опытов? Да? Прекрасно, прекрасно. Завтра он будет прислан. Да, да — средних лет мужчина. А как он думает насчет помощника? Что? Ему не надо?

Очень, очень жаль. Профессор Флери, как ассистент, мог бы оказаться весьма полезным. Хорошо, они еще подумают... Через несколько дней назначено собрание, большое собрание в этом доме. Будут обсуждаться важные вопросы. Очень важные. Тогда же надо будет заслушать доклад Дэвиса о проделанной работе.

Он надеется к этому времени закончить? Великолепно! А человека они пришлют завтра. Это будет первый клиент Треста рабочей деминимации! Пусть мистер Дэвис подготовит его к операции.

Очень, очень хорошо!

Осмотрев аппараты, посетители направились к клеткам с животными. Дэвис не произнес ни слова. Томсон во время этого посещения выступал чем-то вроде импресарио. Он

много говорил, показывал, вообще держал себя довольно развязно. Он, видимо, хотел отомстить Дэвису.

Мистер Дефферринг рассеянно посматривал вокруг и, казалось, мало был заинтересован работой Дэвиса, по крайней мере наружно оставался безучастным. Лишь когда посетители стали уходить, он взял лорда за борт сюртука и, пристально глядя в глаза, хрипло сказал:

— Это все прекрасно. Допустим... Но я вас спрашиваю, милорд — кому должна принадлежать русская нефть? Я, Джон Дефферринг, остаюсь в стороне. С одной стороны — «Стандарт-Ойл», с другой — русская нефть... А я? Они наводняют Индию русской нефтью! Положение «Рояль Шелл Детч»! О! «Рояль Шелл Детч». ...Мы все-таки не поклонимся Нью-Йорку. Да! Но я вас спрашиваю, милорд: что даст для нас ваша Рабочая деминимация? Какое она имеет отношение к советской нефти и к «Стандарт-Ойл»?

Лорд Блэкборн настойчиво-вежливо старался освободить борт сюртука от цепкой руки.

— Вы недалекновидны, мистер Дефферринг. Ваша нефть вернется к вам, будьте уверены.

Гости ушли.

Дэвис тяжело опустился на диван. Ему стало скучно. Чем все это кончится? Где Эллен? Он сказал ей: «Прими меры». Конечно, она не сидит спокойно. Но какие меры она сможет принять? Его стерегут, как зеницу ока. Уйти трудно, очень трудно.

Три дня Дэвис ничего не делал. Он сидел за аппаратом и притворялся, что работает. Но мысли его были далеко отсюда.

«Томсон... Блэкборн, Дефферринг, надоевший со своей нефтью...

Это все пустяки, временное затруднение, камень на пути. Не в них дело.

А дальше? Широкий путь. Маленькая Земля! Небольшая планетка солнечной системы. Она станет огромной, необъятной!»

Дэвис провел рукой по волосам. У него кружилась голова.

Большая Земля! Она даст приют бесчисленному культурному человечеству. Задачи материальной культуры упростятся до крайности. Тогда наступит эра высшего развития личности.

Ночью Дэвис запаял стеклом трубочку с минимал-гормоном.

Прикрепив ее липким пластырем и бинтами у себя на груди, он почувствовал себя готовым к борьбе.

Первая часть задачи была решена. Он — обладатель минимал-гормона!

Утром снова пришла Эллен. Томсон, как всегда, присутствовал при свидании и не отходил ни на шаг. Дэвис с трудом сдерживал свое бешенство, но и на этот раз недурно разыграл роль. Он заметил, как Эллен сделала ему знак глазами, и понял — что-то готовится.

Как и в прошлый раз, Эллен провела здесь всего несколько минут. Она мало говорила. Готовится к экзаменам. Это так трудно! Масса предметов, притом она много пропустила. Театр?

Нет, она бывает редко в театре. Мистер Хойс? Он уехал в Эдинбург.

Эллен ничего не расспрашивала о работе Дэвиса. Это ее как бы не интересовало.

Человек, предназначенный Дэвису для опытов, наконец, прибыл. Томсон привел его лично и, с обычной назойливостью, не отходил ни на шаг.

— Вот вам новый пациент. У него сильнейший порок сердца, но я думаю, что ваше искусство не окажется бессильным и в этом случае. Как вас зовут, милейший?

— Том, — тихо проговорил пациент. Это был мужчина лет сорока, плохо одетый, с темной щетиной на давно небритом лице. — Меня зовут Том Диксон.

— Вы работали на металлургических заводах сэра Исаака Люсмора? Прекрасно. Лечились безрезультатно... Так, так... Ну, теперь профессор поставит вас на ноги. Он открыл радикальное средство. Вы снова получите возможность работать.

— Помолчите минуту, — Дэвис холодно посмотрел в сто-

рону Томсона, — вы несколько поспешили. Моя прививка еще не готова. Придется подождать несколько дней. А пока я ничем не могу быть вам полезен, — он с сожалением посмотрел на больного.

— Хорошо, хорошо, — Томсон засуетился, — он пока проживет здесь, в этом доме. Когда понадобится, вы его вызовете.

Дни тянулись долго. Дэвис назначил десять дней, но он не надеялся, что в первый же день работы добьется успеха. С трепетом по несколько раз в день он взвешивал морскую свинку.

Несомненно, она подверглась действию минима-гормона. Почти перестала принимать пищу, вес пошел на убыль. Четыреста граммов, триста девяносто пять, триста девяносто... Минима-гормон так же, как некоторые яды, действовал на всякое животное. Дэвис чувствовал себя победителем. Беспокоил его лишь один непроверенный пункт: как долго будет продолжаться это уменьшение? Дэзи как будто остановилась на размере в двенадцать сантиметров длины. Но, кто знает... Дэвис хорошо понимал, что нужны еще многие и многие проверочные опыты.

Наступил, наконец, десятый день. Роковой день. Дэвис встал очень рано и, как всегда, уселся за свой аппарат, налив в колбу простой воды. «Проработав» так до полудня, он слышал в соседних помещениях шум, звуки многочисленных шагов, голоса.

Передвигали мебель, кто-то приходил, уходил. Под окном стучали подъезжающие автомобили.

«Неужели на сегодня назначено собрание, о котором говорил Блэкборн? Ведь сегодня и Эллен...» — с беспокойством думал Дэвис, поднимаясь от аппарата.

Случилось неожиданное совпадение. В тот самый день, когда Эллен собиралась со своими друзьями нанести последний роковой визит на Манор-стрит, там же Томсон устроил чрезвычайное заседание своих патронов. Одиннадцать самых богатых людей Англии и множество приглашенных съехались на своих автомобилях к тому же дому. У подъезда поминутно останавливались машины, высаживали

седоков и плавно откатывались в сторону.

Соблюдалась, очевидно, некоторая конспирация. Последним прибыл сверкающий «паккард» лорда Блэкборна.

Томсон несколько раз влетал в комнату Дэвиса. Он, казалось, совершенно забыл о своей обиде и болтал без умолку.

— Мы вас долго не займем. Будут обсуждаться вопросы общего характера и чрезвычайной важности. Ваш доклад должен уложиться в какие-нибудь полчаса. Да, да... Конечно, и Дэзи. Ее почти никто не видел. А наши обстоятельства до крайности обостряются. Экономический кризис...

— Чьи это «ваши» обстоятельства?

Томсон, очевидно, увлекся и забыл, что представляет интересы рабочих-горняков, что он — видное лицо в союзе углекопов Ньюкэстльского района.

Он слегка смутился.

— Я говорю — наши, то есть английской промышленности вообще. Представьте себе такое положение: свой пятилетний план русские выполнили в четыре года. А известно ли вам, что теперь же опубликован план строительства на вторую пятилетку? Известно ли вам, что по выполнении и этого плана — нашей промышленности будет окончательно закрыт доступ на русский рынок? Известно ли вам...

— Почему закроется доступ?

— Да потому, что вплоть до сложнейших машин и химикалий — они решительно все будут производить сами. Понятно? Известно ли, говорю, вам, что вторую пятилетку они берутся выполнить уже не в четыре, а в три года? И — черт меня возьми, если так не случится! Да что! — уже сейчас они завоевывают наши рынки своими товарами. Притом — что очень странно — эти импортные товары пользуются у нас большим спросом. Нефть, уголь и черные металлы проникают с Востока на наш рынок. Только подумайте! — их тресты стоят вне наших синдикатов и концернов. В результате — мы не можем конкурировать. Войны нет, но они душат нас экономически.

— Очевидно, мистер Томсон, социалистический метод в промышленности приводит к результатам и достижениям, недоступным для капиталистического производст-

ва, — иронически процедил Дэвис.

Томсон, казалось, не слушал. Он нетерпеливо ерзал на стуле, занятый своими соображениями. Поймав наконец какую-то мысль, он снова вскочил.

— Нефть! Ведь это — один из узлов мировой экономики... Сверлят они, роют, как кроты, а потом — пожалуйста: фонтан! Апшерон, Чусовая, Сахалин, Сибирь, Север... На каждом шагу открываются новые фонтаны нефти. Русские взялись за северную нефть, и мы ничего не можем поделаться. Когда-то стоило дать инженерам по хорошему кусочку, и они по обследовании показывали, что район беден, нефти мало, разработка нерентабельна. Так поступала фирма Нобель и многие другие... Сейчас не то. Там не успевают собирать потоки нефти, она стекает в реки, в океан, там промышленная лихорадка! На мировом рынке цена на нефть упала на тридцать процентов. Даже уважаемый мистер Дефферринг не знает, что делать. Он не может даже заявить претензии. Можете себе это представить!

Дэвис ясно себе все это представлял.

— Этого мало. Там же открыты неисчерпаемые залежи лучшего угля. Заметьте, у самого океана и на берегах рек... Каков транспорт! А? Комиссия инженеров из Бельгии нашла, что новооткрытый уголь не уступает кардифскому. Как вам это нравится? И единственными владельцами всех этих богатств являются какие-то Севуголь и Нефтьесиндикат...

— Гм... Я думаю, владельцем точнее назвать весь русский народ...

— Ну, это для нас безразлично. Слушайте дальше. В Архангельской губернии, где-то почти у Северного полюса, открыты большие месторождения урановой смолки, содержащей радий. А вам, вероятно, известно, что залежи в Иоахимстале уже почти исчерпаны? Нефть, уголь, радий — они завладеют мировым рынком... А лес!.. Ведь это же грабеж!

Дэвис согласился, что это грабеж.

Томсона вызвали, и он умчался что-то устраивать. По коридору поминутно раздавались шаги. Каждый раз Дэвис

вздрагивал и напряженно всматривался, не колыхнется ли темная портьера.

Он ждал Эллен.

Он ждал и вместе с тем боялся ее прихода. С чем придет она и чем все кончится? Что Эллен не сидит спокойно и что-то предпринимает, в этом Дэвис ни на минуту не сомневался. Он хорошо знал эту девушку. Серые глаза, такие большие и ласковые, когда нужно, бывали решительными и гневными. Тогда Эллен прямо шла к поставленной цели.

Было уже около четырех часов, когда шум и голоса в соседних помещениях стихли. Казалось, все ушли и оставили Дэвиса в покое. Он попробовал подойти к двери. Она оказалась запертой.

«Наверное, заседание уже началось, — подумал Дэвис, снова отходя к столу. — Скоро позовут».

Взяв на руки Дэзи, он сел на диванчик недалеко от входа и закурил сигарету.

Спустя полчаса в коридоре послышались шаги. Щелкнул замок, и в дверях появился Томсон. Он, видимо, был взволнован и нервно потирал руки. Опять посыпались факты, сообщения, новости.

Дэвис выразительно взглянул на коробку папирос, с которой Томсон сдирал полированным ногтем наклейку.

— Импортные «Сафо» курите? Гм... Кто-то недавно удивлялся нашему спросу на русские товары.

— Это — случайно. Так, знаете... Табак хорош, да и дешево. У меня совсем голова идет кругом. Ну и дела. Уф-ф!.. Минутку посижу, выкурю папиросу, и пойдем. Все в сборе. Сейчас слушали доклад представителя стального треста. Вы знаете, — Томсон с усталым видом расстегнул сюртук и опустился на диван, — вы знаете, что в состав стального объединения входят все страны, за исключением Советского Союза. Ну, вот... Сегодня получено сообщение о пуске там громадного машиностроительного завода. Они ухлопали на это дело колоссальные средства. Текстильные машины, двигатели, моторы, станки, — все будет производиться на месте. Вы понимаете, что это значит? А Восточный блок? Это вопрос почти сегодняшнего дня. Советский

Союз, Индия, Афганистан, Турция, Персия — они все гнут свою линию. Кроме того, Китай... Как вам нравятся эти перспективы?

Дэвис подтвердил, что это ему вовсе не нравится.

Томсон встал.

— Да, — сказал он нервно, — такое положение не может и не должно продолжаться. Надо вопрос решать сейчас же, пока не поздно. Мы рискуем потерять все. И прежде всего — колонии... В Индии — форменная революция. Третью, после Саймона, комиссию выгнали. Вице-король живет на броненосце... В Австралии какой-то кооперативный союз овцеводов осмеливается диктовать свои цены на шерсть. Вообще, наши доминионы...

Томсон наклонился к самому уху Дэвиса.

— Сегодня мы решаем вопросы войны и мира. На заседании присутствуют: министр иностранных дел, министр воздушного флота, военный и морской министры. Конечно, это только, так сказать, приватное совещание, но оно имеет весьма большое значение. Другого выхода нет...

Вероятно, почувствовав, что зашел слишком далеко в своей откровенности, Томсон резко оборвал речь и направился к выходу. Дэвис следовал за ним.

В самых дверях Томсон столкнулся с Эллен.

— Добрый день, мисс! К сожалению, вам придется немного обождать. Мистер Дэвис сейчас занят, но через полчаса...

— Ах, как жалко!.. — Эллен с небрежным и слегка недовольным видом протянула Томсону маленькую, затянутую в лайку руку. — Я ведь только на минуту. Разве такое важное дело?

— Да, очень важное дело. Но вы, надеюсь, никуда не торопитесь?

Эллен опустилась на диван. Она была бледна как полотно и, видимо, делала героические усилия, чтобы скрыть свое волнение.

— Только минуту, и я сейчас пойду. Мне некогда ждать. Пару слов...

Томсон отошел к окну.

— Хорошо. Только скорее. Нас ждут.

Дэвис не знал, в чем дело, но чувствовал, что наступил решительный момент. Он вопросительно взглянул на Эллен.

В его глазах появились знакомые ей задорные огоньки. Он подошел к дивану и остановился напротив.

— Я пришла к тебе посоветоваться, как лучше переделывать эти серьги, — Эллен вынула из сумочки футляр. — Это еще из маминых вещей. Не правда ли, хороши?

Дэвис наклонился и увидел в раскрытой сумочке рукоять маленького кольца. Он понял. Рассматривая серьги, он заслонил своим телом Эллен так, чтобы Томсон ничего не мог видеть, и быстрым движением схватил автомат. Сунув его за борт жилета, он выпрямился и повернулся к окну.

— Чистая вода... Это настоящий рубин?

— Да. Мама называла их карбункулами, но это, кажется, все равно.

Эллен умолкла, глядя расширенными глазами мимо, в угол комнаты. Дэвис обернулся.

Томсон стоял в странной позе, навалившись грудью и животом на край стола. Казалось, он был совершенно спокоен, но короткие, судорожные подергивания плеч показывали напряжение всех мышц. Вскоре лицо его стало страшным. Вены на лбу вздулись синими жгутиками, глаза выкатились из орбит. В наступившей тишине слышалось только свистящее, хриплое дыхание и по временам скрип зубов.

Дэвис сделал движение. Эллен вскочила и схватила его за руку.

— Стой... Не подходи к нему!.. Бесполезно...

В этот момент Томсон съехал с края стола и тяжело повалился на пол. Здесь его начали бить судороги. Все тело извивалось в конвульсиях. Мышцы то напрягались до последней степени, то расслаблялись. Умиравший, видимо, старался сказать что-то, пытался кричать. Но едва он раскрывал рот, как снова ему сводило челюсти.

Дэвис и Эллен, взявшись за руки и тяжело дыша, стояли посреди комнаты. Эллен тихо произнесла сквозь сжатые зубы:

— Змея... Змеиный яд...

— Где змея?

Эллен протянула Дэвису правую руку.

— Здесь, в перчатке. Трубочка с ядом. Осторожно...

Дэвис понял. Не обращая внимания на умирающего, он схватил со стола ланцет и, осторожно распоров по шву, снял страшную перчатку с маленькой, почти детской руки. На стороне ладони виднелась подшитая изнутри маленькая трубочка. Наружу торчал тонко оттянутый кончик. Дэвис бросил трубочку на пол и раздавил ногой, а перчатку сунул в карман.

Томсон вытянулся. Его лицо стало почти черным с багровым оттенком, словно оно было наполнено венозной кровью. Он лежал на животе, наклонив голову набок, будто уронил что-то и заглядывал под шкаф.

Эллен потеряла последние остатки сил и опустилась на стул.

Сейчас, именно сейчас ей предстояло проявить максимум деятельности, а нервы... Она не находила сил подняться с места.

Надо было взять себя в руки!

Дэвис подошел к Томсону.. Пошевелил тело носком сапога.

Под ногой оно подалось и колыхнулось безжизненно и вяло, как матрац, набитый шерстью. Дэвис поднял голову и быстро оглянулся.

— Эллен, какой у вас план? Что надо делать?

Девушка не отвечала. Ее губы дрожали, лицо покрылось пятнами. Она делала страшные усилия, чтобы не впасть в истерику. Эта борьба продолжалась недолго. Ей удалось справиться с собой. Она встала.

— Переодевайся в его костюм... Скорее!

Дэвис не медлил. Быстро разделся. Стащить костюм с трупа оказалось труднее. Пока он с этим возился, Эллен отошла к двери.

Прислушалась. В ее руке темнел маленький кольт. Она действовала сама, как автомат. Что-то внутри остановилось, оборвалось... Томсон! Она не знала, что это будет так

жестоко. Разве нельзя было обойтись без этого? Но как? Чарли сказал, что так нужно...

Очутившись в сюртучной паре Томсона, Дэвис прикрыл труп своим серым костюмом и подошел к двери. Эллен оглянулась.

— У тебя борода. Можешь ее как-нибудь сбрить?

Подбежав к столу, Дэвис большими ножницами срезал свою темную бородку и острым скальпелем, без мыла, принялся сбривать остатки волос. Взглянув в зеркало, он едва узнал себя.

— Хорошо. Теперь идем...

Эллен дышала порывисто и глубоко. Дэвис видел, как колыхалась ее грудь, и краска возбуждения заливала щеки. Он сам не испытывал страха. Сознание опасности только поднимало настроение, щекотало нервы.

— погоди, — Дэвис оглянул комнату. — Аппарат! Надо его уничтожить...

Ударом венского стула Дэвис разбил вдребезги свои хрупкие приборы. Сунув Дэзи в карман, он подошел к Эллен.

— Я готов.

— Пойдем вместе, на улице нас ждут... В случае столкновения придут на помощь. Там Чарли... Идем.

Дэвис решительно толкнул дверь. Коридор был освещен. Никого кругом не было.

— Как жаль, мистер Томсон, — громко и возбужденно говорила Эллен, — как жаль, что Дэвис занят! Я сегодня собиралась побеседовать с ним об одной вещи. У меня есть одна старинная драгоценность, еще моей покойной матери. Фасон совсем такой, как носят сейчас. Моды ведь тоже возвращаются...

Эллен оборвала речь. На половине коридора по винтовой лестнице из второго этажа быстро спускался какой-то джентльмен.

— Мистер Томсон! — закричал он еще издали. — Что же вы?..

Дэвис и Эллен задержались, как бы разговаривая. Джентльмен остановился внизу, поправляя монокль, и что-то искал по карманам. Это был лорд Блэкборн. Дэвис тотчас

узнал его.

— Мы вас ждем! — произнес лорд, подходя ближе и нетерпеливо разводя руками. — Нам некогда терять время на...

Он умолк, увидя перед собой незнакомое лицо. Отсутствие бороды и чужой костюм сильно изменили Дэвиса.

— Извините, вы не видели мистера Томсона? Он где-то здесь, внизу.

— Нет, сэр, я не знаю мистера Томсона. Я только что прибыл на совещание.

Дэвис пропустил мимо лорда Блэкборна, сжимая в кармане рукоять кольца. Выхватив записную книжку, лорд быстро прошел в комнату Дэвиса. Как только дверь за ним закрылась, Дэвис в два прыжка вернулся назад и повернул ключ. Лорд Блэкборн оказался запертым вместе с трупом своего верного слуги. Замок щелкнул. Тотчас раздался испуганный возглас и вслед затем звонок домашнего телефона. Старый лорд, очевидно, не растерялся и действовал решительно. Нельзя было поэтому терять ни секунды и Дэвису с Эллен.

Не говоря ни слова, взявшись за руки, они быстро пошли по коридору к выходу в вестибюль. Эллен снова ослабела, и Дэвису приходилось ее почти нести.

— Там Чарли... там Чарли, — повторяла она.

Подходя уже к самым дверям, они услышали несколько сильных сигнальных звонков. В тот же момент дверь из вестибюля открылась им навстречу, и показались трое людей в котелках. За ними виднелись еще несколько человек, бежавших из второго коридора.

— Руки вверх! — довольно приветливо, со спокойной улыбкой произнес первый из подбежавших, остановившись в дверях. Он был уверен, что сумеет взять этих молодчиков без труда.

Вместо ответа Дэвис стиснул зубы и выстрелил в упор.

Большой маузер глухо стукнул о пол, и человек опрокинулся навзничь. Остальные с поспешностью отпрянули. Все произошло в один момент.

— Закрывай дверь, скорее!

Дэвис захлопнул дверь, и едва он успел повернуть ключ, к счастью, находившийся по эту сторону, как дверь затряслась под сильными ударами. Слышно было, как с той стороны навалились с разбегу несколько человек. Раздался крик...

Дэвис лег на пол, увлекая за собой и Эллен.

— Наверное, будут стрелять сквозь дверь. Пули пройдут...

Дверь трещала все сильнее, но не поддавалась. Раздались два-три выстрела. Пули, пронизывая дверь на высоте груди, выбивали мелкие дубовые щепки. Дэвис поднял валявшийся маузер. Эллен поняла, что он хочет делать, и тоже направила свой револьвер к двери. Ее нервы были натянуты, но она владела собой.

После первых же выстрелов глухой стон, донесшийся из вестибюля, дал знать, что пули достигли цели.

— Чарли! Чарли... Он должен слышать, он придет на помощь. Ведь нас сейчас обойдут сзади, по лестнице!

Дэвис быстро обернулся назад, к коридору.

— Стреляй!

Они выстрелили одновременно. Высокая фигура во фраке, бежавшая по коридору, взмахнула руками и присела на пол.

— Леди и джентльмены! — почему-то крикнул раненый, протягивая вперед руки. — Леди и джентльмены! Не стреляйте! Мое имя вам известно... меня зовут Пит! Пит!.. Мелтон... Мелтон!

Впрочем, он недолго пытался таким странным образом познакомиться с неизвестными бандитами. Встав на карачки, он, насколько мог поспешно, пополз к лестнице и пропал из виду.

Дэвис понимал всю серьезность положения. Очевидно, «хозяева», увидев свою ошибку, решили пожертвовать и им самим, и его минимал-гормоном. Каждую минуту можно было ожидать обхода. Пули пронизывали дверь все ниже и ниже.

— Где же твой Чарли? Есть там кто или нет? Или мы одни?..

— Не знаю. Они должны быть здесь... Двенадцать...

Оглушительный грохот свистящего взрыва потряс дверь. Одновременно в вестибюле раздался дружный короткий крик нескольких голосов, и все смолкло...

Дверь опять затряслась под ударами кулака.

— Эллен! Где вы? Это я — Чарли... Откройте!

Дэвис схватил Эллен за руки. Он не доверял. Что, если...

— Пусти, это наши. Скорее!

Повернув ключ, Эллен потянула ручку к себе и чуть не упала в объятия Чарли. В одной руке он держал большой кольт, в другой — ручную гранату обычного английского типа «крокодил».

Окинув взглядом живописную фигуру ученого, Чарли обернулся назад. Вестибюль опустел, но ворвавшиеся успели занять все входы и выходы. Тут же был и Диксон, Том Диксон, на котором Дэвис должен был испробовать действие своего гормона. Он караулил выход из второго коридора. Как он сюда попал?

— Мы, кажется, поспели вовремя. Скорее... На автомобиль, вас ждут.

Пробегая по вестибюлю, беглецы видели своих спасителей.

Группами виднелись они на страже в прилегающем коридоре, у дверей, на лестнице. Посреди помещения на полу видна была изъязвленная поверхность — место, где взорвалась граната.

Дверца большого шестидесятисильного автомобиля быстро отворилась навстречу. Шофер дал сразу полный ход. Эллен открыла глаза. Не успели они отъехать и двадцати метров, как новый взрыв потряс здание. Из передних окон вылетели стекла и зазвенели на асфальте улицы. Полиции не было видно, но среди прохожих началось смятение. Эллен оглянулась. Другой большой мотор подошел в этот момент к подъезду. Она знала — на нем должны были спастись ее друзья. Успеют ли они?

Замелькали дома. Автомобиль мчался на набережную Темзы.

Дэвис и Эллен молчали. Достигнув ботанического сада, шофер уменьшил скорость, чтобы не обратить на себя вни-

мания неразрешенной быстротой езды.

Так добрались они до Гринича. Около парка их ожидал второй автомобиль. Углекопы из Ньюкэстля знали, как надо действовать, чтобы замести все следы. Пересев на новую машину, беглецы поехали дальше.

— Куда мы мчимся? — спросил наконец Дэвис.

— В Плэмстед. Там сядем на поезд, идущий в Чатам. Потом на континент. Пока — во Францию. В одиннадцать часов полетим на «нашем» самолете. Один летчик согласился доставить нас на французский берег. Все устроено, нас ждут.

Самолет увозил беглецов ночью. Когда поднялись над морем, Дэвис оглянулся назад.

Темный массив земли светился тысячами, мириадами огней.

Небо казалось горящим над тем местом, где на горизонте раскинулся город-гигант. В мутном и дымном воздухе он освещал облака заревом действующего вулкана.

Дэвис наклонился к уху Эллен.

— Смотри, — прокричал он, стараясь заглушить шум мотора, — смотри, как там тесно и душно! Как густо сгрудились люди...

Вместо ответа Эллен закусила губы и отвернулась. Дэвис почувствовал, что ей не по себе.

— А что с ними? Ах, Чарли, Чарли...

К морю!

Старая, полуразрушенная мельница стояла на берегу заросшего озеринка. Сама мельница и прилепившаяся к ней сбоку избышка построены были лет шестьдесят назад. Оба они покривились, поросли мохом и были выпачканы вековой грязью — странной смесью сажи и мучной пыли. Кругом весь овраг зарос буйной растительностью. Такие лопухи встречаются только еще на Камчатке и Сахалине. Лилые цветы — кисти ядовитой акониты выше роста, малиники, целые семейства зонтичных, черемиса, — все это лезло из земли, словно стараясь в течение короткого лета как можно выше вытянуться к солнцу, пошире и покряжистее распусть листья и стебли.

Ручей шумел и гремел. Пущенный мимо неподвижно, замшелого колеса, он серебряным каскадом ниспадал с трехметровой высоты из отверстия в желобе и терялся в застывшей бочаге. До моря по прямой линии было не больше десяти километров, но ручей ухитрялся так напетлять и напутать, что, если идти берегом, то выходило никак не меньше двадцати, да еще с большим гаком. Гигантский лес, никем никогда не тронутый, жил и умирал над неутомным ручьем. Тяжкими трупами своих стволов заваливал его вдоль и поперек, образуя бесчисленные мосты и своды. Человеку приходилось здесь не идти, а проползать, как букашке, пробиваться часами на протяжении километра, чтобы снова очутиться почти в том же месте, попав в одну из петель...

— А где же возьмем червей?

Доктор остановился, вопросительно взглянув на Петьку.

— Ведь наши оставлены у Иванова в избышке.

— Найдем. Вон, за мельницей в той куче всегда черви живут. Кто с озера уходит — выкидывают остатки. Ну, и развелись.

— Ладно. Я буду копать, а ты смекай насчет удилица. Только нет здесь в лесу подходящего. Елка...

— Не. Надо рябинку молодую, жидкую. Я сейчас.

Взяв топор, Петька мгновенно скрылся в чудовищном травяном лесу.

Вставало солнце. Стрекозы, звеня крыльями, метались в прозрачном воздухе и осторожно присаживались отдохнуть на ветхой стене мельницы. Доктор зашел в избушку. Здесь пахло копотью и какими-то грибами. На крошечном грязном окне ползали сотни всяких лесных мух. Они стремились к свету, но не могли вылететь сквозь стекло, а спасаться в открытую настежь дверь — не догадывались. Целый слой их трупов покрыл издерганный ножом подоконник.

Доктор решил спасти этих пленников. Отогнув гвозди ножом, вынул раму. Фу, черт! Мухи, как пьяные, тучей устремились вверх, но не все могли лететь — от истощения. Большая часть их падала вниз, на голову и грудь Ивана Петровича.

Отряхнувшись и вставив обратно раму, доктор пошел к указанной Петькой куче. Баночка была найдена тут же. Старая банка из-под американских мясных консервов, еще со времени интервенции девятнадцатого года. «Корнэд бииф, Аргентина», — прочел Иван Петрович полустершуюся надпись.

— Раз... два... три... — считал доктор, откладывая в аргентинскую банку жирных червей, — вот до сотни наберу, и довольно.

Эк их много тут! Петька правду сказал... Да... сорок... сорок один...

Сидя на корточках, доктор отдувался от комаров. На озере их почти не было. Самый маленький ветерок относил их прочь, ночью же было холодно. Теперь пригрело, и в тихом овраге комары благоденствовали. Их было так много, как бывает только на севере.

— Вот стервецы! Надо было взять накомарники. Совсем зажрут!

Явился Петька с удочками. Это были совсем тонкие прутья не больше трех метров длиной, в коре.

— Идем, что ли, скорее, комары съели, — доктор с остервенением хлестнул себя по лицу ольховой веткой. — На ходу легче будет. Где у тебя лески?

— Все здесь. А червей накопал?

Петька без стеснения наложил себе червей прямо в карман и посоветовал доктору сделать то же. Куда возиться с банкой! Неудобно. А в карман руку сунул, и готово!

Минуту поколебавшись, доктор последовал совету и тоже высыпал червей в карман тужурки. А чтобы не умерли, добавил туда же сырой земли. Все оказалось в порядке.

— Ну вот... — Петька улыбнулся. — Пойдем теперь.

Обогнув бочагу, вышли на ручей. Здесь сразу начинались пороги, и Петька тотчас принялся за ловлю. Иван Петрович решил обождать и сначала понаблюдать.

Пляшущие прозрачные струи подхватывали червяка и мчали его по течению. Леску поминутно цепляло за разный подводный и надводный хлам. Петька закидывал беспрерывно, меняя места, иногда, где можно, даже нахлестывая, как при спиннинге. Однако долго ничего не попадалось.

— Где же твоя «кумжа»? Комаров, действительно, много, а рыбы не видать. Где она только живет тут, в этих колдобинах? Сомнительно что-то...

— Погоди...

Петька забросил в то место, где порожок вливался в омут.

Хотя вода и была прозрачна, как воздух, все же, благодаря преломлению, дна не было видно.

— Есть! Вот, елки-палки, попала!

Доктор видел, как туго натянулась и судорожно задержалась в стороны леса. Вопреки всяким правилам, Петька силой потянул двбычу на берег. Из воды показалась узкая рыбина около фута длиной. В воздухе она извивалась, как змея. На солнце сверкали ее зеленоватая чешуя и яркие красно-золотые пятнышки. Сорвавшись с крючка, «кумжа» упала на берег у самой воды. Не жалея себя, Петька и доктор грудью бросились на землю, схватили диковинную рыбу...

Но сделать это было не так легко. Рыба, почуявши воду, в два прыжка, подскакивая почти на метр от земли, скатилась в ручей.

Петька огорчился. По местному поверью, если рыба уйдет из рук снова в воду, клева больше в этот день не бывает. Она будто бы рассказывает о злокозненных проделках человека, и подводное население объявляет бойкот червям и всему прочему.

Доктор остался при особом мнении на этот счет и с лихорадочной поспешностью принялся разматывать свою удочку.

Иван Петрович был, как всегда, терпелив и настойчив. Перескакивая с камня на камень, обходя берегом, он искал все новых и новых «хороших мест». Наконец, леса за что-то зацепилась.

Рука чувствовала, что на конце ее — не сук, не мертвый груз.

Леса вибрировала.

— Тяни! — крикнул Петька, — тяни ее, анафему, скорее!

Доктор «потянул». Петька перехватил руками лесу, и они общими усилиями вытащили на берег загадочную «кумжу». Эта была гораздо крупнее первой.

— Форель! Настоящая форель. Но она больше ручьевой...

— Эта прямо с моря заходит. В устье ловят вершами. Попадается еще крупнее. Фунта на три и боле.

— Пойдем к морю! Кумжу будем ловить, да и рябов, гляди, найдем. Я давно собираюсь пройти весь ручей. Ты подумай: от истока до моря! Во всяком случае, до дороги сегодня успеем дойти. Айда!

Петька всегда был согласен идти куда угодно, лишь бы это был лес. Отправились дальше. Путь с каждым шагом делался все труднее. Ружья и сумки поминутно цеплялись за сучья. Но путники не унывали и, спускаясь вниз по течению, продолжали ловлю. Спустя час в сумке доктора трепыхалось не меньше десятка форелей, да почти столько же было у Петьки.

Вскоре вышли они на поляну. Можно было свободно

вздохнуть.

— Что это?

Доктор остановился перед большой кучей крупных, корявых раковин. Они все были раскрыты, иные — разломаны. Полусгнившие моллюски издавали удушливый трупный запах. Миллионы мух покрывали эту братскую могилу.

— Жемчуг искали,— ответил Петька равнодушно. — Набирали ракушек в ручью, ну, а потом и раскокали.

— Раскокали! Ах вы, разбойники! Да знаешь ты, сколько времени растет жемчужина? Ты на Казанке тоже так искал?

— А как же...

— Как? Дырочку сверлить надо, потом замазкой залепить, да песочку подсыпать. Раскокали!..

— Вот еще! Хватает здесь раковин.

— Где хватает? Мы два часа идем по ручью, а видал ты хоть одну?

— Видал, не видал. Да ее не скоро и увидишь. Под камнем она ухоранивается.

— Сам ты «камень»... Идем, что ли.

Иван Петрович шел вперед и теперь старательно высматривал в воде, не попадется ли где темная раковина. Петька оказался зорче доктора. Засунув руку под камень, он вытащил жемчужницу. Доктор взял ее в руки. Она была плотно закрыта, мягкие роговые края створок цепко впились друг в друга. Полюбовавшись раковиной, доктор снова бросил ее в воду. Петька посмотрел иронически.

— Может, в ей жемчужина сидит с горошину, а ты и не посмотрел.

— Что же я, варвар ты этакой, ломать ее буду?

— Дак что! А бросил, так, думаешь, важное дело сделал? Другой найдет, все равно... Вот, говорят, лет двадцать назад здесь жемчугу было! Пелявин-старик — а может, и врут — нашел одно зерно с орех. Воробей-купец тогда жемчуг скупал. Дал ему, будто, сто рублей. Черное зерно было.

— А ты на Казанке находил крупный?

— Не, не больно крупный. Вроде как пшено. Мелкий. Была одна покрупнее, с дробину нолевою, да плохая. Кри-

вая такая, с рогулькой.

Доктор больше не расспрашивал. Ему казалось, что Петька врал. Слишком темно и по-разбойничьи блестели его глаза, а губы кривились плохо скрытой усмешкой.

Чистая поляна оказалась злым издевательством. За нею сейчас же начинались такие непролазные трущобы, что даже привычный ко всякой «чертоломине» Петька поминутно ругался и вспоминал каких-то лесных боженят.

Солнце начинало склоняться к западу, когда решили сделать привал. Иван Петрович устал. Даже когда из-под самых ног с шумом и треском вылетел выводок рябчиков, он не нашел в себе силы снять ружье. Но неугомимый Петька смотал удочку и углубился в лес. Донеслось несколько выстрелов. Когда Петька догнал доктора, уже усевшегося на привал, у него за поясом, заткнутые головками, болтались три молодых рябчика.

— Зря стрелял. У Иванова рыба оставлена, в сумках кумжа, рябы... Коптить, что ли, опять станем?

— Ничего. Так сожрем. Напромышляли нехудо, а от добычи нельзя отказываться. Потом даваться не будет.

Доктор хорошо знал, как крепко Петька держится всяких лесных предрассудков, и не возражал.

Уха из свежей форели! Не хватало только лаврового листа да лимона, но доктор даже не вспомнил об этом. На второе — приготовленные лесным способом, в глине под огнем, рябчики. На третье — морошка: Петька, пока ходил за рябчиками, успел набрать ее в свернутый тут же берестяной кузовок.

— Откуда, когда ты успел?

— А там на мшарине ее — сила! Все желто.

После роскошного обеда доктор прилег под деревом. Взвился синий дымок махорки.

— А что, — спросил доктор после долгого молчания, — золота здесь не находили? Я читал, что Сидоров, который когда-то первым открыл нефть на Ухте, отыскал где-то здесь и золото. Кажется, в Архангельском уезде.

— Не слыхал про Сидорова. А мужик один с Верховья, люди брешут, будто копал. Только давно это было. Его са-

мого и живого уже нет. Помер. Ничем не занимался, не работал, и хозяйства у него настоящего не было. А ходил в лес с ружьишком, и то так, зря. По осени с лесорубами в Питер умотается, а зимой вертается с деньгами. Зиму дома живет, а весной опять в лес. В лесу его и убили. Кто? Разве узнаешь! Надо полагать, свои — деревенские. Из зависти. Много народу за ним в лес ходило, все хотели подстеречь, как он золото копать станет. Да жох старик был, такая сволочь. Пойдет и — как в воду! Сразу потеряется. Слово знал...

— Какое слово?

— Такое. Какие слова бывают! — Петька, враждебно поглядывая на доктора, с минуту молчал. — А я знаю, где он копал. На потайной Рименые, либо на Казанке. Тоже потайная есть. Там в клину три потайных реки. Из земли текеть и — опять в землю... Меняет тоже места. На завтра придешь — нет уж реки в том месте, в землю ушла. Снова искать надо. А как если Жихорь отведет — ввек не найти! Жихорю надо камень под лесину положить.

Доктор не выдержал.

— Что за чушь ты мелешь! Кажется, парень бывалый, в Германии жил, всего видал, книжки читаешь, а веришь во всякую ерунду. Потайная Казанка, какой-то Жихорь... Черт знает что!

— Вовсе не ерунда. А Жихорь есть. Его еще на Андозере зовут — Бататуй. Вот, на дальние покосы идти, на Мясалку, там в одном месте высокий угор есть, и под каждым деревом больша-а-ая куча камней наложена. Каждый год, как на покос идут, Бататую под дерево камень ложат. У всякой семьи свое дерево. Старики кладут, молодым нельзя. Так давно уж ведется, никто и не помнит, откуда пошло.

— А для чего это делают?

— Понятно для чего. Камня Бататую не положишь — работа не пойдет. А в лесу там все камни повыбраны, так издалека с собой носят. Верст за десять и боле...

Отдохнув, охотники двинулись дальше.

«Ну как к этим людям подходить с антирелигиозной пропагандой! — думал доктор, продираясь сквозь чащу. — Надо вырубить все эти леса, провести дороги, настроить заво-

дов и школ. Только тогда новое поколение забудет всех этих Жихорей и Бататуев».

Оглушительный выстрел над самым ухом заставил доктора вздрогнуть. Чуть не сбив его с ног, Петька бросился куда-то вперед, вскочил по колени в ручей и схватил что-то в воде.

В его руках появился небольшой коричневый зверек с плоской, как у налима, мордочкой.

— Выдра?

— Не, норка. Ужели не видал? Я сзади шел, думал, стрелять станешь, а ты прешь как телепень.

Иван Петрович уж не спрашивал, что такое «телепень». Ему было неприятно, что он прозевал зверька.

— Я, признаться, не смотрел вперед. А что она, плыла?

— Плыла. По головушке и стрелил. Если на раз не убьешь — уныряет. Все равно, что гагара.

Тут же на месте Петька острым ножом подрезал зверьку кожу кругом рта и, как чулок, выворотил мокрую шкуру.

— Пока так. А ввечеру у огня высушим и на распялку поставим.

Весь этот день был богат лесными приключениями. В этой глуши без разных случаев не пройдешь и километра. Совсем недалеко от дороги, которую пересекал ручей, охотники, достаточно уже усталые и давно бросившие рыбную ловлю, наткнулись на небольшого медведя. Зверь стоял по брюхо в воде и что-то ковырял под камнями. Шум ручья и встречный ветерок помешали ему почуять приближение людей. Петька, конечно, первым заметил зверя. Он шел впереди и, остановившись, приложил палец к губам.

— Смотри! — прошептал он, снимая ружье.

Страх не страх, а что-то другое толкнуло доктора. Он не хотел сейчас почему-то стрелять по медведю. Он тоже снял свое ружье и переменял патроны. Но когда Петька «спустил» уже в дуло берданки какой-то чудовищный «жеребей» и приготовился стрелять, Иван Петрович громко крикнул и захлопал в ладоши.

Медведь чуть не свалился с ног от перепуга, двумя громадными прыжками вылетел из ручья, протрещал в гус-

том ельнике и скрылся из виду.

Прошла минута молчания.

Петька со злостью хватил ружьем о землю и на него сверху швырнул свою рваную шапку. Его темные волосы узкими космами, как у индейца, рассыпались по плечам.

— Ну, мат-т-ть т-твою за ногу! Пойду я еще с тобой на охоту... Интилигенция!

Он гневно сплюнул на сторону, потом сел на землю и принялся мрачно свертывать сигарку.

Доктор смутился.

— Ты, Петр, не сердись. Пойми, какой толк нам стрелять медведя? Шкура летняя никуда не годится, мяса нам не надо. Зачем зверя зря убивать? Ну, выстрелишь... Хорошо, как попадешь куда следует. А если только ранишь?.. Уйдет, помирать сколько времени будет, мучиться... Собаки у нас нет, не найти его. А, может, и в драку кинулся бы.

— Вот это, пожалуй, правда: побоялся ты, что кинется он. Вот! В лес тебе не надо ходить. Лежи на печи, да ешь калачи. А медведь этот пойдет по деревням скотину драть. В прошлом годе в одном Нижмозере тринадцать скотин задрали звери, да в Тамице десять, да в Кянде... Одного убили, да их там, зверей, может, штук десять ходило! А ты говоришь, куды с ним...

Доктор почувствовал себя сбитым с толку. Он хотел упасть в тон лесному настроению, сохранить жизнь дикому зверю, но опять вышло что-то не то.

На каждом шагу доктор наталкивался как бы на стену. Надо больше молчать и присматриваться, а не учить. Их, жителей леса, и нечему здесь в лесу учить.

Петька быстро шагал вперед. Доктор едва поспевал за ним.

Вот и дорога. Песчаной лентой, обросшая березняком и ольшаником, вилась она в стенах матерого леса. Странно было видеть здесь телеграфные столбы с блестящими изоляторами.

Каменный век и электричество!

Путники вышли к мосту. Ручей здесь был глубокий и темными струями пересекал дорогу, журча на замшелых сваях

старого моста. У дороги торчал крест с кривой надписью: «На сем месте убито тело раба Божия Еремей». Путники решили сделать маленький привал.

На мосту под перилами сидели два мужика.

— Вон Коля Чабар да Степа Натура сидят, — сказал Петька, усмехаясь, — позалогуюем малость, отдохнем с ними, а ночевать пойдем в смолокурку. Ближко тут, почти у дороги.

— Здорово, земляки! — Петька сбросил кошель и тоже уселся на бревно. — В город?

— Эге, в город, — маленький, сутулый мужичонко с вихрастой бородкой окинул быстрым взглядом Петьку. — А ты, парень, все шляешься, не зарезали тебя по-настоящему? Ну, устосают тебя еще андозерские ребята, устосают... А ты, товарищ доктор, напрасно и лечишь его. Бе-е-едовый парень, всех девок...

— Мели больше! — оборвал его Петька, нахмурившись. — Дам тебе по горбу... Закуривай, что ли, чем болтать. — Он протянул мужикам кисет.

Доктор некоторое время внимательно присматривался к лицам мужиков и старался по их внешнему виду определить, который из них Коля Чабар и который — Степа Натура. Прозвища всегда даются метко и соответствуют наружности. Коля Чабар... Чабар, ну конечно, это маленький мужичок со всклоченной бородкой, сутулый, — Чабар... А этот рыжий с бегающими глазам, несомненно, Степа Натура!

Чтобы проверить правильность своих наблюдений, доктор обратился к предполагаемому Чабару:

— А ты, Чабар, по какому делу в город?

— Я-то? — сутулый мужичок, подняв брови, взглянул на доктора. — А у нас, вишь, артель — зимой селедку ловим. Ну невода, конечно, плетем морские. Под лед невод ставится. В артели дворов двадцать собравши, так неводов этих у нас — сила. Всю зиму плели, весной дубили да смолили. И работы и денег ухлопали, стра-асть! А тут вот такое дело нехорошее получилось...

— Ворона? — быстро спросил Петька.

— Эге. Он самый. А что, видно, слышал уже? Как раз Ворона. Не то что бы кулак, а вроде того. Сам раньше сетей много имел и на селедке здорово наживал. А только как артель почала ловить,— под гору пошел. Шибко его зло разбирало. Все сидел, молчал, будто ничего. Карахтер имел сурьезный. А вот на той неделе сетки наши чуть было по ветру не пустил! Вот какое дело. Хорошо еще — вовремя доглядели, а то бы на зиму вся артель по миру пошла. Весь бы промысел к чертовой бабушке! Затем и в город топаю. Прядена надо доставать для ремонту сеток. Заявление в Севторг от артели дадено...

— А что же сделал этот Ворона?

— Известно что! У них одна мода — огонь. В амбарушке складены были у нас невода, а чтобы не сопрели, оконца приоткрывавши. Втулки, то есть, выняты были. А сетки просмоленные, что порох, хуже карасина! Ворона и подослал к амбарушке этой со спичками паренька, вроде как глупого. И немой и глухой: и случае чего с него и взятки гладки. А только прогадал Ворона-то! Немой сунул огонь в оконце, во втулку, и — бежать. Ночью дело было. В аккурат сосед мой с озера домой шел. Увидел — горит! Ну, конешное дело, людей поднял. Кто с чем набег — потушили. И не водой, а дымом. Право слово! Дымом! Оконца, втулки то есть, позатыкивали, а невода в амбарушке втугую напиханы: смола дымит — стра-асть! Воздух-то сперли с дымом, тужно ему стало, огонь и погас, задохся вовсе. Потом — глядь! — спички под стеной. Снесли в сельсовет, разглядели: не русский коробок, норвежский. Не иначе как с судна, с моря. А на судне в то время со всей деревни только один мужик и работал. Вороны сын. Его, значит, коробок. Потом и сам признался. Вот какое дело. За пряденом, значит, и топаю в город. В Севторг, то есть...

— Ну ладно, — поднялся внезапно Натура, — сидят, сидят, да и ходят. А делов у нас в городе — в-во! Недосуг растабаривать.

Мужики встали, надели сумки из тюленьей кожи и взяли в руки свои батожки.

— А ты, парень, в деревню лучше не ходи, — кинул на

прощание Степа Натура Петьке, — навернут тебе покровские ребята, ой навернут!

— Тебе бы не навернули... Эх ты, рыжий!

Натура обернулся.

— Я не рыжий.

— А какой?

— Он каштановый, — серьезно заметил Чабар.

— Нет, я — симпатичный! — Мужик шутовски снял свою драную шапку и раскланялся. — К нам, Петр Петрович, пожалуйста в гости глодать кости... Да не подавиться вашей милости! Прощайте, пожалуйста, ваше благо-ро-дие!

Петька с усмешкой посмотрел вслед мужикам. К удивлению доктора, он нисколько не обиделся и выглядел даже довольным.

Помолчав, он спросил доктора:

— А как ты узнал, который Чабар? Раньше видал, что ли?

— Нет, не видал. Первый раз вижу. По прозвищу. В Кареле со мной тоже был случай. Приехал в деревню по одному делу. И нужен мне был мужичок, по прозвищу Тельпель. Спрашиваю, — никто не знает. А праздник, народу на улице много. Вижу потом, на бревнышке старик сидит. Ну вот, Тельпель, да и только! Борода у него так, волосы этак, лицо какое-то, черт его знает, расквашенное... «Вы, — спрашиваю, — будете Тельпель?» «Да, я», — говорит. Так сам и нашел Тельпеля. Чабар, что ж, — сразу видно, что он Чабар. А Степу этого почему Натурой прозвали?

— Пьяный он как-то, давно уже это было, стекла все у себя дома выколотил. А потом, как вставлять стал, его буд-то и спросили: «С чего ты, Степа, все стекла-то прибил, не жалко разве своего добра?» «А у меня такая натура», — говорит. Так с того Натурой и прозвали. Настоящая фамилия ему Шапкин. Да здесь у каждого прозвище есть. Андрей Озеро, Ваня Студень, Архип Моментально, Сашка Покурим, Петька Перевези... А одного на заводе зовут Такинадой. Семен Такинада. Били как-то его, а он все повторял: «Так и надо, так и надо...»

— Тебя, я слышал, тоже как-то прозвали.

Петька с минуту помолчал.

— «Бабушкой» меня прозывают, а черт знает с чего! Это Гришка Дайнаполовинку меня так окрестил, ну и пошло. Я ему морду побью за это, не уйдет!

Доктор с хохотом встал.

— Ну и сторонка! Веди, что ли, Бабушка, в смолокурку. А мы с тобой, однако, проканителились на ручье целый день. Идем.

Смолокурки достигли уже в потемках. Она стояла у самой дороги, но была так замаскирована, что незнающий никогда не нашел бы тропинки к этому жилью. Впрочем, какое это жилье!

Старик-смолокур жил здесь только зимой; летом же избушка пустовала; заброшенная смолокуренная печь печально глядела черными дырами своих колосников из-под дряного навеса. Рядом — ручей из какого-то далекого озера. Вода в нем была почти черная, как крепкий чай, — где-то она проходила сквозь железные руды.

Охотники настолько устали, что не нашли в себе силы варить ужин и, поев взятой с собой копченой рыбы и напившись чаю, улеглись спать.

Проснулись поздно. Яркое солнце пробивалось сквозь щели избушки и золотыми струйками освещало плавающие в воздухе бесчисленные пылинки. Ивану Петровичу не хотелось в город.

Три дня жили охотники в смолокурке, совершая экскурсии в разные стороны. Пекли рябчиков, много спали, собирали морошку.

Наконец решили двигаться дальше, продолжать свой маршрут к морю. Оттуда можно попасть в город берегом. А рыба? Пусть кушает Алексей Иванович. Не возвращаться же на Хайн-озеро!

Опять в полном походном снаряжении охотники пересекли дорогу и углубились в лес. Здесь местность пошла совсем иная.

Ручей тек в ровных берегах, смешанный лес сменился сосной.

Внизу — сплошная поросль мелкого кустарника: поляр-

ная березка, болиголов, канабарники... По определению доктора, вся эта местность образовалась путем морской регрессии. Море отступило, оставив ровную сырую поверхность.

Пробовали удить, но черви умерли, а на хлеб кумжа не брала.

Бросив удочки, пошли берегом. Шли долго. Доктор думал, что позади осталось не меньше двадцати километров, когда наконец в гущине показались какие-то просветы. Хвойный лес уступил место деревьям лиственных пород. Черная ольха, ивы разных видов, черемуха... Моховая подстилка сменилась высокой, в рост человека, морской травой с метелками колосьев на концах. Ветерок донес свежий соленый запах. Почва делалась все более «хлипкой», под ногами скворчала вода. Вот блеснули далекие горизонты...

Белое море!

Белым оно бывает только зимой, да и то лишь узкой каймой у берега, потому что не замерзает дальше нескольких километров, а за льдами вода черная. Во время бури оно желтое или грязно-коричневое. Летом же в хорошую погоду бывает всех цветов радуги, от бледно-голубого через аквамариновый к нежно-розовому. Оно не имеет ярких тонов. Но зато как задумчивы его блеклые краски!

Доктор почти бегом устремился вперед и вышел, наконец, на чистое место. До линии берега оставалось километра два. Гладкий, как степь, скошенный луг расстилался в обе стороны, насколько хватает глаз. Тысячи длинных стогов сена покрывали равнину. Из-за них очень удобно подкрадываться к гусям, когда они опускаются на сухопутное пастбище. Местами блестели небольшие озеринки и лужи — царство уток и куликов. У самого леса нагромождены были целые горы бурелома и морского тростника. Встречалось много бревен и досок с заводскими клеймами. Это все нанесло море во время осенних штормов. Местность была так низка, что вода, поднимаясь, заливала весь луг и даже заходила в лес.

Доктор спешил вдоль ручья. Ему хотелось скорее достигнуть моря.

Видели стадо гусей. Не снижаясь, оно полетело куда-то на далекие морские острова. Петька проводил птиц жадным взглядом. Морская глина «няша» делалась все вязче. Хлюпая сапогами, Иван Петрович упорно брел вперед, туда, где на самом обресе берега виднелась, маячила ветхая избушка, вернее — шалаш конского пастуха. Там, по мнению Петьки, никого не было. Лошадей выгоняют на морское пастбище позже, осенью.

Море!

На горизонте, верстах в десяти, виднелся небольшой островок.

Правее него — длинная линия иностранных пароходов, пришедших за русским лесом. Река слишком мелка для них, они принуждены были останавливаться на морском баре. Бревна и доски вывозились на «лодьях», и маленькие заводские буксиры казались пигмеями рядом с гигантскими корпусами океанских бродяг.

В избушке, действительно, никого не оказалось, но в самом устье ручья колыхалась привязанная к колу небольшая лодка.

Доктора взял мальчишеский задор.

— Поедем на взморье ловить камбал! На донную должны брать теперь. А может, и треска попадет...

Петька почесал за ухом.

— На донную... А наживка? Хотя — ревяка на хлеб поймает, а потом его для наживки разрежем. На белое камбала должна ноне попадать. Что ж, отчего не поехать?

В отношении разных охотничьих предприятий, как бы безрассудны они ни были, доктор и Петька всегда быстро приходили к согласию. Петька с видом знатока осмотрел лодчонку. Она, против ожидания, не текла, но весла оставляли желать лучшего.

Одно из них было надломлено, другое вырублено из полусгнившего плавника. Но соблазн выехать на море был так велик, что охотники словно сговорились не замечать изъянов. Да они далеко и не поедут — за каких-нибудь полкилометра.

Начинавшийся отлив быстро погнал лодку прочь от бе-

рега. Не приходилось даже грести. Доктор сидел на корме и правил обломком доски, заменявшим руль. Он наслаждался простором, полной грудью вдыхая свежий морской воздух. Комаров не было, и слух отдыхал от беспрерывного, надоедливого жужжания.

Порядочно отъехав от берега, решили начать ловлю. Петька разматывал и приготавливал лески, доктор курил, полулежа в лодке.

Море покачивало мягко и ласково. Не хотелось ни шевелиться, ни думать.

— Ну, товарищ ревяк, попробуй нашего хлебца, — приговаривал Петька, закидывая донную. Бычки, по-местному «ревяки», брали хорошо. А на кусок бычка Петька скоро достал и порядочную камбалу. Это уже была добыча.

Охотничья страсть подавляла все остальные чувства. Доктор тоже взялся за удочки и намотал на палец лесу. Он подергивал, «тыркосил» и не обращал больше внимания на то, как ласково обвеивал легкий ветерок и какими нежными тонами начинал светиться далекий морской горизонт.

Солнце клонилось к западу.

Туман

Сердце остановилось. Этот неустанный мотор сначала стал делать перебои, потом затрепетал мелкими, судорожными сокращениями, и летчик почувствовал, что ему не хватает воздуха. Он выпустил из рук рычаги управления. Пытался расстегнуть на груди кожаную куртку, но не мог этого сделать. Огни пароходов, ночными светляками бороздившие море внизу, внезапно погасли...

Откуда-то, не то изнутри, не то сверху донесся и властно вырос гулкий колокольный звон.

Летчик привстал, широко раскрыл рот, пошатнулся и грузно опустился на привычное кожаное сидение. Твердый шлем глухо ударился о борт фюзеляжа. Сердце устало... Оно не могло больше работать.

Стальной мотор продолжал реветь неудержимо мощно.

Двести лошадиных сил рвались к выходу. Но они не могли этого сделать иначе, как вращая с безумной скоростью блестящий пропеллер. И они послушно работали. Им не было дела до своего властелина, у которого остановился собственный маленький моторчик, ничтожный и слабый комок нервов и мышц — человеческое сердце.

Дэвис отстранил от себя Эллен и внимательно осмотрелся.

Самолет шел с сильным креном. Темный горизонт стал как будто наваливаться, и огни пароходов, увеличиваясь, поплыли в сторону.

Молнией блеснула тревожная мысль. Открыв дверцу в отделение пилота, Дэвис с силой потряс его за плечо. Тяжелая голова в черном шлеме безжизненно перевалилась на другой бок. Дэвис понял...

Обморок или смерть? Некогда думать. Они летят без управления. Бортмеханика не взяли, выбывшего из строя пилота заменить некем.

Надо что-то делать, сейчас же! Сильный размах самолета сбил их обоих, Дэвиса и Эллен, с ног.

Выглянув наружу, Дэвис сообразил, что произошло. Самолет сам спланировал на воду: в таком положении оказались рычаги управления в мертвых руках летчика. Теперь аппарат неудержимо мчался вперед, разбрасывая брызги и глухо рокоча челноками по верхушкам небольших волн.

Дэвис думал только об одном: как остановить мотор? Какое счастье, что это гидросамолет!

Столкнув на пол безжизненное тело летчика, Дэвис по очереди нажимал и поворачивал все, что можно было нажать и повернуть.

Наконец!.. Гул мотора стал заметно ниже. Еще, еще! Неясно замелькали впереди лопасти винта, стало непривычно тихо. Только шум моря да всплески волн у челноков нарушали тишину полумрака. Самолет заметно покачивало.

— Что это? Он умер?

Эллен наклонилась к неподвижно лежавшему летчику. Осветив его лицо при помощи сильного электрического фонаря, найденного в кабине, Дэвис нащупал у неподвижного человека артерию на виске. Расстегнул куртку, приложился ухом к груди.

Сжав губы, Эллен с трепетом следила за выражением лица Дэвиса. Она не чувствовала ни растерянности, ни страха.

— Мертв! Вероятно, паралич сердца. Я хотел бы так умереть.

— Отчего это?

— Усталое сердце... Так может случиться со всяким в любой момент.

— Однако, нам самим не улететь отсюда. Нас, конечно, подберут, но...

— В Англию?

Мрачно нахмурив брови, Дэвис осматривал горизонт. Во многих местах видны были огни пароходов. Это место Ла-Манша — проезжая дорога сотен судов. Если их подберут англичане... Эта мысль приводила Дэвиса в бешенство. Минима-гормон! Но что толку, если его открытие умрет вме-

сте с ним?

— Попробуем подняться, — решительно сказал Дэвис.

Он видал, как стартируют самолеты. Вместе с Эллен они пытались завести мотор. Ничего не выходило. Истощив все силы и изобретательность, путешественники в изнеможении прекратили бесплодные попытки.

Эллен тщательно обшарила все уголки самолета, но нигде ничего съестного не оказалось. Только на поясе у летчика нашлась фляга-термос с горячим чаем, сдобренным ромом. Подкрепившись этим напитком, перешли в пассажирскую кабину.

Дэзи проснулась и пицала в сумочке. Эллен выпустила ее на пол, и кошечка принялась бродить, обнюхивая незнакомые предметы.

Дэвис погасил фонарь. Он экономил энергию. В темноте глаза Дэзи поблескивали фосфорическим светом, как огни поезда, идущего вдалеке.

— Бедняжка, она, наверное, голодна. Мы ее давно не кормили.

— Нет, Эллен, уменьшенные почти не едят. А вот как мы с тобой...

Дэвис умолк, глубоко задумавшись. Ветер стихал, и небо начинало покрываться темными ровными облаками. Горизонт заволакивался туманом. Беглецы, не зная, что предпринять, сидели в кабине управления и с тоской всматривались во мглу.

Спустя час ветер совсем стих, и самолет покачивался на масляно-гладкой мертвой зыби.

Поднялся густой туман, с каждой минутой молочный воздух делался все непроницаемее и гуще. Это не предвещало ничего хорошего.

Из туманной дали стали доноситься многочисленные гудки пароходов, рев сирен. Скользили бледные лучи прожекторов.

Вскоре ничего не стало видно. Сплошная стена окружала самолет.

— Сирена!

С правильными промежутками, все приближаясь, раз-

давался жалобный стон морской сирены. Где-то близко подходил пароход.

Все ближе, ближе... Но что они могли сделать? Дэвис зажег фонарь и пробовал размахивать им по воздуху, надеясь, что их заметят с судна. Эллен колотила стволом своего револьвера по гофрированному борту самолета, потом несколько раз выстрелила. Напрасно! Звук терялся где-то тут же, как накрытый ватным одеялом. Донесся шум винтов. Дэвису показалось, что он начинает различать бледные пятна огней. На них, прямо на них!

Он схватил фетровую панаму Эллен и, сунув в нее маленькую Дэзи, надел своей спутнице на голову.

— Сейчас нас разрежет. Ты, кажется, плаваешь? Раздевайся! Сними ботинки и пальто...

Теперь уже отчетливо доносился шум винтов большого парохода. Дэвис не смел надеяться, что столкновения не произойдет. Как часто, несмотря на широкий простор, гибнут от столкновения суда, блуждая в тумане! Их массы как бы взаимно притягиваются и сходятся в роковой точке.

Темный массив с молочно-белыми пятнами огней двинулся из мрака. Туман искажал контуры. Мрачные борта, казалось, вздымались вверх на десятки метров. Дэвис схватил Эллен за руку. Пароход двигался прямо на них. Он приближался неудержимо, раздумывать было некогда. Дэвис решился. Крепко стиснув руку девушки, он вывел ее на крыло.

— Когда прыгнем, держись одной рукой за мое плечо. Погоди...

Дэвис бросился в кабину и вернулся с фонарем в руках.

Разорвав рукав своей рубашки, он тут же кое-как привязал фонарь себе на голову и зажег его. Прохладная вода легко вздохнула, приняв беглецов. Поддерживая Эллен плечом, Дэвис сильно плыл в сторону от самолета. После нескольких взмахов серая фигура аппарата растворилась в тумане. Но впереди со внезапной ясностью, вынырнув из серого мрака, вознесся темный борт. Тускнели ровные ряды иллюминаторов.

Беглецы закричали. Дэвис сдвинул на лоб свой фонарь

и с силой отчаяния повернул к пароходу. Судно было длинное, и туман заставлял его идти самым тихим ходом. Поэтому Дэвис рассчитывал достигнуть борта. Пароходные винты шумели, завывала сирена, и трудно было надеяться, что слабый крик погибающих будет услышан. Фонарь Дэвиса выскользнул и исчез под водой.

Наконец — темный борт. С мерными всплесками скользил он мимо них, безнадежно гладкий. Не за что было ухватиться.

Сейчас корма, за нею винты... Беглецы принялись кричать громче...

«Вот и смерть, — подумал Дэвис. — Как просто: погрузиться в воду. Глупый конец!»

В этот момент его рука, беспомощно скользившая по борту, внезапно наткнулась на какое-то препятствие. С быстротой молнии Дэвис вцепился в него и свободной рукой обхватил Эллен за шею.

Спустя минуту оба они, крепко ухватившись за деревянную перекладину веревочной лестницы, плыли вместе с судном. Их тела тащились в воде, как тряпки, но беглецы не в силах были тотчас же начать подъем. Они должны были отдохнуть.

— Ты крепко держишься? — спросил Дэвис.

Но Эллен не слышала его из-за шума винтов. Переведя дух, Дэвис решил подняться выше. С напряжением всех мышц он подтянул свое тело и сел на нижнюю перекладину. Для двоих на лестнице не было места, но Дэвис боялся оставить Эллен одну.

— Держись за ногу! — крикнул он и с отчаянным усилием полез вверх.

Тяжесть на ноге внезапно ослабла. Дэвис взглянул вниз.

Светлая фигура Эллен виднелась ниже, на лестнице. Дальше, наверх! Перетащив через фальшборт и поручни почти безжизненное тело своей спутницы, Дэвис почувствовал, что силы оставляют его. Он грузно опустился на палубу.

— Кто здесь? — раздался окрик по-норвежски.

Дэвиса осенила внезапная мысль.

— Тише,— сказал он по-немецки,— тише. Идите сюда.

Из темного пространства палубы в освещенный круг на корме вынырнула из мрака высокая фигура в брезентовом плаще — «рокане». Снова оглушительно взвыла сирена. Некоторое время мужчины молча, с любопытством рассматривали друг друга.

— Что это за судно?

— Норвежец. Лесовоз Бергенского порта, «Фагеральс». Кто вы такие?

— Минуту! — Дэвис остановил руку человека. Тот вырвался на влажную от тумана палубу морской свисток. — Назовите вашу должность на судне.

— Матрос, но...

Дэвис прислушался, не идет ли кто. Встал ближе к тени и схватил собеседника за руку.

— Слушайте, мы — беглецы из Англии. Нас ищет правительство... Мы участвовали в рабочем движении... Если капитан узнает...

Не обращая внимания на рев сирены, Дэвис, задыхаясь, кричал в ухо матроса. Он поставил все на карту.

Матрос молчал. Дэвис с силой потряс его за плечо.

— Отвечайте, что вы сделаете? Пойдете к вахтенному начальнику? Донесете?. Так делайте это скорее... Моя спутница... Я не знаю даже, жива ли она...

— С вами женщина? — матрос вздрогнул. — И вы оба беглецы из Англии?..

Минуту он оставался неподвижен, как бы серьезно что-то решая и взвешивая. Потом, бросив взгляд на белевшую в тени маленькую фигурку Эллен, покачал головой и поднял с палубы свисток.

— Как же быть, — пробормотал он, — как же с вами быть? — Он еще минуту подумал, причем Дэвис не спускал с него испытующего взора. — Хорошо, я вернусь. Спрячьтесь пока здесь.

Матрос указал на густую тень от лебедки и скрылся.

Эллен с трудом могла сообразить, что произошло. Ей казалось, что они еще в воде. Лишь через несколько минут сознание вполне вернулось к ней.

Жалкие, мокрые, истерзанные сидели они у корабельной лебедки и ждали решения своей судьбы. Эллен, вспомнив о Дэзи, поспешно стащила с головы промокшую шляпу. Фетр напитался водой только снаружи. Изнутри было сухо, Дэзи оказалась живой.

Послышались шаги. На мостике, огибающем кормовой трюм, Дэвис различил три темные фигуры.

— Спрячь Дэзи, и...

Сирена не дала Дэвису договорить. Беглецы невольно встали и прислонились к мачте. Пришедшие говорили мало. Один из них, у которого в руках виднелся какой-то темный сверток, подошел ближе и, окинув беглецов быстрым взглядом, пригласил следовать за собой. Дэвис и Эллен покорно пошли. Что-то им внушало доверие к этим людям.

Открыв люк, ведущий в темную бездну кормового трюма, вожатый первым начал спуск. За ним последовали остальные.

Спуск был крайне тяжел. Отвесная лестница лепилась на борту, нога едва находила упор. Появился откуда-то фонарь. Свет его рассеивался и терялся в бездонной пропасти пустого трюма.

Наконец, ноги Дэвиса уперлись в какую-то площадку. Он помог опуститься Эллен. Беглецы увидели себя на железном трапе над пропастью. Открылась узкая дверца у железной стены. Маленькое пространство, сплошь почти набитое бухтами свернутого троса, цепями, блоками... Среди всех этих нагромождений оставался узкий проход, изъязвленный пещерами.

— Переодевайтесь! — матрос протянул Дэвису сверток. — Здесь — теплое белье и морские рабочие комбинации. Пока, я думаю... Янсен, консервы у тебя? Открой банки.

Оставив Эллен одну, все вышли наружу. Сев прямо на стальную решетку, представлявшую пол, Дэвис торопливо стаскивал с себя прилипшую одежду, в то время как новые друзья морскими ножами откупоривали банки консервов и бутылку рома. Вода тоже не была забыта.

— Я готова.

Светлой щелью приоткрылась дверь канатной камеры.

Матросы в своих покоробленных роканах и тяжелых норвежских сапогах молча стояли, прислонившись к бухтам каната, пока беглецы занимались консервами и вином. В синем матросском костюме Эллен стала похожа на мальчика. Она решительно подошла и пожала норвежцам руки. Ей вспомнилось лицо Чарли.

Один из матросов был сильно похож на него.

— Вы были на лодке? — спросил матрос.

— Нет, на самолете, но наш пилот скоропостижно умер. Пришлось снизиться на воду.

— Понятно, — отозвался один из матросов. — Но что же мы будем с вами делать дальше? Наше судно идет без остановок прямо в Россию, в Советский Союз. Мы идем в Белое море за лесом.

Дэвис взглянул на него вопросительно.

— Но ведь у вас пустые трюмы?

— Да, в Советский Союз мы теперь ходим с балластом. По пути берем воду. Англия с ними не торгует, но русский лес все-таки на наших судах идет в Темзу. Обход, коммерческий обход... Если мы вас довезем до России, что же будет потом? На берег вам едва ли удастся сойти...

— Почему?

Матросы принялись спорить между собой. Дэвис и Эллен с тревогой прислушивались к малопонятной норвежской речи. Наконец один из матросов удовлетворенно крикнул и полез в карман за трубкой (Дэвис тотчас попросил табаку).

— Мы вас довезем до Белого моря. Сидите смирно и спокойно, не выходите отсюда, а там мы поможем добраться до суши. Что с вами будет на берегу, это уж вне наших сил... Устраивает ли это вас? В Советский Союз! Устраивает ли это?

Дэвис и Эллен переглянулись.

— Мне это приходило в голову, еще когда обсуждался план нашего побега. Если только можно...

Дэвис блеснул глазами.

— Решено. Это — лучший исход. Случайность нам благоприятствует. Спасибо, друзья! Но вы, вероятно, очень рис-

куете. Если наше присутствие здесь обнаружится...

— Не обнаружится, будьте спокойны. Предателей среди нас нет, а другой никто в эту дыру заглянуть не может. Вы можете лечь спать пока на брезентах, а завтра утром Янсен навестит вас. Спокойной ночи.

Рано утром явился пожилой матрос с охапкой разных вещей.

— Вот, товарищи послали. Это вам, фрекен, Оле Ольсен просил передать его новую пижаму, он еще не надевал ее. Скоро в море станет холодно. А это туфли. Они великоваты, но мягки. Русской работы, из нерпы. Вы, фрекен, переоденьтесь, а мы пока выйдем наружу.

Матрос говорил, немилосердно мешая немецкие, английские и норвежские слова, но путешественники хорошо понимали друг друга. Выйдя в темное пространство трюма, Дэвис и матрос закурили.

— Как дела? Шкипер...

— Никто ничего не знает. Чтобы не было подозрений, я буду к вам ходить один. Мы будем, — прибавил Янсен на прощание, — во все время пути носить вам пищу и все необходимое. Сидите спокойно. Не бойтесь. Оле Ольсен!.. О, этот парень не выдаст. Он обещал доставить вас на русский берег, и ему надо верить...

Потянулись скучные, длинные дни. Собственно, это нельзя было назвать днями, потому что пленники не видали дневного света. Не имея часов, они могли определять время, только когда появлялся их добрый сторож — Янсен. Он аккуратно приходил утром и вечером, приносил пищу, керосин и молча выкуривал трубочку. Иногда, словно нехотя, сообщал местонахождение судна.

— Миновали Берген... Олесунт... Гиттерен... Альстен. Огибаем Лофотенский архипелаг... Вышли в Ледовитый океан...

Несмотря на лето, было довольно холодно. Заботливые хозяева доставили своим пленникам теплые бушлаты. Пароход качало, и Эллен страдала морской болезнью. Целыми часами Дэвис с тоской всматривался в ее бледно-зеле-

ное лицо и гладил холодные руки. Он ничем не мог ей помочь. Так шли дни за днями.

В одно бурное утро матрос сообщил, что уже обогнули Нордкап. Он по обыкновению присел на мат и закурил, с состраданием глядя на измученную качкой Эллен.

— В этом месте, фрекен, всегда качает. Мертвая зыбь. В океане волны длинные, но размах большой. Вот, войдем в горло Белого моря...

Янсен вынул изо рта трубку и уставился в темный угол.

— Что это? Слышите?

Ну, конечно, они тоже слышали, как пицала и возилась в устроенной для нее в стальном тресе каморке маленькая Дэзи.

— Крысы, что ли? — матрос перевел вопросительный взор на Эллен. — Но странный писк... Как кошка.

Дэвис ожидал, что присутствие Дэзи рано или поздно обнаружится, и был готов к этому.

— Это? Да, с нами едет маленькая кошка, котенок еще. Вот, посмотрите.

С этими словами Дэвис направился в темный угол.

— Как же вам удалось сохранить ее?

— В шляпе.

— Да, да — фрекен была в шляпе, но...

Когда на громадную заскорузлую ладонь матроса Дэвис посадил крошечное животное, этот человек пришел в изумление и несколько минут не мог вымолвить ни слова. Опустившись на корточки с протянутой вперед рукой и пристально устремленным взором, он походил на заклинателя. Эллен забыла о своих страданиях и напряженно следила за этой сценой. Тусклый фонарь отбрасывал причудливые тени и рельефно освещал фигуру матроса и львиную голову Дэвиса, балансировавшего в узком проходе.

С каждым размахом судна он наклонялся то в одну, то в другую сторону, как бы обращаясь со страстной речью к большой невидимой толпе.

— Маленькая... Она очень маленькая, совсем маленькая! Разве это котенок?

— Это... это особая порода кошек. Они происходят от

дикой маленькой кошки, живущей где-то на Малакке. Но это редкий экземпляр.

На матроса эти слова произвели мало впечатления. Он продолжал сидеть в прежней позе, не спуская зачарованного взгляда с маленького животного. Потом выпрямился и протянул Дэзи Эллен.

— Я еще зайду вечером, — пробормотал он, бессознательно насыщая давно погасшую трубку. — Да, да — я зайду вечером...

Он, казалось, совсем был сбит с толку и довольно бессмысленно повторял: «Зайду, зайду вечером». Но за этими словами скрывался легко читаемый смысл: «Черт возьми! Что же это такое... Это же сверхъестественно...»

Дэвис дотронулся до плеча матроса.

— Слушайте, Янсен, вы пока... воздержитесь, не говорите лишнего своим товарищам. Такое любопытство, вы сами понимаете...

— Хорошо. Я зайду вечером...

Когда шаги норвежца стихли за дверью, Дэвис тяжело опустился у изголовья жесткого ложа Эллен. Шторм все усиливался.

Размахи судна становились шире, и тяжкие удары волн о борт сотрясали пустой трюм.

Дэвис с тревогой всматривался в бледное лицо Эллен и, как спасения, ждал желанного Белого моря. Там качка не так сильна.

Скоро уже...

Он лег на связки каната и, заложив руки за голову, устремил взор в темный потолок своей тюрьмы. Так он часами лежал и думал.

Под шум моря и рокот волн ему в мозг снова, как бывало раньше, вползли сумасшедшие мысли. Он заглядывал в будущее...

Эллен видела в его расширенных глазах зеленые огоньки.

Почти такие же, как у маленькой кошечки Дэзи. Она понимала его и ни о чем не расспрашивала своего странного друга.

Кий-остров

В 1638 году беглый монах Анзерского скита Никон, путешествуя по Белому морю в рыбацкой «шняке», попал в сильный шторм. Ветром и волнами суденышко прибило к маленькому гранитному острову. Островок был необитаем, на нем рос сосновый лес, водились гаги, да забежавшие зимой с берега по льду зайцы.

Ступив на гранитную скалу и помолившись, монах обратился к спутникам с вопросом:

— Кий (чей) остров?

Так как остров до того никак не назывался, то и решено было дать ему название Кий-остров.

Беглый монах уехал в Кожеозерскую обитель, сделался там игуменом, потом попал в Москву. Дальше монах быстро пошел в гору. Полюбился он царю Алексею Михайловичу, прибрал его к рукам и сам вскоре сделался патриархом. Но не позабыл он далекого островка.

Да и опору лишнюю не мешало иметь на крайнем севере, особенно поблизости от сильного Соловецкого монастыря, враждебно настроенного против нововведений энергичного патриарха-администратора.

Закопошились на Кий-острове согнанные с окрестных редких деревень мужики-рабочие. Мяли синеватую морскую глину, рубили сосны, тесали дикий гранит... Вскоре на восточном берегу островка вырос маленький монастырь. Издалека белели наклонные, невероятной толщины стены храма, выложенные из крупного кирпича вперемешку с глыбами гранита. Потом специальный отряд стрельцов с несколькими чугунными пушками, тоже посланными в дар монастырю, привез нарочно заказанный в Иерусалиме громадный крест палисандрового дерева. Крест был богато разукрашен и осыпан камнями. Его поставили в стеклянном футляре недалеко от алтаря.

В Крестном монастыре поселились монахи, получили в пользование на материке покосы и землю и, пользуясь даровой работой послушников-мирян, зажили припеваючи. Постоянные щедрые приношения скоро сделали монастырь богатым. Тихая, заплесневелая жизнь редко чем нарушалась. Только во время Крымской войны подходили два английских корабля, но, не причинив вреда, удалились громить Соловки.

Шли года. Частенько в монастыре сиживали в ссылке разные опальные лица, среди них даже князья церкви, которыми недовольна была власть. Впоследствии на острове начала появляться публика совсем иного сорта. На гранитных скалах и в монастырской стене-ограде раздались новые голоса и речи, появились невиданные люди. Кий-остров сделался излюбленным местом морских прогулок и экскурсий политических ссыльных, живших по прибрежным деревням и в уездном городишке.

Звонким смехом, спорами и шумом наполняла неунывающая молодежь тихие покои монастырской гостиницы. По ночам далеко с моря суровые поморы выдвигали красное пламя громадных костров, разведенных в расселинах прибрежных скал.

Монахи не очень смущались таким соседством. За бутылку водки они были готовы на всякие услуги. Вообще, вся братия представляла собой отчаянных пьяниц. Рассказывают, что один монах, когда в монастыре выходила вся водка, вплавь, без лодки, отправлялся за пятнадцать верст на берег. Он приноравливался ко времени отлива, когда далеко от берега можно пройти пешком.

Покупал вино у какой-то бабы-шинкарки и, привязав бутылки за спину, пускался в обратный путь. Братия встречала его на берегу в полном составе, на том самом месте, где когда-то море выбросило патриарха Никона.

Видели монахи в начале германской войны, как пограничники потопили немецкие пароходы, стоявшие на баре. Долго еще виднелись из воды мачты да бомы лебедек.

После революции монастырь пришел в упадок. Монахи частью разбежались, частью занялись варкой сногсшиба-

тельной «ханжи» и пьянствовали, а чтобы не умереть с голоду, ловили селедку.

Благолепие было окончательно нарушено. Во время английской интервенции, в 1919 году, поспешно очищая север под натиском Красной армии, дорогие союзники не забыли захватить с собой все мало-мальски ценное, что могли найти в монастыре. Английские крейсера под прикрытием островка плевались восемнадцатидюймовыми снарядами по городку, занятому красными повстанцами. Над монастырем свистели снаряды. Тут уж было не до литургий!

А потом пришла советская власть. Монастырские постройки были подправлены, церковь открыта для экскурсий, как образец древней архитектуры и живописи, возобновлен скотный двор.

А в гостинице и нескольких домиках открыт был прекрасный дом отдыха. Отдыхающие наслаждались чудесным морским климатом, купаньем на пляже, не уступающим в жаркие летние дни черноморскому, сосновым скипидарным воздухом. Им приходилось жаловаться лишь на чудовищный аппетит, который разбирал каждого на другой же день по приезде на остров. Такой уж там воздух! Стали поговаривать даже, что в будущем здесь возможно устройство прекрасного северного курорта для легочных больных.

Таким образом за триста лет своего существования Крестный-Ставро-Кий-Островский монастырь превратился в «Кий-островский дом отдыха Уздравотдела».

Это и был тот самый островок, который Иван Петрович видел на горизонте левее линии иностранных судов. Доктора давно тянуло там побывать. Его интересовала геология островка.

Бычки клевали хорошо. Кроме них и камбал, Петька вытащил какую-то противную, скользкую рыбу, похожую на жабу. Он называл ее «пиногором». Снятый с крючка, «пиногор» спокойно смотрел жабыми глазами и, казалось, грустно вздыхал. Его бросили обратно в воду.

Солнце садилось. Рыболовы, увлеченные ловлей, не заметили, как посвежело. Поднялся резкий ветер, и лодку стало подозрительно сильно покачивать. Иван Петрович ог-

лянулся в сторону берега и не поверил своим глазам. Пастушья избушка еле виднелась. Их отнесло километра на три, если не больше. Он вопросительно взглянул на Петьку.

— Вода запала, отлив. Вот нас и отпихнуло от берега. Грести придется. Только вот ветер.

Ветер был, в самом деле, встречный. Отстранив Петьку, доктор поплевал на руки и уселся на весла. Он греб изо всей силы. Но в открытом море трудно заметить направление и скорость собственного движения. Петька бросал в воду бумажки, но волнение и ветер не давали возможности сделать правильное заключение.

Только спустя полчаса охотники убедились, что лодка стоит на месте. Для Петьки это известие не явилось новостью. Он флегматично улегся на дно лодки и закурил. Прилива ждать было долго, и доктор не хотел сдаваться. С удвоенной силой он налег на весла... Но тут случилось то, чего больше всего следует опасаться на море: сломалось весло. Швырнув обломок в воду, доктор улегся рядом с Петькой и крепко выругался. Тот снял шапку, развихрил по ветру свои индейские волосы и захохотал.

— Чему, зверюга, обрадовался?

— Хы-хы! В море унесет, а воды у нас нету... Скоро темно станет, ночи темные теперь, холодно! А может, и морянка придет, — тогда каюк!

— Говори толком, какая «морянка»?

— Ну, буря, что ли, или шторм по-вашему. Здесь морянкой зовут. — Петька вдруг стал серьезен. — Придется нам к заграничным пароходам податься. По ветру и с одним веслом можно. Мимо ведь понесет.

И парень, взяв весло, сел на корму и принялся подгрести, направляя лодку носом прочь от берега. Доктор сидел и зяб. Ночь быстро приближалась. Горизонт потемнел. Только на западе светились полоски низких облаков. На пароходах зажглись огни.

Но. они нисколько не приближались. Внезапно Петька перестал грести и прислушался. Вскоре и сам доктор стал различать далекий рокот, напоминавший рев водопада.

— Самолеты, что ли? — нахмурился Петька.

Минуту спустя из-за низкого облака показался большой авиаотряд. Восемнадцать рычащих птиц правильным, гусиным строем прошли над островком, сделали круг и удалились куда-то на север. Доктор успел заметить, что все машины однотипны: это были многомоторные военные гидропланы. Несколько минут прошло в молчании. Петька бросил весло.

— Это не наши. Круги на крыльях. И откуда они летят?

— Петька подозрительно смотрел вслед самолетам. — Непроста это, Иван Петрович, непроста...

— Ты что же думаешь?

— Англичанка опять гадит. Мы неделю почти в городе не бывали, ничего не знаем. Может, война...

Доктор ничего не мог возразить. Появление военных самолетов в этих местах было, действительно, делом необыкновенным.

Однако положение охотников-рыболовов заставляло их подумать лишь о том, как бы самим выбраться из беды.

Петька снова взялся за свое весло.

Прошел час.

Совсем стемнело, и править приходилось по пароходным огням. Но сколько времени займет преодоление этих десяти километров при такой черепашьей скорости!

Ветер все время усиливался, лодка несколько раз черпала бортом. И все же, хотя и постепенно, огни приближались.

Возрастала надежда. Однако весь день был чреват непрерывной цепью неудач и неожиданностей. Иван Петрович первым заметил, что с парходами происходит что-то неладное. Вместо того, чтобы оставаться ровной, неподвижной линией огней, этот иллюминированный фронт стал разрываться на части, шевелиться... Некоторые мерцающие острова совсем исчезли из виду, другие погасли. Какие-то огоньки плыли в разные стороны. Петька долго наблюдал это явление, пожимая плечами.

— Пароходы уходят. Все до одного. Держи курс левее: на остров.

Доктор ни о чем не расспрашивал. Да и что мог знать

Петька?

Все же одновременный уход всего торгового иностранного флота и появление эскадрильи военных самолетов — все это показалось доктору весьма подозрительным. Петька, пожалуй, прав. Война?

Возможно...

Надежда выбраться на остров была невелика, и, так как волнение не на шутку усиливалось, положение горе-путешественников стало совсем серьезным. Пароходные огни тем временем скрылись с горизонта. При всем своим кажущемся равнодушием, Петька был недоволен.

— Бычков ловить! Тоже, черт дернул... Поедем да поедем!

К счастью, на острове виднелся огонек. На него-то доктор и решил держать курс. Оба сильно озябли и были голодны.

У них сохранились остатки копченой рыбы, но они не смели к ней притронуться, опасаясь мучений жажды. У них не было ни капли воды.

Мрак сгущался. Облачное небо не бросало ни единого отблеска на поверхность моря. А свежий ветер был до такой степени «свеж», что волны кипели. Скоро он достиг силы шторма.

Лодку все скорее несло прочь от берега.

Открылась течь. Доктор отливал воду шапкой, а Петька сапогом, в его шапке для этого было слишком много дыр. Спустя некоторое время это приходилось делать почти непрерывно: каждая волна захлестывала лодку своей пенистой верхушкой.

Так, непрерывно работая и сменяясь у весла, они двигались вместе с волнами около двух часов. Доктор боялся признаться себе, что огонек на Кий-острове нисколько к ним не приблизился.

Огонек этот, упорно и как бы поддразнивая, все отходил куда-то вбок и даже становился как будто бледнее.

Иван Петрович окинул взглядом окружающий мрак и ощутил знакомое ему чувство пустоты в груди. Это всегда случалось с ним в минуты серьезной опасности.

Огонек на острове погас... Теперь их окружал гремещий волнами беспросветный мрак. Петька перестал грести и бросил весло на дно лодки.

— Плыви, мой челн, по воле волн, — с холодным смехом сказал он. — Придется нам с тобой, Иван Петрович, всю ноченьку воду откачивать сапогами и шапками. Авось, до утра не зальет. Ночь не больно долгая. Протерпим.

— А утром, думаешь, лучше будет? Теперь шторм дня на три развеяло.

Петька молчал. Его молчание было скверным признаком.

Доктор излил на него свое раздражение.

— А ты что же, теперь «носом» не можешь определить направление? В лес шли — «не нать компаса, я так», а теперь как бы он пригодился! Надейся на тебя...

Петька относился к несчастью стоически и, видимо, старался скрыть свою усталость. Оба они молча делали свое дело. Шляпа доктора и Петькин сапог стали их орудиями спасения.

Ночь казалась бесконечной. Доктор уже начинал сомневаться, кончится ли она вообще когда-нибудь, как понемногу стало светать.

День не принес ничего утешительного. На всем пространстве, какое мог только охватить глаз, беспорядочно танцевали желтые волны. Ветер срывал их верхушки, и мелкая водяная пыль летела низким туманом.

Лодка, как бешеная, опускалась и поднималась, вычерпывать воду становилось все труднее. Иван Петрович почувствовал упадок сил и полную апатию. Оглянулся... Открытое море. Нигде не видать земли. Взглянул на Петьку. Лицо его было темно, парень отворачивался от доктора.

«Экая глупость, — думал Иван Петрович, заоченелыми руками выливая за борт полную шляпу воды. — Экая мерзость! Ну, Петька — дикарь, а я-то почему ни о чем не подумал, садясь в эту скорлупу? Дурацкое мальчишество!»

— Лодка!

Доктор выпрямился. Сначала он ничего не мог разобрать, потом различил в указанном Петькой направлении бе-

лое пятнышко. В правильные промежутки времени оно то показывалось, то исчезало в волнах. Белая лодка виднелась со стороны открытого моря и, судя по направлению ветра, шла к берегу.

Не говоря ни слова, Петька взялся за весло и принялся сильно грести, направляя лодку навстречу белому пятнышку. Расстояние сокращалось медленно. Спустя час уже выяснилось, что лодка идет им навстречу. Довольно ясно обрисовались две темные фигуры, сидевшие рядом. Доктор привязал к веслу носовой платок и принялся размахивать им по воздуху. Петька устроил такой же флаг из своего ружья.

На белой лодке тоже замаячил какой-то сигнал.

— Заметили! — Петька снова схватил весло.

Лодки сблизились. Белая оказалась довольно большим морским ботом, какие называются спасательными шлюпками и висят на рострах морских пароходов. В ней сидели два матроса в бушлатах. Иван Петрович различил и надпись: «Фагеральс, Берген».

Матросы перестали грести. Некоторое время прошло во взаимном разглядывании. Доктор предполагал, что норвежцы должны понимать по-немецки или по-английски, но, как это ни странно, никак не мог придумать, с чего начать разговор. Спросить, кто они? Бессмысленно... Куда едут? Тоже... Просить помощи? Но как они могут помочь, когда обе лодки швыряет волнами, и даже близко подъехать опасно.

Иностранцы тоже молчали и продолжали внимательно рассматривать странные фигуры доктора и Петьки и их убогую лодочку.

Наконец Иван Петрович решился и крикнул по-немецки:

— На каком языке говорите?

— На английском, французском и немецком!

Петька не совсем еще забыл немецкий язык со времени своего плена. Он улыбнулся. Махнул рукой.

— Возьмите нас в лодку. Мы погибаем. Сломались весла...

Матросы переглянулись. Потом взяли за весла и подъехали ближе. Это было трудно: каждая большая волна разлучала лодки, кроме того, Петька и доктор должны были все время откачивать воду. Поэтому разговор шел отрывисто и с большими паузами.

Старший из норвежских моряков привстал в лодке и оглянулся.

— Как мы возьмем вас? Не подъехать!..

— Веревка есть?

— Есть!

Матрос приподнял со дна бота небольшой моток тонкого троса. Доктор понял план Петьки.

— Привяжите что-нибудь и бросьте конец!

Матросы зашевелились. Младший, казавшийся почти мальчиком, привязал к концу троса большой складной нож. Петька горящими глазами следил за этими приготовлениями.

— Бросайте через нас!

С большим трудом удалось поставить лодки в удобное положение. Первая попытка перебросить веревку оказалась неудачной. Матросы снова вытащили снасть. Опять бросили. На этот раз нож перелетел через головы охотников и исчез в воде.

Веревка легла поперек лодчонки. Петька тотчас схватил ее. Так образовалась первая связь со спасателями.

Доктора удивляло, что всеми действиями командовал Петька, моряки же как будто не знали, что делать, и казались совсем неопытными.

— Привяжите конец. Покрепче! — ужасно коверкая слова, снова командовал Петька.

Когда веревка была крепко привязана, парень с усмешкой взглянул на Ивана Петровича.

— А теперь, — сказал он, — надо купаться. Давай я привяжу тебя первого.

Действительно, не было никакого иного способа перебраться в белую лодку. Крепко обвязавшись веревкой вокруг пояса, доктор стиснул зубы и решительно прыгнул за борт.

— Тащите, тащите! — кричал Петька, снова хватаясь за весло. Облегченная лодка еще сильнее запрыгала на волнах.

Матросы дружно тащили плывущего доктора. Самый опасный момент наступил, когда Иван Петрович достиг лодки и ухватился руками за борт. Лодка сильно накренилась и зачерпнула волну.

Норвежцы не знали, что делать, и продолжали тащить за веревку, отчего бот все больше погружался в воду.

— С носу залезай! С носу! — Петька с тревогой впился глазами в беспомощную фигуру доктора. — Руками перебирай по борту. А залезай с носу!

С величайшими усилиями доктору удалось перетащить-ся на нос бота. Здесь, наконец, он был вытащен из воды.

Вторично нож с веревкой перелетел к Петьке. Но тот решил сначала спасти сумки и ружья. Привязав все к тросу, он выбросил вещи за борт. Третьим же рейсом переправился сам, не забыв захватить с собой и весло.

После холодной ванны охотники едва не лишились чувств.

Однако положение самого бота было довольно опасно, и норвежцы не могли уделять много времени спасенным ими людям.

Накрыв их куском брезента, они снова взялись за весла.

Первым очнулся Петька. Он растолкал Ивана Петровича. Оба сели на дне бота.

— Есть вода? — был первый вопрос доктора.

Мальчик, не оставляя весла, кивком головы указал на кормовой ящик. Там Петька нашел большой глиняный бидон воды.

Доктор не позволил ему много пить и сам сделал лишь два глотка.

Серьезно поглядывая на них, норвежцы о чем-то говорили. Иван Петрович уловил несколько английских слов и, так как недурно владел этим языком, то сейчас же обратился с вопросом:

— По всему видать, что вы не моряки. Как вы попали на бот и куда едете?

Услыхав английскую речь, иностранцы оживились. Мальчик быстро ответил:

— Мы беглецы из Англии. Англичане... Хотим попасть в Советскую Россию. Но сейчас, кажется, начинается война. Вы ничего не знаете?

— Ничего. Мы несколько дней охотились в лесу, а теперь уж скоро сутки как нас носит по морю. Видели отряд самолетов, но ничего не знаем...

Петька решительно переполз к носу лодки и сел рядом с мальчиком, взявшись за его весло. Доктор сделал то же самое, подсев к старшему матросу. Бот пошел быстрее. Широко улыбаясь, Петька смотрел на своих спасителей.

— Поедем на остров. Держите по ветру, правильно будет, ветер дует с берега.

Прошло немало времени. На горизонте как будто показалась земля. Кий-остров! Но как он далеко... Доктор и Петька, хотя и были сильно измучены но имели еще некоторый запас сил.

Англичане же совсем валились с ног от усталости. Особенно мальчик. Старший матрос несколько раз порывался заставить его отдохнуть. Но тот, бледный как смерть, задыхающийся, не разжимал рук и старался не отставать в своих усилиях от товарищей.

Петька сначала посматривал исподлобья, потом, ни слова не говоря, довольно грубо оттолкнул его в сторону и остался один у весла. Мальчик покорился этому насилию. Он лег на дно лодки, свернулся калачиком и, укрывшись брезентом, сейчас же уснул.

Старший матрос улыбнулся, глядя на эту сцену. Он, видимо, был доволен таким оборотом дела.

— Спасибо, — сказал он Петьке, — я никак не мог заставить мисс Эллен бросить весло. Да в нашем положении и нельзя было этого сделать...

Петька раскрыл рот. Иван Петрович тоже перестал грести.

— Мисс? Разве это мисс?

— Да. Этот мальчик — девушка. Мы вынуждены были бежать из Англии и попали на норвежский пароход. Наши

друзья-матросы высадили нас в эту лодку. Я думаю, что нам пора познакомиться. Меня зовут Джон Дэвис, а мою спутницу — Эллен Хойс.

— Доктор Иоганн Туманов и охотник Пьер Агафонов. Впрочем, моего товарища чаще всего зовут «Петька».

Дэвис повторил вслух странные фамилии, чтобы не забыть.

Налетевшая большая волна заставила прекратить разговор.

Пришлось всем взяться крепче за весла, чтобы держать лодку носом наперерез волнам. Для большого бота четыре человека представляли недостаточный балласт. Хотя бот и не черпал бортами, но отчаянно раскачивался на гребнях волн.

— Мы идем очень медленно, — сказал наконец Дэвис, несколько раз оглянувшись на туманные очертания Кий-острова. — Если долго продлится буря, то, при такой скорости, у острова будем не раньше ночи.

Эллен все время спала. Ее разбудили лишь для того, чтобы заставить поесть. Гребцы по очереди переползали к кормовому ящику и подкрепляли силы консервами и ромом.

По расчетам Петьки, уже наступил четвертый час дня, и остров заметно приблизился, когда на горизонте со стороны открытого моря выросли многочисленные столбы черного дыма.

«Неужели возвращаются торговые суда? — подумал доктор. — Странно».

В этот самый момент донесся, как и вчера, шум моторов, и с той же стороны показался отряд гидропланов. Эскадрилья, низко пролетев над морем, скрылась в стороне берега. Дэвис проводил ее мрачным взглядом. Обернулся и встретился с недоумевающим взглядом Ивана Петровича.

— Я думаю, — сказал он, — это наши самолеты. А на горизонте — наша эскадра.

Доктор почему-то не сразу сообразил, о какой эскадре идет речь, и пожал плечами.

— Никакой эскадры у нас в Белом море не бывало.

— Я хочу сказать — английская. Другой не может быть...

Перед отъездом из Англии, мне пришлось возвращаться в известном кругу влиятельных лиц, близких к политике. В этих сферах «решали» войну. Рабочее движение внутри страны, безработица, забастовки, экономический кризис, тысячи причин — все это толкало наше правительство к войне. Только в войне они видели шанс на разрешение кризиса.

Иван Петрович слушал рассеянно.

«Дэвис, Дэвис! — повторил он про себя. — Где-то я слышал или читал о биологе-химике, носящем это имя».

— Скажите, — наконец обратился он к Дэвису, — вы не тот ли самый Дэвис, о котором столько писали года три назад в медицинских журналах, а потом и в газетах? Я помню, работы по евгенике. Да, да... «Проект Дэвиса о станции искусственного подбора для людей»...

— Да, я тот самый Дэвис.

Ученый усмехнулся и некоторое время греб молча. Потом обернулся и выразительно посмотрел Ивану Петровичу в глаза.

— Меня блистательно провалили с моим проектом. Видите ли, общественное мнение культурной Англии не могло примириться с мыслью, что выработка высшей расы, человека, будет производиться таким же путем, как мы создаем породы голубей или свиней в Йоркшире. Ха! Человек, по их мнению, вовсе не животное... Я бросил эту работу и занялся другим. Добился успехов, но, как видите, я не у себя дома, а с вами на Белом море.

Мисс Эллен участвовала в моей работе и в дальнейших неприятностях. Нам пришлось после тяжелых событий бежать. Дважды нас спасли представители пролетариата. Это знаменательно...

Иван Петрович с интересом и вниманием следил за своим собеседником.

«Так это он! — думал доктор. — Тот самый Дэвис, который осмелился выступить в буржуазной Англии со своим смелым проектом. Писали, что он сумасшедший...»

Дымки на горизонте, между тем, все увеличивались и приближались. Стали видны трубы и мачты. По характерному расположению их доктор сразу убедился, что Дэвис

прав. Это были, действительно, военные суда.

— А ведь они скоро будут здесь. Нам не уйти, — заметил Петька.

Перспектива попасть в плен к англичанам никому не улыбалась. Поэтому гребцы удвоили свои усилия, хорошо понимая в то же время, что это бесполезно, если флот будет идти в том же направлении и с прежней скоростью.

Военные суда приближались с каждой минутой. Уже можно было различить, что в состав эскадры входят восемь линейных кораблей, несколько транспортов, миноносцы, громадная авиамастка, угольщики...

Доктор, как во сне, смотрел на эту грозную силу. Еще неделю назад не было никаких слухов о войне. Писали, правда, что может быть, но уже много лет так пишут. Все успели привыкнуть к постоянной военной угрозе. А сегодня уже в Белом море вражеская эскадра! Что же делается вообще на свете?

Очевидно, глубоко сидевшие суда не смели подходить близко к берегам мелкого моря. Флот замедлил движение. Со шлюпки хорошо видно было маневрирование судов. Два миноносца отделились и пошли куда-то на запад. Кильватерный строй судов разорвался. Они построились развернутой линией.

«Обратят ли на нас внимание?» — думали гребцы, налегая на весла. Спустя короткое время они убедились, что эти опасения были вполне основательными. От одного из больших кораблей отделился серый моторный катер и, зарывшись носом в волны, понесся к белому боту.

Весла были брошены. Разбудили Эллен и приготовились к неприятной встрече. Девушка все время спала и ничего не знала.

Теперь она молча следила за катером, переводя глаза с эскадры на Дэвиса. Наконец она поняла. Крепко взяв за руку своего друга, она отвернулась.

— И здесь они!..

Все молчали. Катер приблизился.

— Нас хотят взять. Придется назваться отставшими моряками, — сказал Дэвис, — ездили будто рыбу ловить, а суда

наши ушли. Вы же...

— Мы скажем то, что есть: охотники. У нас и ружья есть.

Круто завернув, катер остановился. Морской офицер быстрым взором окинул бот, странную смесь костюмов и лиц и крикнул:

— По-английски говорите?

Доктор и Петька решили остаться русскими и ничем не выдавать своего знания других языков. Они предоставили «норвежскому матросу» Дэвису объясняться, как он найдет нужным.

— Да, говорим.

— Кто вы и куда едете?..

— Мы отстали от своего парохода. Попали в шторм, по дороге спасли вот этих двоих русских.

— Куда направляетесь?

— К берегу.

— Примите конец.

Через минуту серый катер тащил на буксире белую лодку по направлению к военным судам. Иван Петрович и Петька переглянулись. Последний через силу улыбнулся.

— Ну и дела... Наловили ревяков, нечего сказать!

Линия военных судов быстро приближалась. Съежившись на лавочке бота, Иван Петрович безразлично смотрел вперед. Больница, городок, привычная работа, мирная жизнь... Все это показалось таким, как почти исчезнувший из памяти сон. А может быть, именно сейчас он грезит?

За бортом ближайшего крейсера волнение было не так велико, и катер подошел почти вплотную. Доктор заметил название корабля: «Королева Елизавета». По веревочному трапу поднялись наверх. На палубе пленников встретил офицер с дюжиной рослых краснощеких матросов. Лодка со всем в ней находившемся была поднята целиком при помощи небольшой лебедки.

Тут же на палубе приступили к обыску. Эллен и Дэвиса не спасла от грубого обращения одежда норвежских моряков. С доктором же и Петькой поступали, как с неодушевленными предметами. Ружья охотников были сейчас же забраны одним из офицеров, потом вытряхнули из кошель

жалкие пожитки. Посыпались на чистую палубу осклизлые «ревяки», полуразвалившаяся копченая рыба, чайник, кружки, запасные патроны... Пинком ноги один из матросов сбросил все это за борт, — но, однако, размокшая шкурка норки была тщательно исследована и куда-то унесена. Англичане знают толк в мехах! Проворные руки ощупали карманы пленников. Мелкие вещи были у них также отобраны, но Иван Петрович был удивлен упрямством, с которым Дэвис не хотел отдавать запачканную и сморщенную дамскую лайковую перчатку. Матросы вырвали ее и тоже швырнули за борт.

— Почему я не могу иметь этой перчатки? — зло вскричал Дэвис.

Ему никто не ответил.

После обыска пленников заперли в одной из кают, где-то на третьей палубе. Когда щелкнул ключ, и все четверо — столь непохожие друг на друга — остались одни, Дэвис сел на койку и расхохотался.

— Вот и приехали в Советскую Россию! Начинается действие третье... Ха-ха!

Эллен с любопытством присматривалась к странной фигуре Петьки. Ее поражала внешность лесного бродяги. Иван Петрович возмущенно ударил несколько раз кулаком в переборку.

— Это безобразие! Какой им толк держать нас взаперти?.. На шпионов мы не похожи. Да и какой на море шпионаж, когда наши могут послать на разведку хоть дюжину самолетов!

Доктор замолчал и внимательно уставился в угол, где расположилась Эллен. Ему показалось, что он сходит с ума. Эллен осторожно вынимала из своей морской фуражки маленькое животное, вроде крупной мыши. Иван Петрович подошел ближе, перевел глаза на Петьку. Тот смотрел на зверька не мигая, как сова.

Наконец взор доктора остановился на Дэвисе.

— Скажите, мистер Дэвис, это животное — кошка?

Дэвис уже привык к тому изумлению, с которым посторонние люди первый раз встречают Дэзи, поэтому равно-

душно ответил:

— Да, кошка.

Но он понимал, что от врача нельзя отделаться такой невинной ложью, как от простака Янсена, и решительно добавил:

— Это — мой опыт. Мое последнее достижение. Эта кошечка явилась отчасти причиной нашего бегства из Англии. Потом, при случае, если будем живы, я объясню вам мой метод... Эллен, нам придется скрывать Дэзи до последнего момента. Никто на корабле не должен ее видеть. Наша история, вероятно, известна. Иначе...

— Я буду держать ее в шапке. Она спокойна и не пищит.

— Скажите только одно: это задержанный рост или уменьшение?

— Уменьшение. Я начал над ней опыты, когда ей было три года.

Петька взял Дэзи на руки и долго рассматривал, что-то про себя бормоча. Доктор был так сбит с толку последними событиями, что не нашел больше слов и лег на койку.

— Черт знает что такое! Черт знает... — повторял он одними губами, пока не заснул.

Целые сутки провели пленники в своей тюрьме. Кормили их, правда, прилично. Изголодавшиеся доктор и Петька всю пользовались насильным гостеприимством, поедали мясные консервы, галеты и пили крепчайший, как деготь, чай. Иван Петрович не удержался от улыбки, увидев на банках с мясом знакомую надпись: «Корнэд бииф. Аргентина». Опять приехали! Не иначе, как тем же и окончится!

На третий день утром явился офицер с конвоем. Доктора и Петьку первыми вызвали на допрос. Разговор шел через переводчика. Англичане при этом, не стесняясь, говорили между собой по-английски, и доктор услышал немало скверных вещей.

Ничего не добившись, русских отправили обратно в каюту.

Следующими пошли Дэвис и Эллен.

Доктор серьезно взглянул на Петьку.

— Знаешь, Петр, мы, кажется, не скоро выпутаемся из

этой истории. Если вообще удастся унести ноги...

— А почему так? Ведь мы...

— Там, на допросе, я слышал их разговоры. Шкипер «Фагеральса» ответил по радио капитану, что вся команда в полном составе на борту. Осталась в море лишь лодка...

— А мы-то при чем?

— Мы? Кто же поверит, что мы ни при чем? Нас нашли с никому не известными, подозрительными норвежскими моряками в одной лодке, в самый момент начала войны... Я думаю, английское командование не скоро нас выпустит, если даже не...

— Расстреляют?

— Очень возможно.

В глубоком молчании ожидали они прихода Эллен и Дэвиса.

Когда тех наконец привели, доктор боялся взглянуть в глаза своим сотоварищам по несчастью. Дэвис усмехнулся.

— Все погибло, — сказал он почти равнодушно. — Шкипер «Фагеральса» и капитан крейсера говорили по радио. Кроме того, они выяснили, что мы не знаем норвежского языка. Здесь нашелся норвежец. Нам остается лишь ждать, как пожелает поступить с нами капитан. На военных судах, да еще в такое время, поступают решительно и скоро. Война!..

Дверь каюты открылась. Раздалось знакомое «ко-ма-а-ан!», и пленников быстро вывели на палубу. Ожидая самого страшного, Дэвис крепко взял Эллен за руку. Петька засопел носом. Иван Петрович, к своему удивлению, не ощутил ни малейшего страха или признака волнения. Он окинул взглядом горизонт, где против устья реки тонкой черточкой маячила труба лесопильного завода.

«Что-то делается в городе? — мелькнула мысль. — Что делается вообще на свете?»

Дэвис решил в последний момент открыть, что мальчик-матрос — женщина. Может быть, это спасет Эллен...

Тем временем всех пленников подвели к висячему трапу и приказали им спускаться в катер.

— Хотят расстрелять в море, — тихо сказал Петька.

Действительно, в катер вместе с ними сели, кроме двух офицеров, человек десять солдат морской пехоты. Арестованные были лишены даже возможности перекинуться последним словом: их разлучили и рассадили между солдатами.

Катер направился к берегу. В море было тихо, шторм прошел. Иван Петрович заметил еще несколько таких же катеров. Одни шли навстречу им, другие сновали между большими судами. Два транспортных судна видны были на бере, почти рядом с островом.

Все это доктор успел заметить, одним взглядом охватив горизонт.

В молчании ожидали приговоренные, когда им прикажут встать на носу катера. Но их везли все дальше и дальше, по направлению к Кий-острову. Неужели сначала хотят их вывезти на берег?

Обогнув островок, катер вошел в глубокий залив, образованный двумя длинными скалистыми рифами. Там оказалось большое скопление лодок и катеров и покачивались три гидроплана.

На берегу виднелись палатки и поднимался дым многочисленных костров.

Смутная надежда забрезжила в сердцах. Может быть, это только лишь арест? Однако им не дали долго думать над этим.

Вывели на берег. Офицер скомандовал, и моряки, положив по-английски ружья на плечи затворами вниз, что русским было странно видеть, повели пленников куда-то в глубь острова.

Доктор шел позади Петьки и, глядя ему в спину, невольно подумал:

«Вот и исполнилось мое желание побывать на Кий-острове. Нечего сказать, прогулочка!..»

Минима-гормон

От берега в глубь острова вели узкие деревянные мостки, проложенные прямо по дикому граниту. На скалистой почве рос высокий сосновый лес. Корни змеями проникали в трещины, охватывали каждый выступ. Поэтому морские штормы не могли свалить этих деревьев. Кое-где в ложбинах укрепились кустарники и залегал тонкий слой перегноя, но в общем островок представлял собой массивную гранитную глыбу.

Невеселое шествие прошло мимо старинного монастырского кладбища.

Доктор не мог внимательно приглядеться к местности. Наступая ему на ноги, сзади шел английский моряк. Постоянное «кома-а-ан!» заставляло, не оглядываясь по сторонам, идти дальше.

В полукилометре от берега залива сквозь прозрачную чащу голых сосновых стволов мелькнули темные очертания высокой деревянной стены с каменными башнями по углам. Это был монастырский двор... Старые, никоновские постройки со стенами невероятной толщины выглядели сурово. Странными и неуместными казались здесь английские френчи, чуждым — лающий звук военной команды.

Пленники осмотрелись, пока ходил куда-то посланный офицером сержант. В ограде на глаза им попались бывшая монастырская гостиница — «Кий-островский дом отдыха Уздравотдела», покои настоятеля, трапезная, погреб... На валу перед главным храмом чернели жерлами чутунные пушки — дар Никона.

Они не спасли остров от англичан...

Снова «коман», и пленников повели в старый храм. Миновав темный притвор, они очутились под мрачными сводами паперти.

Загремел замок, открылись с лязгом ажурные, кованые старинной вязью ворота.

В храме стоял полумрак, было холодно. Звуки надтреснутым эхом отражались от сводчатых глубин потолка. Звон замка повторился снова. Кружевные ворота замкнулись.

Четыре человека, которых так странно столкнула судьба, настолько были уверены в близости конца, что теперь, убедившись в своей безопасности, по крайней мере на сегодня, они ощутили растерянность и слабость. Как по уговору, сели на пол. Долго длилось молчание.

— А ведь мы здесь не одни! — сказал наконец Петька, прислушавшись.

Он встал и прошел к боковым дверям, ведущим в алтарь. Там оказалось еще пять человек. Те с минуты на минуту ждали, что за ними придут. Так как от этого не ожидали ничего хорошего, то и не показывались из алтаря. Увидев товарищей по несчастью, заключенные набросились с вопросами. Но вновь пришедшие знали так же мало, как и они сами.

— Как вы сюда попали? — спросил Иван Петрович.

— Я — заведующий домом отдыха, — ответил один, — это вот наш завхоз, а те — таможенные. Понимаете, я едва успел отправить своих отдыхающих. Капитан пароходика хотел за нами вернуться, но... Все вышло внезапно, никто не ожидал...

От нечего делать Дэвис с доктором принялись бродить по храму, осматривая живопись и каменный алтарь. Он представлял собою массивный куб гранита, накрытый куском истлевшей парчи. Окна были забиты досками и расположены высоко, как крепостные бойницы. Подложив под себя кое-какие обрывки парчи, все улеглись на каменный пол.

Вечером молчаливые тюремщики принесли ужин. Прошла ночь.

Снаружи все было тихо. Изредка лишь раздавался далекий вой сирен, шумели моторы самолетов. Удивление, недоумение, страх, тревога, — все это сменилось скукой...

Прошел еще день. Доктор и Дэвис вели бесконечные научные споры, сидя на полу в алтаре. Петька с материнской заботливостью ухаживал за Эллен, устраивал ей на ночь

«постель» из разного хлама, делился лучшими кусочками пищи.

Сквозь железный орнамент ворот за поворотом паперти ничего не было видно. Зато слышно было все, что делается на монастырском дворе. Оттуда по временам доносились скрип единственного на острове колодца, звуки команды при разводе караула, удары топора.

— Я не понимаю, — сказал Дэвис, — зачем им понадобилось занимать остров. Для чего он им? База? Но ведь стоит целая эскадра...

— Может быть, из-за этого колодца. Пресная вода...

Петька разрешил вопрос по-своему.

— Не то. На транспортах привезли десант, а на материк высадиться не могут, вот остров и заняли. Значит, им кто-то мешает высадиться на берег! Однако, не слышно, чтобы там был бой. И эскадра молчит. Странно...

— Газов не услышишь отсюда. Такая теперь война...

Эллен обратила как-то внимание Дэвиса на Дэзи. Последние дни та начала принимать пищу и перестала уменьшаться. Спрятавшись за клиросом, чтобы их не видели остальные пленники, Иван Петрович с Дэвисом исследовали и накормили кошечку. Она стала даже как будто немного больше...

Чтобы не возбуждать любопытства тюремщиков, Дэзи спрятали в каменной нише в стене, заткнув отверстие кусками парчи.

— Можно думать, что действие прививки прекратилось, — сказал Дэвис доктору. — Интересно, что будет дальше. Станет ли Дэзи снова расти, или останется такой на всю жизнь? — В голосе Дэвиса слышалась тревога. — Вы понимаете всю чрезвычайную важность этого опыта! Мы должны сохранить Дэзи во что бы то ни стало.

Снова проскрипели ворота, и переводчик, коверкая русский язык, по бумажке прочел пять фамилий. Завхоз дома отдыха и его товарищи, бледные как полотно, выступили вперед. Их тотчас окружила стража. Загремели на каменных плитах приклады. Ворота закрылись. Все стихло.

Со сжавшимся сердцем оставшиеся ожидали звука зал-

па. Но все было тихо.

Наступила ночь. Стало холодно. Заключенные пытались согреться, тесной кучей забиваясь под обрывки жесткой парчи, но это не спасало. Граниты пола и стен леденили древним дыханием.

Спали тревожно. Петька во сне ворочался и бредил, мешая немецкие и русские слова. Грозился, сулил разные неприятности какому-то Саньке Пришейхвост, ругался витиевато...

Утром заключенных разбудил сильный шум моторов. Летели, видимо, крупные воздушные силы. Гул то стихал, то усиливался.

Петька пытался при помощи доктора влезть в тоннель окна и посмотреть наружу сквозь щели ставней. Но в этот момент стены монастыря дрогнули от тяжелого удара. За ним раздался второй, третий... Десять выстрелов с правильными промежутками.

— Эскадра жарит, — тихо сказал Петька.

Вслед затем шум мотора стал стихать. В щель ничего не было видно, кроме клочка неба и вершин деревьев. Петька едва только слез, как снова орудейные выстрелы сотрясли воздух. Теперь флот стрелял не переставая, сначала очередями, потом открыл общий ураганный огонь. Над островом со скрежетом и жужжанием пролетали метеоры-снаряды.

Огонь опять внезапно прекратился. Без страха, но с плохо сдерживаемым возбуждением Эллен прислушивалась к происходящему.

— Что же это делается?

Петька понял вопрос и кое-как по-немецки ответил:

— Война делается. Наших с берега выживают, десант хотят высадить. Посмотрим, теперь — не девятнадцатый год!

— А что? — спросил Дэвис. — На побережье есть сильные форты?

Петька рассмеялся.

— Ничего там нет, кроме леса и людей. В крымскую войну англичане тоже подходили, так против них построили

тогда редут земляной, до сих пор заметно. Вот те и укрепления. Да и укреплять нечего. Городишко, заводы да лес кругом...

— Так они нас голыми руками возьмут!

— Пробовали. Все время с моря палить не будут, берег занимать надо пехотой. Пусть попробуют. Они войска привезли на шести транспортах, ну, может, еще подвезут. А на берегу лес и болото, да Красной армии не на шесть, а на шестьсот ихних транспортов...

Доктор перевел неясные места речи Петьки, который вставлял поминутно русские слова. Дэвис внимательно посмотрел на охотника.

— Но техника...

— Было время, тоже сюда с техникой приезжали. А потом всю эту технику побросать пришлось, и наутек... Думаете, у нас с дубинами на войну ходят? На всякую технику найдется ответная техника.

— Откуда вы так недурно знаете немецкий язык? — внезапно спросила Эллен.

Петька посмотрел на нее исподлобья.

— В немецком плену был. Не забыл еще...

Грохнули новые орудийные залпы. Вместе с тем где-то далеко, как ливень по железной крыше, начали рокотать пулеметы. Сразу стреляло, по звуку, не меньше нескольких сот. Быстро приблизился и вырос мощный шум моторов.

— Воздушный бой! — крикнул Петька. — Наши дерутся.

Раздались два глухих взрыва, иного характера, чем орудийные выстрелы. На них ответила частая стрельба из пушек мелкого калибра. Петька, как наиболее опытный в военном деле и видавший виды, по этим звукам читал, как по нотам. Устремив глаза в потолок, он прислушивался и отрывисто говорил:

— Наши бросили бомбы на эскадру... Еще! Еще!! Еще!!! Теперь неприятель из зенитных бьет по нашим...

Еще более сильный удар заколебал стены. Казалось, весь остров дрогнул и загудел. Из окон со звоном посыпались стекла.

— Вот это... либо броненосец взорвался, либо наш гид-

роплан плавучую торпеду выпустил. Бывают такие торпедоносцы... Звук вроде как с кашлем...

Весь вечер шел бой. Казалось, старый храм рухнет, не выдержав сотрясений земли и воздуха. Говорить было нельзя, Петька охрип и прекратил свои объяснения. «Наши могут, — думал он, — выпустить на эскадру газы, залить ими море. Если ветер с берега, — нас не заденет. Ну, а если с моря, — тогда крышка».

Этими опасениями Петька не поделился даже с Иваном Петровичем. Решил, что пугать раньше времени не стоит.

Бой стих поздно ночью. С моря не доносилось больше ни звука.

Стало темно, как в могиле, и тихо. Пленники сидели без пищи.

Никто не являлся.

Дэзи пицала в своем укрытии, но ее в темноте боялись выпускать на свободу. Положение становилось серьезным.

Наутро Петька принялся шарить по всему собору. Рыскавая по разным закоулкам, он нашел где-то за древним патриаршим креслом кусочек восковой свечки, завалившийся туда, вероятно, еще в незапамятные времена. Еще раньше он припрятал коробок спичек, оставленный одним из таможенных. Пленники берегли это богатство на крайний случай.

День прошел в неизвестности. Снова наступил вечер. Снаружи не было ни звука, ни голоса. Петька пробовал кричать в окно и ворота, никто не отозвался.

Голодные и дрожащие от холода, пленники готовились к новой мучительной ночи. Петька долго молчал, сидя в углу, и поблескивал оттуда своими волчьими глазами. Потом вдруг ударил себя по ляжкам, вскочил и ринулся к доктору.

— Вот что, доктор, я надумал: все равно пропадать. Англичане, видно, бежали, либо что... Сдохнем тут с голоду. Так хоть и сыты не будем, а давай греться. В тепле-то, может, и проживем еще день-другой. А там видно будет!

— Что он говорит? — спросил Дэвис.

— Греться предлагает.

— Мы сейчас, — продолжал Петька, — все дерево, какое тут есть, разломаем на дрова. Спички есть, разведем костер. Пол здесь каменный...

Иван Петрович вскочил. В самом деле!

Трое мужчин общими усилиями принялись за разрушение всего деревянного, что могли найти. Разламывая старинное, резное патриаршее кресло, доктор с усмешкой думал: «Вот моя научная экскурсия на Кий-остров!»

— А ну-ка, мистер Дэвис, сильнее! Петька, тащи за правую ножку!

Кресло было крепкое и с трудом поддавалось усилиям. Мужчины втроем подняли его на воздух и с силой били по каменному алтарю. Раздался хряск, и древний трон развалился. Принялись за иконостас... Каждый отломанный кусок разламывался на части. Несмотря на голод и слабость, Эллен не могла сдерживать улыбки при виде этой «работы».

Наконец была заготовлена большая куча дров.

Петька сложил по всем правилам посреди пола костер. Скоро сухое дерево весело запылало. Озябшие пленники собрались вокруг огня. Выпустили и Дэзи. Эллен взяла ее на колени.

Следующую ночь провели сравнительно сносно. Мучил лишь дым. Он клубами поднимался к потолку, потом опускался вниз и тянулся к воротам. Снаружи его должно быть хорошо видно.

Однако никто не приходил. Голод и жажда усиливались...

Снова настал день. Заключенные сбились со счета и не знали даже, которые сутки они сидят в мрачном храме. Мужчины еще крепились, но Эллен вовсе ослабела. Она лежала на куске парчи, не открывая глаз. Страшная бледность покрывала ее лицо, нос заострился. Дэвис с помощью доктора внимательно осмотрел ее.

Она едва отвечала на вопросы и временами впадала в забытие.

Положение стало критическим. Только маленькая Дэзи, казалось, чувствовала себя недурно и играла кисточками

парчовой ткани, закрывавшей Эллен. Она как будто еще стала меньше...

До позднего вечера сидели у костра и молчали. Избегали встречаться глазами. Петька глотал какие-то ругательства.

Дэвис в тоске встал и принялся бродить в полумраке. Подошел к ажурным воротам. Что это? Дэзи... Кошечка темным клубком бросилась прочь. Дэвис едва поймал ее у самого переплета ворот.

Подняв животное, он глубоко задумался. Некоторое время стоял в неподвижности, потирая высокий лоб. Потом машинально сунул Дэзи в карман и повернулся к костру. Дэзи! Дэзи...

Маленькая Дэзи...

— Слушайте! — крикнул он, быстро подходя к костру. — Есть выход, мы можем спастись! (Чтобы понимал Петька, он говорил по-немецки.)

— Какой выход?

Иван Петрович поднял удивленный взор.

— Минима-гормон!

— Гормон... Откуда же?

Дэвис подошел ближе к огню и принялся поспешно расстегивать куртку. Петька и доктор смотрели на него, как на помешанного. Тем временем Дэвис обнажил грудь. Показались грязные, затасканные бинты, присохший пластырь. Развернув все это, Дэвис вынул маленькую стеклянную трубочку.

— Вот минима-гормон!

Наступило молчание. Слышалось лишь потрескивание костра.

С древних стен и ободранного иконостаса сурово смотрели потемневшие лики святых и пророков.

Лихорадочно блестя глазами, Дэвис, как дароносицу, поднял вверх блестящую трубку и на несколько секунд застыл в такой позе.

Необычайная обстановка древнего полуразрушенного храма, костер на каменном полу, война, Дэзи, минима-гормон, странная фигура Дэвиса и волчий взгляд сидящего на

корточках Петьки — не во сне ли все это?.. Иван Петрович сунул палец в огонь — нет, больно, он не спит! Перевел глаза на недвижно лежащую Эллен...

Последняя вспышка поглотила остаток сил Дэвиса. Он грузно опустился на пол. Глядя в огонь, говорил тихо, как бы сам удивляясь своим словам.

— Мы сейчас сделаем себе прививку минима-гормона... И тотчас перестанем чувствовать голод и жажду. Уменьшенные не едят. Топливо у нас есть... Через несколько дней мы станем меньше, много меньше и... пройдем в переплет ворот... Там есть порядочные отверстия.

Доктор молчал.

Петька не выразил удивления: он знал историю кошечки Дэзи.

Он только спросил:

— А очень маленькими станем?

— Не знаю. На человеке не пробовал. А вот Дэзи, пока питается, перестает уменьшаться. Но может жить и без пищи. Уменьшенные питаются за счет собственного тела.

Петька подошел к Дэвису.

— Покажите трубочку! — Осторожно взяв ампулу, он посмотрел на свет и усмехнулся. — Можно бы и одному кому-нибудь привить: он бы вышел и других как-нибудь выпустил. Не прожить только...

Этот лесной бродяга рассуждал о предстоящей операции с таким видом, как будто привык каждый день по несколько раз менять свой рост. Раз есть такое средство, что можно спастись, так о чем же еще разговаривать! Он безусловно верил в силу минима-гормона, он видел Дэзи. Очень просто!

Тон Петьки подействовал на Ивана Петровича. В его уме промелькнули ножевая рана Петьки, «Жихорь» и «Бататуй», Алексей Иванович... Он понял, что это дитя лесов и болот так просто и спокойно обнаруживает таящуюся в нем и его племени громадную силу. Его спокойствие уже не стало доктору казаться результатом умственной неподвижности и невежества.

— Что ж, ждать нечего, приступим. Но как быть без

скальпеля?

— Вам нож, что ли, нужен?

Петька задумчиво оглянулся. Дэвис и доктор растерянно смотрели на него. Действительно, им нечем было сделать прививку...

Петька молча отправился к разбитому окну и принес большой осколок стекла.

— Годится? Можно так разбить, что острый край будет.

Дэвис схватил стекло. Один угол был чрезвычайно остр и вполне годился для производства операции.

В тишине, сосредоточенно принялись за прививки. Мучения жажды и голода были так велики, что никого не пугала предстоящая перспектива стать маленьким. Хотя бы таким, как кошечка Дэзи.

— Асептики здесь, конечно, никакой не придумаешь, — ворчал доктор, обжигая стекло на огне. Ну, как-нибудь...

Первую прививку сделали Эллен, давно уже впавшей в бессознательное состояние. Когда операции подверглись все пленники, Дэвис трубочку с остатками минима-гормона швырнул в угол.

Уселись вокруг огня и принялись ждать, что будет дальше.

Дэвис сидел в изголовье Эллен, наблюдая за пульсом. Стало как-то легко... Захотелось спать.

Первым проснулся, как всегда, Петька. Он сразу вскочил на ноги и принялся тормошить товарищей.

— Эй вы! Есть хотите? Жрать-то, говорю, хочешь? — Он насильно поднял доктора и заставил его сесть.

Иван Петрович очнулся. Сначала он дико взглянул на Петьку, потом поднялся на колени и все вспомнил.

— Есть? Нет, не хочу... Пить — тоже... Я... я себя очень легко чувствую... Но курить хочется!

Проснувшись, Дэвис тотчас кинулся к Эллен. Она ровно и спокойно дышала. На лице появился румянец. Ее решили не будить.

Ушли тихонько в алтарь. Все трое мужчин сильно хотели курить. Пока были голодны и страдали от жажды, ни-

кому не приходил на мысли табак. Но теперь всем отчаянно хотелось курить!

Петька разорвал карманы своего ископаемого пиджака и вывернул содержимое на каменный аналой. Кучка подозрительной грязи и мусора содержала, как он выразился, «некоторый процент» махорки. Приступили к очистке. Нашелся клочок бумажки.

С величайшим наслаждением, по очереди затягиваясь, мужчины закурили козью ножку. Поплыл сизый дымок.

— Замечательный русский табак! — заметил Дэвис, отведав махорки.

— Это тебе не кепстен! — Петька довольно улыбнулся.

— Погоди, мистер, может, еще и мох покурим!

Подошла Эллен:

— Вы что тут делаете? А я, представьте, совершенно не чувствую ни жажды, ни голода... Отчего бы? Может быть, это перед смертью? Я слыхала, так бывает...

Выпустив облако синего махорочного дыма, Дэвис с улыбкой посмотрел на нее. Как ни страшно было то, что они сделали, все же он не мог скрыть радости, видя Эллен живой и здоровой.

Он подошел к девушке и взял ее за руку.

— Ты не испугаешься? — спросил он, заглядывая ей в глаза. — Ведь нам ничего иного не оставалось делать!

Эллен знала, что Дэвис имел при себе ампулу мини-магормона, и поняла, что случилось.

— И ты тоже? — слегка покраснев, спросила она.

— Да, мы все.

Минима-люди

Уже на третий день после прививки начали замечаться первые признаки уменьшения. Петька подтягивал ремень и пробовал улыбаться. Но, в общем, все это было так необычно, что все предпочитали быть задумчивыми и серьезными.

Чтобы точно следить за уменьшением роста, Дэвис сделал на царских вратах стеклом зарубки, по росту каждого. Ежедневно пленники измеряли свой рост. Оказалось, что в первые же три дня каждый уменьшился на пять-шесть сантиметров. Оборвав кайму от куска парчи, сделали «эталон», длиной около метра. Он служил масштабом.

Снаружи все было по-прежнему тихо. Окрестности казались вымершими. Дрова кончались. Петька проявлял чудеса изобретательности. Он даже выковырял из стен вмазанные иконы, надломил какую-то балку...

Дни проходили в бездействии и нетерпеливом ожидании, когда же явится наконец возможность выйти на свободу. Петька тщательно осматривал и измерял мерко-эталонам все отверстия в воротах, ложился зачем-то на пол, просовывал в отверстия голову. Наконец, объявил, что при росте в метр они смогут пробраться в одну дыру. Его внимание привлекло отверстие в виде ромба, образованное двумя завитками орнамента. «Вот наш выход», — указал он.

Голод и жажда больше не мучили. Все страдали только от скуки и сырости. Долгие вечера просиживали у маленького огня.

Раз как-то доктор спросил:

— Я не совсем понимаю, как происходит сам процесс уменьшения. Картина, по-моему, должна быть такова. Клетки тела распадаются. Продукты распада усваиваются другими клетками, как это бывает с жиром и вообще при исхудании. Отбросы и продукты горения выводятся с дыханием в

виде углекислоты и воды. Все это так, но меня удивляет, почему не прекратились естественные отправления почек и кишечника? Уменьшается и скелет, следовательно известь, фосфор, также сера, азот и все прочее, что не может удалиться с дыханием, должно покидать организм как-то иначе. Но я не понимаю, какими путями все это попадает в пищеварительный тракт...

— Мне самому, — отозвался Дэвис, — неясен этот процесс. Может быть, минеральные части костяка переходят в растворимые соединения, белки пептонизируются, затем это все всасывается обратно кишечником и почками. Участвуют тут, несомненно, и кровь, и лимфатическая система. Странно только, что никто из нас не чувствует никаких болезненных явлений. Я, например, никогда не был так бодр и легок!

Если бы все получившие прививку минима-гормона находились в пустыне, они вряд ли могли бы заметить результаты прививки. Разве только песок стал бы казаться крупным, да тело получило бы легкость и подвижность, как у детей. Но пленники сидели в старом монастыре. Каждый уголок служил масштабом.

Спустя несколько дней после прививки, они начали испытывать поистине удивительные ощущения. Собор рос... Стены становились все выше, внутреннее помещение — все обширнее. Им казалось, что увеличивается окружающий мир.

«Большая Земля!» — сокрушенно думал Дэвис. Не в таких условиях и не в таком месте он представлял себе испытание его открытия.

— Большая Земля! — сказал он как-то вслух. — Теперь для нас земной шар стал в полтора раза больше. Вы себе представляете, доктор Тумановф, что будет, если человечество при помощи минима-гормона увеличит Землю в десять, в сто раз! А мы, — зло смеясь, добавил Дэвис, — мы, первые пионеры, первые минима-люди Большой Земли, собираемся спастись при помощи моего гормона от голодной смерти и... тюрьмы! Ха-ха!

На рассвете опять донесся далекий гром орудий.

Иван Петрович подумал: «Нет, долго еще Земле придется быть маленькой!»

Дэвис измерил себя эталоном и объявил, что его рост равен трем четвертям метра. Было смешно и печально. Одежда на пленниках висела мешками, они едва могли шевелиться. Об этом раньше как-то никто не подумал. Мужчины благодаря отросшим бородам и усам имели страшный и вместе с тем комичный вид.

В конце концов одежду пришлось сбрасывать и переделывать.

Петька ухитрился при помощи острых кусков стекла отрезать брюки и концы рукавов. Получалось нечто совсем безобразное.

Сапоги свалились с ног уже давно... Эллен то смеялась, глядя на своих товарищей, то плакала.

Собор рос... Он уже казался гигантским храмом, вроде Исаакия или храма Петра в Риме. Стены раздвинулись, потолок вознесся на головокружительную высоту. Гранитный алтарь, на котором еще так недавно ломали дрова для костра, представлялся чудовищным монолитом.

Однако маленький рост минима-людей искупался необыкновенной легкостью и свободой их движений.

Последние дни почти никто не отходил от ворот. Петька много раз пытался протиснуться сквозь давно наметенное отверстие, но все еще застревал в плечах. Еще немного, и...

Однако прошло еще три дня, и наконец, в сотый раз атакуя ворота, Петька, усердно подталкиваемый сзади Дэвисом и Иваном Петровичем, продрался сквозь железный переплет. Один из минима-людей был на свободе!

— Сидите тихо, а я схожу на разведку. Скоро вернусь, — сказал он.

Его ждали у ворот.

— А скажи, Дэвис, — спросила Эллен, — долго ли мы еще будем уменьшаться? Может быть, без конца?..

В ее голосе слышалась тревога. Дэвис рассеянно посмотрел вокруг.

— Не знаю, — сказал он тихо, — не знаю... Дэзи пере-

стала уменьшаться, достигнув, по-видимому, предельного для данной порции размера, но я всем нам привил очень небольшую дозу, и, может быть... Думаю, что если мы будем принимать пищу, то остановим действие минимал-гормона.

Эллен вздохнула.

Вскоре раздались легкие шаги, и на паперти показался Петька. Не пролезая обратно в церковь, он вытащил из своей необъятной пазухи коробку папирос и бутылку воды. Хотя пленники особенной жажды не чувствовали, но вода ими была встречена с радостью. Папиросы Дэвис и Иван Петрович чуть не вырвали у него из рук.

— Ну и папиросы! Целые сигары... — Петька ухмылялся, — а остров какой большой! До кладбища, стало, версты две. Ходил к заливу. На острове никого нет. Все брошено — палатки, продукты. На берегу видать пожары. Горят Покровское село, город... Ружейную стрельбу как будто доносит, но плохо слышно.

— А эскадра?

— Никакой эскадры.. Над берегом пролетели три самолета, далеко, не знаю, чьи. А папиросы и воду я взял в доме отдыха. Там тоже никого нет, все разбросано.

Петька был в полном восторге.

— Ну, погляжу я на тебя, Иван Петрович, — говорил он, смеясь, — на кого ты похож! Прямо бандит! Шляпа-то, шляпа! Бросил бы хоть ее, что ли. Смотреть страшно. Хы-хы!

— Молчи, рожка. Сам на кого похож! Обрежь лучше штаны снизу; болтаются как флаги.

Даже мрачный Дэвис не мог не смеяться, помогая Эллен в ее туалете.

Последнюю ночь провели у костра с тем, чтобы выйти рано утром.

При первых лучах солнца все уже были на ногах.

Протискавшись сквозь переплет ворот, вышли на волю. Открывшееся зрелище заставило остановиться.

Их взорам представилась колоссальная площадь монастырского двора. За ней простирался лес, состоявший из исполинских веллингтоний и мамонтовых деревьев.

— Как странно, — задумчиво заметил Иван Петрович, — наши глаза сейчас меньше, чем на метр от земли. Но если при нормальном росте сесть на корточки, предметы почему-то вовсе не кажутся большими.

— Это правда, — ответил, подумав, Дэвис, — но мы бессознательно учитываем собственные размеры, длину шага, рост тела... Мы всегда определяем расстояние и величину предметов, сравнивая со своими собственными размерами. Это психомоторный феномен. Расстояние зрительных осей тоже имеет значение. Я прекрасно вижу, что до калитки в ограде шагов около пятисот, но когда нас сюда вели, было... двести.

Случилось само собой, что путеводителем сразу сделался Петька. Его лесной и бродяжнический опыт, острый слух, кошащее зрение, сноровка — были в данных условиях особенно ценными качествами. С блеском в глазах, смешной в своих лохмотьях, он пробирался впереди, прислушиваясь к каждому шороху.

— Мы сейчас пройдем в дом отдыха, может быть, там найдем что-нибудь полезное. У завхоза были дети, он говорил как-то...

— При чем тут дети?

— Может, найдем детскую одежду. Пригодится. Все-таки лучше, чем ходить в такой страсти! — Петька со злостью швырнул в траву свою необъятную шапку. Доктор и Дэвис сделали то же самое.

С трудом взобравшись по громадным деревянным ступеням на крыльцо, все они проникли в дом. Там все оказалось разбросанным, носило следы погрома и бегства. Мужчины втроем выдвинули ящик комода.

Петька сейчас же влез в него и принялся выкидывать оставшиеся вещи.

— Гожие вещи, гожие... Это Эллен пригодится, платице девочки. Вот чулки, лифчик... Хы-хы! А для нас ничего нет подходящего.

Сдерживая улыбку, Эллен рассматривала эти детские вещи.

Очевидно, в комодке хранились лучшие, праздничные

платья.

Платье бархатное, с бантом назад, вероятно, для девочки лет четырех. Пальтишко оказалось немного великовато, но все же вполне пригодно. Нашлись и ботинки. Эллен вышла в соседнюю комнату переодеться. Который уже раз ей приходилось переодеваться после отлета из Лондона? Может быть, скоро и этот костюм станет велик...

Эллен вышла неузнаваемой. Нормальный человек вполне мог принять ее в этом детском наряде за четырехлетнюю девочку. Но минималюди не замечали ее маленького роста.

— Это кстати, — заметил Петька. — Если все мы оденемся как дети, легче будет при встречах. Только вот бороды...

Бороды действительно стали совсем устрашающего вида, надо было побриться. Петька обшарил весь дом, но ни бритвы, ни ножниц не оказалось. Оставалась надежда на домики таможенных около залива.

Минималюди вприпрыжку побежали по деревянным мосткам.

Эти маленькие оборванцы, как звери обросшие волосами, и девочка в лиловом пальто, с непропорционально маленькой головкой, полной грудью дышали морским воздухом.

— Шоссе, шоссе из дерева, — смеялась Эллен, — не хватает только авто...

Так они вышли на мысок к домикам таможенных сторожей.

Двери были раскрыты настежь. Здесь тоже не было никого.

Проникли в дом. Мужчинам здесь повезло: среди валявшихся по всем комнатам различных вещей нашлось много разного детского платья и обуви. Усердно принялись за туалет. Спустя несколько минут на крыльцо домика вышли трое бородатых мальчишек.

Петька нес узелок с разными хозяйственными вещами. Тут были и спички, и ножик, и веревочки. Дэзи устроили в маленькой наволочке, так ее удобнее было носить. Главной же драгоценностью оказались ножницы. С трудом владея

ими, кое-как подстриглись. Стало легче. Теперь все были сносно одеты и не похожи на дьяволят. Первая часть задачи была решена. Петька торжествовал.

Рядом с домиками таможенных находились брошенные английские склады. Валялось несколько винтовок. Петька с сокрушением смотрел на них. Эти ружья были теперь бесполезны — целые пушки... Минима-люди бродили среди громадных ящиков, разложенных рядами на гранитной площадке. Здесь было все то, что англичане возят с собой по всему свету, куда только ни заносят их военные авантюры, поиски рынков, жажда наживы, запах сырья или естественных богатств. Дэвис и доктор рассматривали отчетливые черные надписи. Консервированное молоко, мясо из Аргентины и Чикаго, галеты, маргарин, финики, суп, лимонный сок, копченая грудинка, варенье из апельсиновых корок, сигареты...

Дэвис задумался.

— Мы должны питаться, — сказал он наконец, — если хотим прекратить действие гормона. Мне кажется, я начинаю чувствовать если не аппетит, то, во всяком случае, некоторое влечение к пище. Это — хороший признак. Мы, вероятно, сможем остановиться на теперешнем нашем росте. Вы хотите есть?

Доктор и Эллен признались, что с удовольствием покушали бы чего-нибудь мясного или молочного. Да, пожалуй, они чувствуют аппетит...

Петька куда-то исчез. Не дождавшись его, Дэвис и доктор с большим трудом откупорили несколько ящиков и добрались до банок. Однако нож был у Петьки.

— Вы что тут делаете?

Маленький охотник появился из-за скалы совсем не с той стороны, откуда его ждали.

— Собираемся обедать.

— Обедать? Недурно. А я нашел лодку. Там она, за мыском. Боллша-а-ая!

Принялись за консервы. Из опасения привлечь внимание дымом огня не разводили. Закусили холодным мясом, молоком и финиками. Еще раз обшарив дом, Петька напол-

нил несколько платков и салфеток разными банками и пакетами. Не забыли взять также табаку и спичек.

— Мы, мистер Петька, — сказал наконец Дэвис, — должны постараться попасть на материк. Надо проникнуть к русским.

— На материк? — Петька почесал в затылке. — Это, пожалуй, можно. Только там фронт, наверное. Трудно придется, пойдем левом...

— Все равно. Мы маленькие, как-нибудь проскользнем. А здесь оставаться нельзя.

Петька потянул носом воздух, посмотрел на небо. Потом спустился к воде и отметил что-то на камне. Посидев на корточках у воды несколько минут, довольно крикнул:

— Отлив. А ветер с моря. Парус сделаем. Скоро вода повернет на прилив. Не надо и грести, вечером тронемся.

Он бегом пустился к дому. Через минуту трое мужчин мастерили из большой простыни подобие паруса. Торопились, потому что лодка стояла на мели и каждую минуту прилив мог поднять ее.

К вечеру все уже было готово. В лодку перетасили несколько одеял, провизию, из весла Петька устроил руль.

С наступлением темноты перебрались в лодку. Ветер с моря усиливался, и Петька радовался этому, как ребенок. Вскоре вода окружила лодку со всех сторон, по бортам заплескали волны.

— Сейчас снимет!

Через минуту лодка отделилась от берега. Поставили импровизированный парус. Простыню надуло тугим пузырем, и лодка быстро пошла к выходу из залива.

Настала ночь. Низкие тучи закрывали небо, иногда лишь в просвете виднелся тонкий серп месяца. На берегу багровыми полосками вырисовывались зарева догорающих пожаров. Стало холодно.

Дэвис заботливо уложил Эллен на носу лодки и укрыл ее несколькими одеялами.

— Тебе не холодно?

— Нет, не холодно. Я теперь чувствую себя так легко, как бывало только в раннем детстве. И, знаешь... пока еще не

жалею, что стала такой... Смотри, здесь, на море, нет масштаба, и незаметно, какие мы маленькие. Только лодка... Это целый корабль!

Дэзи спала вместе с Эллен. Мужчины сидели на корме и курили. Медовый дымок виргинского табака плыл в воздухе.

— Хорош табак,— сказал Петька, не спуская глаз с темных очертаний далекого берега, — хорош... А все против нашей ярославской не выстоит. Сладость в нем одна, вкусу настоящего нет. Я, Иван Петрович, буду курс держать на морские покосы, к пастуховой избе. Там никого не встретим, пустое место. А в Покровском, знать, неладно. Вишь, как отвечивает.

Действительно, по мере того, как темнело, все яснее виднелось отдаленное зарево. Очевидно, деревня уже догорала, пламени не было видно, только столбом светились над берегом облака. Другой такой же столб, более широкий и яркий, поднимался в стороне городка. Это зрелище напоминало Эллен багровый свет неба над Лондоном, когда она покидала его на самолете...

Петька правил по луне и по ветру. Сзади, где-то за горизонтом, изредка вспыхивали зеленые зарницы и доносился отдаленный глухой рокот. Кто и с кем вел бой в открытом море?

Минима-люди не знали этого.

Часа через три-четыре впереди послышался шум прибоя.

Берег! На полном ходу, подгоняемая ветром и приливом, лодка врезалась в глинистую отмель.

— Приехали! — Петька сунул в воду весло. — Ничего, выйдем. Воды до колена.

Эллен перенесли на руках. Иван Петрович напрасно всматривался во мрак. Тучи нависли сплошной пеленой. Вокруг было темно. Серп луны скрылся. Приходилось положиться на звериное чутье и навыки Петьки.

Минима-люди в полном мраке распределяли свой багаж. Говорили шепотом. Тьма и отсутствие знакомых предметов, которые могли бы служить масштабом, заставляли

на время забывать о том, что они «минима-люди». Только непомерная величина банок с консервами и спичечных коробков напоминала иногда о действии минима-гормона.

Петька постоял, понюхал, как всегда, воздух. Потом решительно двинулся куда-то в темноту.

— Не отставайте,— сказал он.— Пусть Эллен идет за мной, а ты, доктор, с мистером позади. Не потеряйтесь.

Сквозь зыбкие морские луга маленькие люди шли почти по колено в воде. Петька торопился к лесу. Там они разведут костер!

Хлюпая по вязкой почве, Иван Петрович не то что удивлялся, а как бы присматривался к своей странной судьбе... Они с Петькой поехали на взморье ловить ревяков, а сейчас он, доктор Туманов, идет обратно в лес в детской курточке... С ним какие-то пигмеи, сам он мальчик-с-пальчик. Вокруг то же кряканье уток где-то на лугах, те же приморские «пожни», тот же шум моря...

Несмотря на полный мрак, Петька шел прямо и уверенно. Он ни разу не сбился с пути. Вскоре начали попадаться кустарники.

Они становились все чаще и гуще, потом путь преградили деревья.

Идти становилось все труднее. Петька бросил на землю свой узелок.

— Отдыхайте пока. Я сейчас.

Он принялся бродить вокруг и чего-то искал. Трещал ветками, царапал ножом по деревьям, вспоминал о топоре, поругивался...

Спустя несколько минут лес озарился красноватым светом. В руках Петьки горел яркий, дымящий факел.

— Что это у него? — спросила Эллен.

— Береста, — ответил доктор, — здесь на опушке много берез. Березовая кора хорошо горит.

Двинулись дальше. Петька зажигал один кусок бересты от другого и таким образом освещал путь. Добравшись до елового леса, он каким-то чудом ухитрился раздобыть «смолянку» — куски еловой коры, заплывшие живицей. Теперь факелы горели ярко и неугасимо. Петька дал по заж-

женному куску Дэвису и доктору.

Странная, величественная картина представилась глазам минима-людей. Освещенный колеблющимся пламенем факелов, лес исполинскими стволами вздымал кроны к темному небу. Черничный кустарник доходил до пояса, мешал идти. Удавами извивались корни. Поваленные бурей деревья и кочки, похожие на холмы, преграждали путь. Дебри и заросли Хайнозерского ручья показались теперь доктору невинной забавой.

Петька упорно шел вперед. Он искал известное ему возвышенное плато: в километре от опушки можно было развести огонь, посушиться, отдохнуть.

Вскоре начался довольно крутой подъем. Долго шли в гору.

Наконец маленький проводник остановился, передал доктору факел и принялся собирать сухой валежник. Эллен в изнеможении опустилась на мягкий мох.

Запылал костер. Стало тепло. Появились банки с молоком и финики.

— Я думаю так, — говорил Петька, выплевывая косточки. — Дойдем завтра до дороги. Там вы останетесь в укрытии, а я один схожу на разведку в деревню, в Покровское. Надо узнать, кто там и что делается. Если в деревню нельзя, в город тоже пока не пойдем. Опасно. Прoberемся тропой к мельнице, оттуда к Алексею Иванычу. А там видно будет.

Дэвис взглянул на спящую Эллен.

— А далеко эта мельница?

— От дороги было километров пять. Теперь выйдет... около пятнадцати, надо думать. Там есть избушка, можно и пожить, если придется. Пойдем не торопясь.

— А как же Алексей Иваныч? — спросил доктор. — Испугается он...

Петька засмеялся.

— Как-нибудь устроимся...

Весь день, до самого рассвета, минима-люди брели по непролазным лесным тущам. Эллен скоро устала и часто в изнеможении опускалась на землю. Этим пользовались и остальные. Петька торопил, он не чувствовал усталости. Минима-люди поднимались и шли дальше и дальше. Впереди маячила спина Петьки. Он покачивался на кривоватых ногах, осторожно переходя болотистые топи, срывал какие-то травки, слюнил палец и, подняв руку вверх, определял направление ветра.

Стали попадаться ягоды — морошка, черника. Маленькие люди набросились на сочные «фрукты». Морошка на их взгляд была величиной почти с абрикос, спелая, сладкая и встречалась в таком изобилии, что скоро все почувствовали тяжесть в желудке. Даже Петька, не задерживаясь, проходил мимо громадных кочек, осыпанных янтарными головками ягод. В одном месте с шумом поднялся глухарь. Он вылетел почти из-под самых ног Эллен.

Девушка вскрикнула и едва не лишилась чувств, когда исполинская птица ударила по воздуху могучими крыльями. Петька расхохотался.

— Ничего, не съест. Звери тоже не тронут. Мы хоть и маленькие, да запаху человеческого зверье боится,

Только к вечеру достигли дороги. Лес стал особенно глухим и дремучим. Местность пошла немного в гору, потом вдруг мелькнули просветы, блеснули изоляторы телеграфного столба...

Петька сделал знак остановиться. Опасно выходить на дорогу.

Устроили привал. На этот раз минима-люди ели с настоящим аппетитом. Дэвис радовался, он считал это хорошим признаком.

Уменьшающее действие прививки прекратилось.

С наступлением темноты Петька собрался в путь.

— Отсюда до деревни считается пять верст. Теперь, конечно, побольше, но не беда. К утру успею вернуться. Выведу все, что можно.

— Как же ты, не спавши?

— Не, чего там... Вы сидите тихо и на дорогу не выходите. Огня тоже не разводите, придется потерпеть. А, может, я и не вернусь — дело военное, так ты, Иван Петрович, доведешь их до Хайн-озера. Пойдете не ручьем, где мы шли, а тропой. Здесь недалеко сворот. С озера сделаете разведку в город. А я, думаю, к свету вернусь. Ждите до завтрашнего вечера, на всякий случай.

Подвязав за плечи узелок с кое-каким дорожным снаряжением, Петька вырезал палку. Не прощаясь и не оглядываясь, он отправился в сторону дороги и скоро исчез в густой чаще.

Весь путь до села Покровского он шел быстро, почти бегом, и с большими предосторожностями, самым краем дороги. В случае опасности мог одним прыжком скрыться в лесу. Но ему не повстречалось ни одной живой души.

Деревни достиг он уже в потемках. Не доходя первых домов, свернул в поля и пошел в обход. В другом конце деревни виден был угасающий пожар. В нескольких местах еще выбивались красные языки пламени и мрачными отблесками озаряли понурые очертания уцелевших изб и построек. Светлой, словно вырезанной из картона, казалась небольшая церквушка за речкой.

Деревня молчала. Пользуясь своим маленьким ростом, Петька легко и быстро пробрался мимо амбаров и гумен на задворки.

Посидел, послушал. Потом, скрываясь в тени, пополз дальше.

Началась главная улица... Отблески пожара освещали ее мерцающими пятнами. Улица была совершенно пуста. Петька хотел было уже перестать скрываться и смело продолжать свои исследования, как вдруг откуда-то выскочила большая собака и с лаем набросилась на него. Петька спокойно вытащил перочинный нож и пошел прямо на пса. Тот, как лошадь, прыгал вокруг карлика, щерил зубы.

— Экий дурак пес! — крикнул Петька. — Коего черта брешешь? Не видишь, что ли, человека, дуралей!

Голос Петьки был тонок, как у ребенка, рост тоже невелик, но «карлик» этот имел запах взрослого человека. Этого пес не мог понять. Умолкнув, он озадаченно подошел к Петьке и принялся осторожно обнюхивать. Охотник, не показывая страха, выдержал это испытание и тем победил. Тогда пес, виновато помахивая хвостом и повизгивая, вздумал было попробовать даже поиграть. Но, один раз свалившись с ног от удара лапой, Петька больше не захотел участвовать в такой односторонней игре. Он строго прикрикнул на собаку и, как ни в чем не бывало, пошел дальше. Пес следовал за ним.

— Ах, елки-палки! — Петька кувыркнулся носом во что-то мягкое. Поднялся, пощупал. Корова! Мертвая корова... Гм... Целый слон!

В этот момент пламя пожара вспыхнуло сильнее, и глазам маленького человека открылось тяжелое зрелище. Вдоль всей улицы в разных позах, группами и в одиночку, лежали трупы людей и животных. Со времени прививки он первый раз увидел людей нормального роста. Теперь ему казалось, что вокруг поле битвы великанов. Эти титаны были обыкновенными деревенскими мужиками, бабами, детьми... Не видно было ни одного военного. Смерть застала несчастных во время бегства. У всех за плечами были котомки, кошель. Тут же валялись запряженные в телеги лошади, скот. Все было неподвижно, мертво...

Петька достаточно воевал, видал кровь и трупы, но и его это зрелище смутило. Будь еще это все где-нибудь далеко, ну, хоть в Восточной Пруссии, например, он отнесся бы к этому спокойнее. Но здесь была давно знакомая ему деревня. Он знал почти каждого домохозяина, каждую девку... Парень призадумался. Но через минуту, вздохнув, отправился дальше.

— Экая притча! — бормотал он про себя. — Как их, бедняг, устосали... Никто, видно, не ушел. Не успели. Газами, сволочи, отравили...

Около сельсовета набрел на отдельную группу мертве-

цов, состоявшую из женщин и ребятишек. Тут же валялось несколько коров и овец. Петька снова остановился.

— Дитятко! Дитятко! — донесся внезапно из темноты хриплый старушечий голос. — Не ходи туды, дитятко...

Маленький человек вздрогнул. Оглянулся. Никого не было видно.

— Кто там? — громко крикнул он в пространство. И снова донесся кашляющий, надорванный вопль. Пройдя несколько шагов, Петька наткнулся на маленькую хатку, каким-то чудом уцелевшую среди пожара. Окна были выбиты. Оттуда, из мрака, доносился глухой стон.

— Тетка, а тетка! — крикнул Петька, подходя к окну. — Поди-ка сюда, к окошку.

В черном отверстии окна смутно обрисовалась какая-то фигура. Безумная хозяйка избенки не заметила маленького человечка и, притаившись, слушала.

— Что здесь делаешь?

Старуха отпрянула от окна и затихла. Потом стало слышно, как она ходит по избе и что-то делает, стучит какими-то ящиками. Через минуту снова показалась в окне.

— Прими, Христа ради...

Петька услышал стук падения и, наклонившись, нащупал под окном кусок черствого хлеба.

— Прими, Христа ради, божий человек, помолись Нилу угоднику и Алексею Божьему человеку, помолись о душах усопших...

Старуха зарыдала. Потом ее плач перешел в смех. Петька слышал, как она, отойдя от окна, принялась ходить, смеясь все громче.

— Хо-хо! Божьи человеки, проклятые человеки! Чего ищете, чего надо вам? Хи-хи-хи...

Петька постоял еще минуту, послушал. Старуха постепенно стихала, только едва слышно из пустого черного окна доносился ее веселый, как бы себе на уме, смешок: «Хи-хи-хи-хи...» Маленький человек пошел прочь.

«Вот это — война, — подумал он, — настоящая».

Стараясь быть спокойным, тихо побрел дальше вдоль улицы.

Пес отстал. Снова стало темно. Пожар угасал. Вырвавшееся было пламя не находило себе больше пищи. Дорогу приходилось искать почти ощупью.

Выйдя на край деревни, маленький человек присел и достал табак. Закурил. Здесь была тишина.

— Ишь ты! — недовольно ворчал Петька. — Газами отравили да подожгли сверху, с воздуха... Дешево и сердито! А где и какой фронт, шут его знает, не разберешь. Эскадра ушла... Прогнали, что ли? И остров бросили, как в девятнадцатом годе. А наши где?

С места, где сидел Петька, хорошо было видно море. Внезапно он прервал свои рассуждения и недвижно вонзился взглядом в сторону темного горизонта. Там, рассекая тьму туманным клином, вертикально двигался далекий луч прожектора. Как зеленый столб северного сияния, он несколько раз лениво прошелся по облакам, потом опустилсся куда-то вниз и исчез.

— Вот! Суда там, значит, стоят... Самолетов остерегаются. Наших, надо думать. А все-таки ничего в толк взять нельзя. Надо попасть к Алексею Ивановичу. Там ближе к городу. Узнаем что-нибудь...

Поднявшись, Петька побрел обратно. Он сильно устал и только сейчас стал замечать, как заплетаются измученные ноги.

Скоро должно было светать.

Обходя лежавшие на дороге трупы, почти звериным чутьем угадывая препятствия и нащупывая правильный путь, Петька в полной темноте осенней ночи быстро пошел прочь из мертвого села. Отойдя километр, он снова остановился на пригорке закурить и оглянулся. Отсюда деревня была видна как на ладони.

Багровыми пятнами светились ее обгорелые развалины.

— Будь они прокляты! — выругался в пространство Петька, в сердцах сплевывая на дорогу. Он погрозил своим маленьким кулаком в сторону моря. — Будь они прокляты... Затаскай их Жихорь!..

Мельница! Путники остановились. Громкий шум падающей воды наполнял долину гремящим смехом. Тропинка круто сбегала вниз. Отсюда поверх вершин леса виднелись светлые глади озера. Иван Петрович вздохнул полной грудью. Вот, снова оно — Хайн-озеро!

— На мельницу опасно идти, может, там люди, — заметил Петька, — погодите, узнаю.

Через минуту он вернулся. На мельнице никого не было. Можно идти.

Мельница, все та же старая, знакомая мельница, стояла пригорюнившись, как всегда. Серебряная вода все так же летела неудержимым каскадом. Доктор со странным чувством в груди вошел в закоптелую избушку. Давно ли он спасал мух на окне!

Теперь эта хатка выросла в громадный безобразный дом. Пошел на мельницу. Наткнулся на разрытую кучу, где он искал червей.

Комары, громадные комары набросились на минималюдей.

Тучи всякого «гноса» заставили искать спасения на берегах озера, на ветру. Пошли дальше. Вот коптилка! Петька пошарил взглядом по берегу. Лодка, та самая лодка, на которой они охотились, была здесь. Очевидно, никто с тех пор не заглядывал на этот пустынный берег.

Переезд через озеро стоил больших трудов. Маленькие люди едва справлялись с веслами, сев к каждому по двое. Эллен тоже помогала, как могла. Двигались с черепашьей скоростью, отдыхая через каждые пять минут. Четыре километра, отделявшие от острова Медведя, удалось одолеть только к вечеру.

В наступающих сумерках показался огонек у избушки. Алексей Иваныч, наверно, готовил ужин.

— Прямо не поедem, — сказал Петька. — Обогнем остров проливом.

Они пристали к острову в глубине бухты, вдававшейся со стороны пролива. Лодка с тихим шелестом просунулась сквозь тростники и уперлась в берег. Высадившись, усталые беглецы бросились на траву и долго не могли вымол-

вить ни слова. Петька поднялся первым.

— Я сейчас вернусь.

Дэвис и доктор тем временем выгрузили из лодки свои пожитки. Эллен взяла узелок с кошкой. Показался Петька.

— Идем. Алексей Иваныч один. Уху варит.

Иван Петрович в нерешительности остановился. Его взяло раздумье. Они покажутся «Большому человеку»... Что из этого выйдет? Он медленно двинулся вперед. Его догнал Дэвис.

— Вы, доктор, знаете этого человека? Кто он такой?

— Полунищий отшельник. Живет на озере очень давно. Старик. Во всяком случае, опасаться его не приходится. Кроме того, мы с ним знакомы. Но наш рост...

— А я боюсь, — заметила Эллен, прислушивавшаяся к их разговору, — я боюсь увидеть настоящего человека. Он в два раза, если не больше, выше нас!

Тем временем минима-люди вышли на прогалину и очутились в двадцати шагах от «замка» губернатора острова, Алексея Иваныча. Старик сидел у костра и мешал деревянной ложкой в котелке, подвешенном на крючке. Видна была только эта ложка да сутулая спина в грязном полушубке.

Алексей Иваныч, по привычке всех робинзонов, за недостатком общества любил говорить сам с собой.

Группа маленьких людей остановилась на опушке.

— Вот какой еще нашелся хлюст! — доносилось от избушки. — Гривенник! Да я за гривенник лучше сам в город потопаю... Хы! Ничего, до заговенья подожде-е-ет! А мне что? Один черт, прости Господи, что ему, что другому... Хы-хы!

— С кем это он говорит? — шепотом спросил Дэвис.

— Ох!! Царица небесная...

Петька равнодушно взглянул на него.

— Сам с собой. Он всегда так.

Петька, а за ним остальные двинулись вперед. Алексей Иваныч так был увлечен разговором со своим воображаемым собеседником, что не слышал, как они подошли. Под ногой Дэвиса хрустнул сучок.

Старик быстро поднялся, выронил ложку и, неловко обернувшись, зацепил таган. Уха пролилась в огонь.

— Ох!!! (— ...Царица небесная...)

Алексей Иванович застыл в неподвижности с широко раскрытыми тусклыми глазами. Его нижняя губа отвисла, из углов рта на спутанную бороду потекли слюни. Стало тихо. Слышалось лишь шипенье пролитой на уголья ухи, да где-то за островами жалобно кричали гагары. Никто не шевелился.

Старик начал быстро и тяжело дышать. Потом ноги его слегка задрожали. Вдруг с хриплым стоном, взмахнув руками, он повернулся и, прихрамывая, пустился бежать.

— Алексей Иванович! — опомнившись, крикнул доктор, — Иванов! Не бойся, это мы... Иванов!

Алексей Иванович, не оглядываясь, прибавил шагу и скрылся в кустах. Петька с доктором переглянулись и, как бы сговорившись, бегом бросились вслед за ним.

Дэвис и Эллен остались одни. Девушка сейчас же подняла котелок с остатками ухи и снова подвесила его над огнем. Потом они сели рядом на лежавшее у избушки полено.

— Какой он большой! — сказала Эллен. — Он испугался нас.

— Да, Эллен. Минима-гормон... Я не думал, что все так выйдет. Где мы и с кем? Что творится вокруг? Меня угнетает мысль, что я не сумел там, на Манор-стрит, иначе выпутаться из всей этой истории. Чарли и твои друзья что с ними?.. Я думал сначала остаться и молчать. Но... я боялся за свои записки. Они могли разобраться в них, сам я считал себя полезнее на свободе. Ты слышала про «Трест рабочей деминимации»?

Эллен доверчиво посмотрела ему в глаза.

— Я ни о чем не жалею и ни в чем не раскаиваюсь. Мне хотелось бы только, чтобы все хорошо кончилось. Как в американских фильмах. Что за беда, если мы останемся такими маленькими! Я чувствую себя хорошо, и, кажется, мы остановились на этом росте. Несчастные только эти — доктор и мистер Петька. Они могут быть недовольны свои-

ми размерами. У них, наверное, есть близкие. Это не всегда удобно...

Эллен умолкла. Потом подняла глаза на озеро.

— Как здесь хорошо! И как далеко от Лондона... Знаешь, я согласилась бы прожить здесь всю жизнь вместе с тобой. Дико здесь.

Для минима-людей открывавшееся зрелище представляло грандиозную панораму. Лиственницы, росшие на мыске, колоннами вздымались к небу. Колоссальной декорацией раскинулись кусты. Берег убежал вниз крутым скатом, и яркими красками начавшей желтеть листвы пестрели лесистые стены больших островов. Дэвис молча, задумчиво смотрел в туманные дали широко раскинувшейся водной глади. Темнело.

Спустя полчаса раздались шаги. На поляну к избушке вышло странное шествие. Алексей Иванович, мокрый с ног до головы, плелся в сопровождении доктора и Петьки, которые держали его за руки. Казалось, дедушка ведет маленьких детей. Алексей Иванович шел как истукан, едва передвигая ноги, и совершенно бессмысленно смотрел перед собой. Его губы слегка шевелились, слышалось неясное бормотание.

— Что с ним? — Эллен поднялась навстречу.

— Да вот, убегая от нас, бросился в озеро. Едва уговорили вернуться. Совсем с ума сошел.

Открыли дверь избушки. Оттуда пахнуло дымным теплом и спертым запахом овчины. Старик теперь безропотно повиновался. Как сноп, повалился он на койку и принялся глухо стонать.

Доктор пробовал с ним говорить, но Алексей Иванович не узнал его. Смотрел в потолок, мычал.

Минима-люди собрались у поджигленного Петькой коста.

Молчали, чувствовали себя неловко. Дэвис вопросительно смотрел на доктора.

— Не знаю... Душевное потрясение и холодная ванна в такие годы... Ему около девяноста лет. Все возможно.

В молчании принялись за ужин. Эллен приготовила из

молока с шоколадом нечто вроде какао, попробовали ухи. Петька нашел на чердаке избушки гору копченой рыбы, спрятанной там стариком. Рыба не испортилась и была весьма кстати, потому что провизия, взятая с собой на острове, приходила к концу. Миннма-люди боялись действия гормона. Им надо было питаться.

В жилище старика было всего две койки, но маленьким людям хватило места. Они легли все, поперек. Притворили дверь. Алексей Иваныч, по-видимому, заснул, но дышал хрипло и отрывисто. Доктор пощупал ему пульс и, насколько это было возможно, выслушал старика. Сильная горячка разжигала дряхлое тело, сердце жестко отбивало неправильные удары.

— Плохо. Как бы не умер, — шепнул доктор.

Вскоре все затихли. Но Дэвис никак не мог заснуть. Бледный лунный свет, пробиваясь сквозь закоптелое стеклышко, рисовал на бревенчатой стене и дверях легкий узор, а само окно походило на кусок голубого льда. Где-то поблизости долго и настойчиво крикала утка. Пахло дымом и рыбой...

— Ты спишь? — тихо окликнул он Эллен.

— Нет, не спится. Все лежу и думаю.

— Я тоже не могу спать. Пойдем на воздух. Здесь безопасно и луна светит. Хорошо сейчас, тихо...

Осторожно поднявшись, они вышли из хатки. Оранжевый серп поднялся над темным лесом, и его недвижимое отражение глядело из зеркальной воды. Лес стоял черной стеной над голубым и прозрачным озером.

Дэвис и Эллен в восхищении остановились и долго молча любовались невиданным зрелищем. Потом, взявшись за руки, как сказочные гномы пошли по тропинке вдоль берега острова. Вокруг вздымались колонны сосен, кустарник стоял сплошной стеной, вперед неясной лентой убегала дорожная тропа.

— Вот, Эллен, — мягко и тихо начал Дэвис, — перед нами уголок мира. Это — антипод гремящего Лондона. Здесь и люди другие, такие, наверно, как наш охотник. Надо сделать так, чтобы в городе, страшном неумолимом городе,

жилося так же легко, дышалось свободно. Крутом война и смерть, нам тоже предстоит что-то испытать, а может быть и погибнуть... Но, пока мы живы, будем продолжать начатое...

Голос Дэвиса прервался. Он минуту помолчал, справляясь с собой, потом встал и поднял голову. Луна залила зеленым светом его высокий лоб и двумя бледными точками отразилась в глазах.

— Мы должны жить и умереть за будущее счастливое человечество на Большой Земле, за его грядущее счастливое могущество! Мы пойдем к тем, кто борется с угнетением. Мы больше не принадлежим себе...

Спокойно и смело подошла к нему Эллен и положила на плечи свои маленькие руки. Дэвис порывисто и крепко схватил их. Его блестящие зрачки приблизились к широко раскрытым, таким знакомым глазам.

— Дэвис! — едва слышно прошептала девушка, опуская веки.

Луна поднималась все выше, бледным светом заливая дремучие, задумчивые леса. Было тихо. Только неугомонные гагары отзывались иногда в далях жалобным, стонущим воплем.

Красные добровольцы-партизаны

Иван Петрович открыл глаза. Над ним склонился Петька.

— Вставай, доктор, пора идти. Уже день.

Дэвис и Эллен еще спали на другом конце койки. Доктор поднялся.

— А как старик?

В избушке стоял полумрак. Недвижный Алексей Иванович темной горой виднелся на своей койке.

— Старик? Помер. Я как встал, кряду пощупал его. Остыл уже.

— В чем дело? — спросил, проснувшись, Дэвис.

— Наш хозяин умер.

Доктор перебрался к старику и взял его громадную руку.

Пульса не было. Рука была холодная и жесткая. Мутные глаза неподвижно смотрели в потолок.

Разбудили Эллен. Вышли из мрачной избушки. Яркое солнце ослепило глаза...

— Что же теперь будем делать? Остаться здесь неудобно, вытащить тело и похоронить мы не можем. Придется идти дальше...

— Скверно. Но разве можно было предполагать?..

Напряженно и неловко умолкли. Прошла минута, другая.

Петька решительно встал.

— Идем к городу. Старик умер, ничего не поделаешь. Довольно пожил. Девяносто лет! Пора и честь знать.

Не заходя больше в избушку, маленькие люди собрали пожитки и отправились. Эллен вынесла в своем узелке Дэзи, мужчины — запасы провизии, пополненные копченой рыбой.

Петька пошел не той тропинкой, которой они с доктором шли вперед к морю. Он хотел выбраться на проселочную дорогу, соединявшую городок с ближней деревней Ан-

дозером. Этот путь был много легче и удобнее.

Опять потянулись длинные, тяжелые километры. После долгих дождей и штормов погода наладилась, стало тепло.

Под вечер путники достигли дороги, остановились, устроили военный совет. Направо — город, налево — деревня. Куда идти?

Можно было предполагать, что городок, так же как и Покровское, сожжен и пуст. Красные же силы скорее можно было встретить дальше от побережья. Поэтому Петька склонился к тому, чтобы отправиться на Андозеро. Но доктор и Дэвис думали иначе.

— После боя эскадра ушла. В городе, вероятно, наши. Не может быть, чтобы там никого не было, — доказывал Иван Петрович.

Петька не любил спорить. Он пожал плечами.

— Делайте, как хотите. Я свое сказал.

С опаской вышли на дорогу. До городка было километров пять.

Все измучились, хотели встретить хоть одного человека, расспросить его, узнать, что творится вокруг, где можно отдохнуть.

Пошли направо, перелесками. Огороженная по бокам изгородью, дорога вилась полями. Здесь в случае внезапной встречи скрыться было не так легко.

Лес отступил в стороны, по сторонам потянулись сплошные плетни.

Быстро, почти бегом вышли на чистое место. Молча спешили к спасительной стене леса, видневшейся по ту сторону поля.

Скоро дорога должна была вступить снова в лес. Вот он, уже совсем близко...

В этот самый момент с двух сторон дороги из кустов бежали несколько зеленых фигур. В руках винтовки, английская форма. У одного легкий пулемет люис-ган.

Секунду обе группы оставались в неподвижности. У доктора мелькнула мысль, что на таком расстоянии их могут принять за детей и не пустятся в погоню.

— Назад... скорее, — шепнул он.

Четыре маленькие фигурки повернулись и что было силы бросились бежать. Солдаты с криками кинулись вслед за ними.

Маленькие люди бежали легко и быстро, но не могли уйти от великанов. Багроволицый, толстый сержант забежал вперед и растопырил руки с пухлыми пальцами.

— Стойте!.. Держи их!

Однако никто не смел прикоснуться к минима-людям. Необычайный вид беглецов заставил солдат на время забыть о дисциплине. Черт побери, ведь это вовсе не дети!

Минима-люди обнаруживали удивительную юркость. Они извивались у солдат под ногами, бросались врассыпную, катались по дороге... Между двумя изгородами происходила сумасшедшая пляска. Метались и прыгали рослые солдаты, мелкими шажками с криком носился толстый сержант, а среди них изворачивались, метались и подскакивали четыре странных существа, вроде наряженных обезьян.

— Кто куда! — по-немецки крикнул Петька. — Разбегайтесь!

Сам он, проскочив между ног у ближайшего солдата, опрометью бросился к изгороди. Маленький и юркий, он моментально пролез в просвет между кольями и помчался по засеянному картошкой полю. Лес был близко. Петька слышал, как сзади затрещала изгородь и кто-то, перескочив тоже в поле, погнался за ним. Но лес спас его от преследователя. В тот же момент донеслись с дороги два торопливых револьверных выстрела, и все смолкло.

С большими предосторожностями Петька сделал крюк и подошел снова к дороге густым лесом. Отсюда хорошо было видно место столкновения. Но никого не было на нем. Петька прождал с полчаса, потом поднялся и, сложив руки раковиной, мастерски крикнул кукушкой. Осенью кукушки не кукуют. Если Иван Петрович где-нибудь здесь, он должен понять.

С другой стороны дороги послышался свист молодого косача.

Это отозвался доктор. Перекликаясь таким образом, они наконец сошлись. Доктор был один.

— А где Эллен и мистер?

— Не знаю. Дэвиса видел в руках солдат, а Эллен исчезла. Я сам убежал вдоль кустов. Увернулся.

— Та-а-ак... Вот к чему привел твой совет. Ин-ти-ли-генция! Я что говорил?

Петька сердито опустил на кочку. Иван Петрович молчал.

— Так ты говоришь, Эллен убежала? Надо поискать. По-дождем немного и пойдем опушкой вокруг поля. Далеко не уйдет.

Спустя полчаса доктор и Петька крались вдоль лесной опушки, окаймлявшей поле. «Эллен, ах, черт возьми, Эллен, где вы?» — сдержанно покрикивал Петька, ястребиными глазами исследуя чащу. Но вот лес стал уже переходить в болото, больше негде было искать. Может быть, она тоже...

— Мистер Пьетька, Пьетька! Я здесь!

Эллен выбежала из-за куста. Увидев Петьку и доктора, она в нерешительности остановилась.

— А Дэвис? Где он?

Эллен поняла молчание своих друзей и, побледнев, опустилась на мох. Дэвис!.. Дэвис в плену...

Петька находил опасным оставаться близко от дороги. Эллен, машинально передвигая ноги, дала увести себя в глубину леса.

Там в укромном месте сделали привал. Но, так как во время бегства все побросали свои узелки, пищи не было. А впереди вырастала угроза если не голода, то, по крайней мере, дальнейшего уменьшения, если минимал-гормон еще действует.

— Где Дэзи?

— Она была у Дэвиса. Он взял у меня узелок. А в кого они стреляли?

— В меня, — Иван Петрович показал на плече разорванную курточку и ссадину на коже.

— Доктор Тумановф, мистер Пьетька! Отпустите меня на дорогу. Я хочу попасть в плен. Там Дэвис! Там Дэвис...

Эллен заплакала.

— Глупости! Идем в деревню. Там никого нет, по крайней мере, врагов. Иначе не стояла бы под городом застава. Дэвис сумеет выпутаться из беды.

Маленькая женщина молча подчинилась. Сделав большой обход, снова вышли на дорогу. Казалось, конца не будет этому путешествию. Море, леса, болота, тропинки, озера... Еще час назад они были вместе, а сейчас... Этот быстрый темп событий почти одинаково повлиял на всех.

«Дэвис в плену, — думала Эллен, безразлично глядя в спину идущего впереди Петьки. — Его не выпустят. Останется ли он жив?»

— Экая притча! — шептал в то же время Петька. — Вляпались мы с Иваном Петровичем в историю. Теперь, если и попадем к своим, повоевать будет нельзя. Куда я гожд такой? Разве для разведки... А повоюю, черт с ними, и маленький. Все равно!

«Идем на Андозеро, — проносилось в голове доктора, — а там что? Может быть, то же, что в Покровском. Трупы да уголья. И где наши войска? Ничего не слышно: ни самолетов, ни артиллерии. Плохо...»

Так, каждый по-своему бросая в пространство вопросы, мннима-люди быстро шли по дороге. Стемнело. Черный лес стеной стоял по сторонам, небо закрылось тучами. Приближалась деревня.

Петька решил подойти к селению не дорогой, а лесом. Свернули в сторону. Тропинка шла берегом озера. В лесу стоял полный мрак.

Внезапно раздался треск сучьев, топот ног... Кто-то громко крикнул по-русски:

— Стой, инглишь! Стой! Забегай, ребята, сзади. Сзади!

В один момент три маленьких человека были окружены со всех сторон. Нападавшие как бы выросли из земли. Помня способ, каким удалось спастись на дороге, Эллен сделала попытку юркнуть в кусты. Но дело происходило на берегу озера, путь к отступлению был отрезан. Кроме того, ее остановил резкий, но спокойный голос Петьки, крикнувшего: «Стой, это свои!»

Три карлика остановились и молча всматривались во

тму.

— Вы чего ночью по лесу шляетесь? А? Откуда идете? — окликнул их один из нападавших.

— А вы сами кто такие?

Голос Петьки, хотя и более тонкий, чем раньше, все же не походил на голос ребенка. Чиркнула спичка. Дрожащий огонек вспыхнул и тотчас погас. Великан отступил.

— Да они маленькие... Вовсе маленькие. Я уж и не знаю...

— Кто вы? — повторил Петька.

Толпа сдвинулась теснее. Многие наклонились и присели на корточки. Кто-то зажег сухую ветку. Вспыхнуло яркое пламя и озарило необычайную картину... Со вздохом изумления большие люди попятились назад. Только державший факел остался стоять на месте. Колеблющееся красное пламя отражалось в его раскрытых глазах. Ветка прогорела, огонь, мотнувшись, погас. После света стало еще темнее. Минима-люди успели заметить, что их окружила толпа крестьян, вооруженных винтовками. На поясах виднелись сумки и противогазы. Иван Петрович в волнении молчал, держа за руку Эллен. Петька снова сказал в темноту:

— Товарищи, не бойтесь... Мы свои. Мы только, этак, немножко маловаты стали, но это ничего. Бывает. Дайте огня!

Мужики стояли тихо, слышалось тяжелое дыхание. Дети!

Дети с бородатыми и усатыми лицами, с маленькими головами...

Кто-то снова зажег сухую ветвь, подбросили хвороста, и через минуту запылал костер. Минима-люди, окруженные толпой великанов, подошли к костру и уселись под дерево, Петька сейчас же вступил в переговоры.

— Кто у вас здесь старшой?

Вперед выступил бородач. Маленьким людям он показался настоящим сказочным великаном. Петька некоторое время внимательно разглядывал его, потом снял свой детский картузик.

— Гляди, не узнаешь меня? А?

Великан осторожно подошел еще ближе. Наклонился, выпустил из рук винтовку.

— Агафонов... Петруха! — он оглянулся. — Ребята, это Петька Агафонов с городу! Он самый... «Бабушка»...

Произошло общее движение. Все грудились вокруг костра и сначала несмело, потом с возрастающим удивлением рассматривали минима-людей. Слышались сдержанные возгласы. Все хотели слышать, что будет говорить маленький Петька. Тот бесцеремонно снял шапчонку с Ивана Петровича.

— Смотрите — кто?

— Да это... доктор! Иван Петрович... Наш городской доктор! Ребята, што же это!

Как могли, маленькие люди рассказали свою историю. Удивление сменилось бурным возбуждением. Их закидали вопросами, затормошили. Каждый хотел пощупать их, поговорить... Появилась провизия.

Спустя несколько минут минима-люди слились с толпой великанов в одно тесно сплоченное, дружественное целое. Бородач рассказывал, в свою очередь, что делается вокруг. Доктор потихоньку переводил его речь Эллен.

— Красные партизаны мы. Со всех деревень мужики, которые живы остались, в партизаны пошли. Бабы тоже, девки... Оружие нам дано, маски. Командир полка товарищ Попов выдал всем. Полк за деревней в лесу, здесь недалеко. Англичане только в городе сидят, газами отдуваются. А которые отойдут, тех и зашкерываем без остатка. Другие сами в плен подаются. И натравили они народу! Кто не успел, тут на месте и остался. Деревни пожгли, чтобы солдатам нашим негде стоять было, а войска все в лесу, самое лучшее дело. Идем, куда хотим, нас сам леший не найдет. И не поймешь, что деется! Суда ихние на море стояли, ушли. Отжали наши их сверху. Большо-о-ой бой был. От Архангельска тоже отжали. А в других местах — не знаем. Мы больше все в лесу да в походе. Из деревень вышибаем. Сейчас только в городе и держатся еще. Скоро наступать будем. А суда-то ихние как в море ушли, летчики наши сказывали, — у них промеж себя бой был. Восстание, что ли...

Суда ушли, а войска на берегу ни с чем остались. На Двине страшно дрались, газ такой на нас выпускали — вся шкура с человека слазит. Ну, там тоже пехота морская побунтовалась малость, в плен пошла. Отправили их на Вологду. А на воздухе что бою было! Ох-хо-хо!

— Где же ваш товарищ Попов?

— А за Андозером. Лагерь в леску. Туда и пойдем с вами. А завтра на город наступление будет. Вышибить надо. Вредят. Самолет у них есть, летает с бомбами. Надоел нам вовсе. Здесь еще ничего, а вот в других местах бои были... Налетели, думали разом взять нас, только...

— Что «только»?

— А тоже хим-авиахим налетел... Ну и, конечно, дело не так просто вышло. Хо-хо! Подушили жителей немало, вот как в Покровском. Я сам с Покровского. У меня там жена, брат да племянник удушены. Сам в поле был, в чем стоял — в лес сиганул. Кто жив остался — в добровольцы-партизаны. Вот и воюем. Позавчера целый отряд зашкерали... Город весь сожжен да разбит. С моря та-а-аакими снарядами лупили! Народ кто куды разбежался.

Тут же на месте были сделаны носилки. Посадив на них маленьких людей, отряд партизан двинулся к деревне.

— А ну в ногу, раз, два!

Партизаны, большинство старые солдаты, еще с германской войны, шли дружным строем, не по команде, а скорее по привычке. Еще у огня доктор заметил в числе их несколько крепких деревенских девиц. Они тоже были с винтовками, у одной у пояса блестели ручные гранаты.

Носилки мерно покачивались. Иван Петрович толкнул Петьку в бок.

— Как же ты все-таки напоролся на партизан? Не слышал засады!

— А черт их знает! Тихо сидели. Дока на доку нашел. Знаешь, кто тут есть в отряде?

— Кто?

— А те самые, что меня ножом пырнули. Дайнаполовинку тоже есть, Такинада, Покурим... Все тут.

— Ты обещал с ними разделаться.

Петька посопел носом.

— А ну их! Не время теперь. Завтра вместе с отрядом отправимся город брать. Я уговорился с одним, с тем самым, что меня порезал. Он понесет меня в кошеле за спиной. Егор Дайкалач зовут.

Доктор не слышал, что дальше говорил Петька. Его убаюкало мерное покачивание носилок. Эллен спала. Мысли Ивана Петровича стали мешаться.

«Петька... Дикий? Нет, не дикий. И добровольцы-партизаны тоже не дикие. Дайкалач вместе с Петькой пойдут город брать. А недавно резались! Девки с винтовками, бабы... Петька сказал “бывает”. А разве бывает, чтобы люди становились в три фута ростом? Не знаю. Нет, не то! В городе все разрушено, и моя больница, и Афанасьева убита, наверное... и Дэвис... А Алексей Иваныч умер. Со страху...»

Мысли доктора оборвались. Под мерное качание носилок и топот ног партизан он незаметно уснул.

Смерч

Очнувшись, Дэвис сразу сел, словно его толкнула посторонняя сила.

Некоторое время он с недоумением осматривал незнакомую обстановку, стараясь сообразить, вспомнить, что произошло. Потом порывисто вскочил и подошел к окну. Приставил стул, влез на подоконник.

Часовой в зеленом френче, стоявший под окном, заметив его, сделал кому-то знак рукой. Дэвис отошел от окна. Спустя минуту, в комнату вошли трое. Один, по-видимому, врач и два офицера.

Прислонившись спиной к кровати, Дэвис пристально смотрел на вошедших. Его точная мысль работала лихорадочно. Он старался нащупать почву и оценить положение.

Пришедшие, как истые англичане, которым неприлично чему-либо удивляться, со строгими и непроницаемыми лицами остановились посреди комнаты.

— Как вы себя чувствуете?

— Я здоров.

— Кто вы такой?

Минуту Дэвис молчал. Он даже закрыл глаза от напряжения.

Каскадом, как блестящие молнии, понеслись мысли, решения.

Одна идея сверкнула особенно ярко, и сейчас же Дэвис ее поймал в этом водовороте, успел охватить разумом всю, целиком. Да, именно так. Чем неожиданней, чем глупее, тем лучше. Он снова открыл глаза.

— Я — марсианин...

Короткая пауза. Старший офицер — он имел нашивки майора, — повернулся к дверям.

— Мы должны донести об этом господину полковнику Лори. Вам сейчас принесут обед.

Оставшись один, Дэвис забрался на кровать и повернулся лицом к стене. Ему надо было обдумать каждый шаг, каждое слово... Надо быть готовым к любой неожиданности.

Принесли обед. Солдат и сержант, выпучив глаза, на носках, с осторожностью ступая, поставили кушанья на стол и выскочили, как ошпаренные. Дэвис немного поел и снова устроился на кровати. По стене полз тощий клоп. Чтобы его остановить, Дэвис подул ему навстречу. Но вряд ли он замечал, что делает. Его мозг работал так, как бывало ночами на Маркет-стрит перед аппаратом, когда он создавал минима-гормон.

Прошло полчаса. Дэвис лежал неподвижно. Клоп ползал по стене и не хотел уходить. Наконец, не удержавшись на гладких обоях, он упал за кровать. Это почему-то испугало Дэвиса.

Течение мыслей оборвалось. Он сел на кровать. Он был ко всему готов.

Офицеры вернулись. Дэвиса понесли на руках. Глядя через плечо рослого солдата, он с интересом осматривал опустошенные улицы городка. Трупы были убраны, но сморщенная и пожелтевшая листва деревьев показывала ужасное действие газов.

Местами кварталы уцелели от пожара, но большая часть представляла дымящиеся развалины. Вокруг громадных воронок возвышались кучи нагроможденных бревен, кирпичей, земли: это были результаты работы артиллерии с моря. Одинок торчала сбитая колокольня, зияя кирпичными рамами.

Поворот. Рядом батарея зенитных орудий. Невдалеке выстроился отряд пехоты. Доносились лающие слова команды. Отряд двинулся навстречу, и Дэвис поймал на себе удивленные взгляды солдат. Но рядом сбоку шел офицер и покрикивал: «Левт... райт... левт... райт!» Прошли мимо. Штаб.

Дэвиса поставили на стул. Полковник Лори поднял глаза.

Штабные сидели по своим местам, скрипели перья, щелкала походная машинка.

— Ваше имя?

— Ли-ло-ла.

Офицер, с круглой как арбуз головой, быстро записывал показания.

— Национальность?

— Марсианин.

Полковник откинулся на спинку стула. Внимательно посмотрел Дэвису в глаза. Снова опустился.

— На каких языках говорите?

— Кроме своего, на английском, немецком и французском.

Англичанин в замешательстве пожевал губами.

— Каким способом и зачем... э... прибыли на Землю?

Перья затихли, машинка перестала стучать. Маленький Дэвис твердо взглянул на своего противника.

— Наш экспедиционный корпус прибыл на Землю для участия в войне.

— На чьей стороне?

— На стороне Союза Республик.

Молчание длилось несколько минут. Полковник Лори внимательно чистил ногти. Машинка несмело щелкнула несколько раз и притихла. С улицы снова донеслось мерное «левт... райт!»

— Через несколько дней придут наши транспорты, и мы начнем, — Дэвис усмехнулся. — Это не секрет... Я нахожу возможным вас даже предупредить, поставить условия...

— Условия?.. Гм... Какие же это условия?

— Немедленно прекратить действия на всех фронтах, сдать оружие, самолеты и суда, удалиться...

— А вы... являетесь правомочным лицом?

— Я — командующий северным отрядом. Наше расположение здесь, в этой области. По некоторым соображениям мы еще активных действий не начинали, но... Я принужден был со своими спутниками опуститься в лес во время пробного полета. Мы блуждали долго пешком, обтрепались, вышли в какую-то деревню. Пришлось воспользоваться вот этим, — Дэвис указал на свой детский костюм, —

наш рост...

Полковник подозрительно сощурился.

— Э-э... Откуда вы знаете английский язык?

Дэвис ожидал этого вопроса.

— Мы изучили его уже здесь. Для таких вещей нам достаточно нескольких дней. Два-три сеанса гипноза!..

Подозрительные огоньки в глазах англичанина погасли. Необычайный, сверхъестественный вид Дэвиса лучше всяких слов доказывал его неземное происхождение. При нем еще нашли миленькую кошечку. Остальные марсиане вырвались из рук солдат. Приходилось верить маленькому человечку.

В соседней комнате загудел мотор полевого радиотелеграфа.

Полковник вышел. Дэвис уселся на стуле и принялся ждать.

Машинка застучала опять, перья побежали по гладкой бумаге.

Штабные старались показать вид полного равнодушия. В разгар войны и, по-видимому, восстания собственных войск, отрезанные от главных сил в чужой, враждебной стране, винтики штабного механизма продолжали свою работу.

Вошел полковник. Спокойный, серьезный.

— Я снесся с главным командованием. Запрос будет послан в Лондон, хотя там сейчас... м-м-да...

Раздались шаги. В комнату быстро вошел молодой лейтенант.

Не замечая Дэвиса, он направился к полковнику.

— Господин полковник, мы сейчас вернулись с разведки. Обнаружен лагерь большевиков. Полк и партизаны стоят в лесу за деревней. Если послать самолет с бомбами, можно...

Полковник остановил его. Наклонившись к уху лейтенанта, он что-то объяснял шепотом, выразительно посматривая на Дэвиса.

Лейтенант обернулся. На одну секунду в его глазах промелькнуло изумление. Он с размаху сел на стул. Потер лоб,

что-то припоминая. Потом нервно расхохотался.

— Хэ-хэ! Марсианин! Вы, полковник, позабыли историю со взрывом бомбы и нападением на Манор-стрит. Об этом много писали в газетах, перед самой войной... Помните лорда Блэкборна? Хэ! Его пленник куда-то исчез... «Минима-гормон»... Кажется, его имя — Дэвис. Помните «Исчезновение Дэвиса» в «Таймс», передовая? Это, наверное, сам Дэвис! Хэ-хэ! Марсианин! Ловко...

Полковник позвонил. Явились солдаты. Дэвиса взяли под стражу. Вывели в соседнюю комнату. Отсюда слышно было, как полковник спокойно сказал:

— Хорошо, прекрасно. Вы, Фердинг, возьмете на складе полный груз газовых бомб и полетите вместе с капитаном Фанном. Желаю успеха.

Лейтенант взял под козырек и, круто повернувшись, хотел выйти, но в этот момент...

Широкими цепями, прямо лесом и одним им известными тропинками, красные добровольцы-партизаны вели части товарища Попова. На вьюках лошадей покачивались разобранные горные орудия, тряслись легкие «макленки»... По точно рассчитанной диспозиции городок должен быть охвачен сразу со всех сторон.

Соединенный отряд комсомольцев отрезал путь отступления берегом, часть полка обходила с моря, а другая часть, вместе с партизанами, начинала лобовую атаку. С ними не было пока ни одного самолета. Обещали прислать через три дня с двинского фронта, но никто не мог усидеть на месте.

На подступах к городу, в тылу, расположились летучки Красного Креста. Эллен была там.

Иван Петрович, сидя в кузовке за спиной здорового красноармейца, отправился с Поповым в обход к морю. Доктор оказался полезным как проводник, он хорошо знал окрестные леса.

— Где же ваш приятель Петька? — спросил на одной из остановок командир. — Он хотел тоже идти с нами.

— Он и пошел,— ответил не без горечи Иван Петрович, — но без нас. Они еще ночью исчезли со своим товарищем Егором Дайкалач. Какую-нибудь штуку хочет выкинуть, отправился на разведку. Не знаю только, что он может сделать.

Попов молчал, что-то отмечая на карте.

Двинулись дальше. Взошло солнце, стало тепло. В этом знакомом доктору лесу казались странными вереницы красноармейцев, лошади, выюки. Обычно здесь ходили только охотники за рябчиками.

Развернувшись на два крыла, заняли позицию. Партизаны должны были начать, чтобы отвлечь силы на себя. Тогда ударят и главные силы полка.

Город был, как на ладони. Иван Петрович с трудом узнал его.

Черные пустыри, дым пожара, куца колокольня... А где же больница на горе? Ее не было...

Товарищ Попов посмотрел на часы.

— Сейчас начнут партизаны, — процедил он сквозь зубы.

Иван Петрович протянул руку за биноклем, висевшим на груди у его носильщика-красноармейца, но в этот момент...

Еще не рассвело, когда Дайкалач с Петькой за спиной приблизились к городу. Они шли прямо лесом.

— Я маленький, не заметят. Попроюсь в город, высмотрю все, а к утру здесь дождемся партизан. Главное — узнать, где у них батареи и склад снарядов. Укажем нашим артиллеристам. Донеси меня до полей, а дальше я сам.

Дайкалач побрел дальше. Вот и поля. Близился рассвет.

Сквозь туман виднелись очертания городских построек. Пахло дымом. Мертвечиной...

— Жди меня здесь, скоро вернусь, — сказал Петька, вылезая из берестяного кошеля, — ежели не вернусь, дуй на встречу нашим.

Не прощаясь и не оглядываясь, он быстро пошел и скрылся в густых зарослях конопли. Дайкалач лег на землю и

стал слушать.

Петька осторожно крался вдоль края города. Нигде не было видно постов. «Где-то у них блокгауз со снарядами и газовыми баллонами? Должен быть где-нибудь с краю...»

Проскользнув незаметно через крайнюю улицу, Петька шел теперь полуразрушенным кварталом. Он радовался, что стал таким маленьким. Это очень удобно для разведчика.

Светало. Петька искал глазами характерную землянку, в каких обыкновенно хранятся взрывчатые вещества. Ничего не было заметно. Неужели они устроили склад в жилом доме?

Странно...

Послышались шаги. Что такое? Офицер, отряд солдат с винтовками... Маленький разведчик спрятался в полуразрушенный дом. Кого-то провели мимо. Петька высунулся из окна и посмотрел вслед. Кого-то они ведут?

Раздался короткий, рассыпчатый залп. Петька подождал, когда пройдут обратно. Вылезши из своего убежища, он пробрался к тому месту, где стреляли.

Около десяти человек в разных позах лежали на земле. Среди них две женщины. Одна еще шевелила пальцами босых ног...

— Расстреляли... Гм... Партизанов, наверное. Скоро это у них делается. Вчера только, слышал, взяли в плен.

Разведчик задумчиво пошел дальше. Его маленькое лицо было совершенно спокойно. Опять шаги, голоса... Снова надо было прятаться.

Юркнув в полуразвалившуюся кладку дров, он сидел, затаив дыхание.

Пятеро солдат пришли мыться. Рядом тек ручеек. Петька слышал, как солдаты фыркали, отдувались, громко говорили. Слов он не понимал. «Скоро ли уйдут?» — с досадой думал он, нетерпеливо поглядывая в щель между дров. Но солдаты не уходили. Явилось еще трое с котлом. Тут же развели огонь и принялись что-то варить.

Прошел час. Чертыхаясь в душе, Петька решил как-нибудь незаметно ускользнуть. Попробовал протиснуться в ды-

ру на противоположную сторону костра дров. Черт возьми! Дрова осыпались с громким шумом. Петька вскочил и пустился бежать.

Он слышал тяжелый топот ног за собой. Бросился в нежатое ржаное поле, бежал зигзагами... Его стали окружать. Он слышал крики уже сбоку и впереди. Назад! Трое солдат упали на землю, стараясь схватить маленького человека. Петька увернулся и припустил в сторону. Потеряли, кажется, из виду. На отлете стоял какой-то дом с часовыми у дверей. Петька колебался. Лучше, пожалуй, остаться во ржи... Но сзади его ищут. Снова вперед.

Раздались выстрелы. Просвистела жалобно пуля, другая. Заколыхалась рожь под чьим-то тяжелым бегом — тут, близко... Вперед! Часовой пересек ему дорогу, загоразивая путь винтовкой и что-то крича. Из улицы на выстрелы выбежали, поспешно пристегивая сумки, солдаты, замелькали желтые гетры офицера...

Молниеносный взгляд... Дыра в подполье! Он, пожалуй, пройдет. Скорее!

Едва Петька успел протащить ноги в дыру, как к стене сбежалась толпа. Раздались громкие возгласы, спор, команда...

Сейчас войдут в дом! Петька осмотрелся. Пол в доме был вынут, и все помещение обращено в обширный склад. В полумраке видны были ящики, нагроможденные до самого потолка. Петька стал читать надписи, но ничего в них не понял. Что это? Приподняв крышку одного вскрытого ящика, маленький разведчик залился беззвучным смехом.

— Хы-хы! Фугасы, снаряды, газовые баллоны, гранаты...

Снаружи настойчиво доносились повторяемые взволнованными голосами два слова: «Штаб... Ключ...». Петька знал несколько английских слов и сразу сообразил:

— У них нет ключа... успею...

Юркий, как кошка, маленький человек заметался по складу.

Ему нужны были ручная граната и фугас. Вот ящик, он открыт...

— Хы-хы, вспомните Покровское!.. Умели рыбу рвать фугасами, сумеем и...

Наклонившись над ящиком с фугасами, Петька сунул туда ручную гранату и ждал. Скоро придут с ключом. Ну что ж, он проживет еще одну минуту. Ему ясно представилась голая нога расстрелянной партизанки. Она так странно шевелила пальцами...

Лицо Петьки сделалось страшным. Он не мог больше ждать.

— А-а-а! Жихорь вас всех возьми!!..

Он судорожно выдернул кольцо рычага и разжал руку. Раздался щелчок ударника. Взвился дымок... Шнур горел пять секунд...

...колоссальный столб черного дыма вырос на восточном конце города. Иван Петрович выронил бинокль. Товарищ Попов стремительно вскочил. Удар, толчок воздуха, оглушительный грохот...

— Приготовить маски. В цепь. Вперед!

— Вперед! — передалась дальше команда.

Серые двинулись...

...со звоном вылетели стекла. Дом качнулся. Громовой удар, казалось, расколол пополам небо. Лейтенанта бросило к двери. Он ударился головой о косяк и свалился на пол. Полковник еле устоял на ногах.

Штабные вскочили, смешались в нестройную толпу. Машина умолкла. «Левт... райт» за окном стихло. Через минуту в комнате никого не было.

Опомнившись, Дэвис выглянул в окно. В воздухе — пыль и дым, черный, густой. Зеленые фигуры металась во все стороны, гремели орудия. Схватив валяющуюся на полу маску, Дэвис вышел на крыльцо. На улице быстро разбежались цепи зеленых, занимая задворки, развалины домов. Где-то поблизости рвались шрапнели, злобно заливались пулеметы... Вдали видна была огромная туча дыма. Она клуби-

лась и щурилась на опустошенной взрывом площади. Становилось трудно дышать, все застилал какой-то туман... Не газ ли это? Дэвис схватил маску. Велика, надо стянуть плотно резину. Клапан в рот... Ах, душно! Тяжело дышать.

Вот, волна уже здесь. Накатилась, застлала все кругом и пошла дальше. Петух, одиноко бродивший по двору, забеспокоился, побежал, смешно вытягивая шею, потом завертелся на месте.

Где-то жалобно кричала кошка...

Что это? Иприт? Почему горит кожа? Маска не спасает, душно, горько во рту... Воздуху! Снять маску!

Дэвис вцепился пальцами в резиновый край и оттянул его от шеи... Зловещий аромат ударил в нос, в легкие. Дэвис снова стиснул резину. В голове поднялся шум. Где это звенят колокола?

Вскочив на ноги, он бесцельно устремился вдоль улицы, навстречу газовой волне.

Вокруг гремел бой. Орудия, пулеметы, частая, как треск сучьев в костре, ружейная стрельба. Крепко стиснув зубами клапан, Дэвис шел навстречу газовой волне и грому боя.

Кто с кем бьется? Полковник Лори и русские? Вот полуразбитый квартал, за ним — поле и лес. Поле дымится, курится от ударов пуль и шрапнели. Над ним белыми букетами цветут дымки разрывов. Ха-ха! Белые гладиолусы! Минима-гормон... А это что?

Дэвис увидел необозримые цепи каких-то темных фигур в самом огне, в самом дыму картофельного поля. Это русские? По одному, по два, короткими перебежками они неудержимо приближались, катились замаскированной лавиной. Они стреляли сюда, навстречу Дэвису, навстречу густым россыпям засевших в прикрытиях врагов. Снаряды рвались везде вокруг. Дэвис не обращал на них внимания. Он лег на сырую траву и не замечал уже, как быстро мимо него, отстреливаясь, перебегали назад зеленые френчи, как близилась, росла цепь темных фигур с поля.

Дэвис задыхался. Маска была велика ему. Газ просачивался, трудно было дышать... Ах, да не все ли равно! Раз, только раз вздохнуть полной грудью!

Приближались какие-то люди, тоже в масках, большие. Дэвис хотел крикнуть: «Сюда!» Но звук потерялся в маске. Клапан вывалился изо рта, Дэвис не мог сразу поймать его снова. Душно, прочь маску!

Противогаз упал на землю. Дэвис, как рыба, жадно ловил воздух и пытался что-то крикнуть набегающим победителям. Но раздирающая, шершавая струя сжала горло, стиснула грудь...

С последними проблесками сознания Дэвис схватился за резину и упал на землю. «Поздно», — мелькнула мысль. Он хотел крикнуть: «Эллен!» Но сознание провалилось в какую-то сверкающую бездну, и последними остатками сил, выдыхая из отравленных легких смертно-ароматный газ, он слабо прохрипел: «Дэзи... Дэзи...»

Высокие фигуры пестрой толпой серых и черных пятен окружили лежащего карлика. Все они были в масках, и потому молча, как водолазы, наклонились и шевелили круглыми резиновыми головами...

Один из уродов подхватил маленькое тельце на руки и быстро понес его в сторону, к картофельному полю. Остальные, проводив их блестящими взглядами стеклянных глаз, повернулись и стали догонять ушедших вперед товарищей.

Поднялся ветер. Великан с карликом на руках приблизился к лесу. Маленькая голова карлика безжизненно моталась из стороны в сторону. Остановившиеся глаза строго смотрели в синюю лесную даль. Там, в той стороне — Хайн-озеро...

Навстречу попадались новые группы людей в масках. Они с удивлением провожали странную пару. Но им было некогда задерживаться, они торопились в город. Там местами еще кипел бой, кашляли бомбометы, люди кончали трудную работу.

Пройдя перелесок, великан вышел на дорогу. Здесь, на горе, был уже чистый воздух, здесь кончалась полоса газа. На лужайке в боевой готовности стоял резервный отряд. Великан стащил маску и некоторое время тяжело дышал.

— Товарищ Третьяков здесь?

— Нет. С Поповым в обход пошел. Это у тебя кто?

Отряд окружил пришедшего со всех сторон. Лица были серьезны.

— Это четвертый «малый», Ивана Петровича товарищ. К малым его надо доставить. Где малые?

— В палатку неси, в лазарет. Тут всего с версту по дороге. Летучка там стоит, и малая с ними...

Провожаемый угрюмым молчанием, партизан снова взял на руки маленький труп и побрел по дороге. Его подкованные «бахилы» глухо стучали на камнях.

Мостик, ручей, затем — зеленая палатка. Внутри не хватало места, поэтому вокруг, на брезентах и прямо на земле, лежали раненые. Слышались стоны. Обгоняя партизана, по дороге мерным шагом взад и вперед двигались санитары с носилками.

У палатки шла суетливая, быстрая работа. Одни возились с ранеными, другие носили из ручья воду. На дороге стояли запряженные подводы. Вереница лошадей тянулась далеко, скрываясь за поворотом. В воздухе висели говор, крик...

Все заняты были спешной работой и не обращали внимания на старого партизана с его ношей.

Осторожно ступая громадными «бахилами» между ранеными, он пробирался ближе к палатке.

— С живыми не справятся, а я тут с мертвым, — бормотал он. — Сестра, сестрица! Примите у меня вот этого, малого...

Пожилая сестра поднялась от носилок.

— Что? Какого «малого»? — спросила она. Но, бросив взгляд назад, поняла, в чем дело. — Клади здесь, под дерево. Что с ним?

— Неживой. В газы попал, а в маске не вытерпел, видно. Велика ему.

Сестра наклонилась над карликом.

— Да, помер.

В этот момент принесли раненного в живот. Послышались стоны. Сестра кинулась навстречу. Из палатки показался хирург, жадно затянулся папиросой и скрылся снова.

— Дорогу!

Партизан отскочил в сторону и пропустил несколько носилок с перевязанными уже ранеными. Он чувствовал себя лишним здесь. Надо в город, там бой еще...

— Шесть подвод подавай! Живо!

Загremели колеса.

Надо было уходить... Великан бросил последний взгляд под дерево, где лежал маленький человечек, и, выругавшись, пошел прочь. В тот же момент фартук палатки откинулся и показалась маленькая фигурка. Серые глаза вопросительно уставились под дерево. Партизан обернулся. Крякнул...

— Это он... он, малая барышня...

Решительно повернувшись и больше не оглядываясь, великан пошел к дороге. Его лицо было спокойно и сурово. Он смотрел вперед и дальше по вершинам сосен таким же лесным взглядом, как, бывало, Петька глядел ночью в догорающие угли костра.

Большая Земля

Прошел год. Вопреки предположениям Дэвиса, маленькие люди не только перестали уменьшаться, но, спустя месяц после прививки, начали снова расти. К следующему лету они достигли своего прежнего нормального роста.

Вихрь военных и политических событий не прекратился с ликвидацией внезапного нападения. Европа кипела, как в огне.

Словно пузыри, сменялись министерства, фашизм истерически, жестокими мерами пытался остановить нарастающую волну революции. В Англии власть взяли в свои руки коммунисты и, к ужасу «цивилизованного мира», сейчас же отозвали отовсюду свои войска. Франция бесновалась. Она пыталась снова оккупировать Германию, но везде встречала отпор.

В Польше на полтора месяца появился король. Он издал три или четыре торжественных манифеста и вскоре куда-то исчез. Прибалтика кланялась на запад и на восток. Македонская «чета», обвешанная патронами, спускалась с гор. В Болгарии за месяц вырубili почти все рощи на виселицы, но... спустя короткое время на них повисли те, кто их строил. С какими-то таинственными намерениями приходили из Америки транспорты с войсками и снаряжением. Они пока не вступали в драку, присматривались. Лига Наций созывала толпы юристов для истолкования неясных параграфов своего злополучного устава.

Всеобщая социальная революция носилась в воздухе, насыщала землю. Лилась кровь... Между прочим, и мистер Дефферинг, так страстно желавший иметь побольше нефти, добился своего в полной мере. Его утопили в большой цистерне с русской нефтью... Оставшиеся в живых бывшие минималюды, как могли, приняли участие в этой колоссальной борьбе. Целый год они переезжали с места на место, работали, часто месяцами не встречались. Несколько раз

Эллен ездила в Москву.

Осенью следующего года она встретила в Архангельске Ивана Петровича. Эллен возвращалась в Англию. Ей удалось списаться с отцом. Но главное, Чарли... Он стоял во главе Лондонского района. Он звал ее приехать, там много работы!

Большой пароход отходил в Мурманск поздно вечером. Иван Петрович провожал Эллен. Оба они были уже нормального роста, прошедшее казалось им смутным сном.

Второй свисток. Толпа на пристани пришла в движение.

Эллен схватила доктора за руку.

— Слушайте, — сказала она быстро, словно боясь, что не успеет высказаться. — Я еду домой, к Чарли... Но вы не думайте, что я... Я помню Дэвиса! — Она отвернулась в сторону, крепко сжимая зубами палец перчатки.

Иван Петрович молчал. Эллен резко обернулась к нему.

— Прощайте!

Она крепко, по-мужски сжала его руку, подхватила чемодан и быстро поднялась на пароход. Иван Петрович смотрел вперед и не замечал ни грома лебедек, ни шума толпы. Эллен стояла в густом строю отъезжающих, опершись о борт. На ней были английское пальто и скромная фетровая панاما... Эллен похудела. Ясные серые глаза смотрели слегка удивленно, как всегда. Но в них появилось теперь новое, твердое выражение — отблеск пережитых недавно событий.

Третий свисток. Убрали трап. Из-под кормы забила пена и метнулась вздыбленная винтом вода. Высокий борт парохода медленно отделялся от пристани...

Через неделю Иван Петрович был в своем городке.

В тот же день вечером он пошел на кладбище. Оно расположено в стороне от города, на возвышенности, в густом сосновом лесу. В шумном бору пахло смолой. Кладбищенский сторож, сутулый старик, знакомый доктора, недалеко от входа рыл могилу.

— Здравствуй, Курсинька!

— А! Доктор! Давно приехал?

— Сегодня. Кому роешь?

— Мужик один, Ваня Нехочу помер. Ему и рою. Он еще...

Иван Петрович, не слушая, прошел дальше. Могилы, сколько могил! Тропинка направо. Вот она, маленькая могила. Кто-то на ней поставил березовую доску. Наверное, Курсинька вырубил ее по своему почину вместо креста! На доске выжжена надпись: «Иван Дэвис и Дэзи». Кошечку нашли отравленной газами в корзинке под столом, в английском штабе. По желанию Эллен, ее похоронили вместе с Дэвисом.

Доктор сел у могилы. Здесь было тихо и глухо.

— Вот, прошел год... Кругом борьба. «Дэвис и Дэзи»! Они унесли с собой в могилу тайну минима-гормона. Ну что ж... Даже здесь: леса, болота, море, горы.... А дальше! Разве Земля маленькая? Человек должен только суметь ужиться на ней... Петька когда-то сказал: «Много места!» Да, много места... Большая Земля... А Дэвис?..

Смеркалось. Спустя час Иван Петрович поднялся и пошел к выходу. Он был взволнован и медленно шел, сжимая в руках шляпу. Он нашел самого себя, свое место в природе. Он понял и Петьку, и Колю Чабара, и Дэвиса. Понял ту тяжелую борьбу, которой кипел мир.

У поворота на главную аллею его внимание привлекла громадная доска, вырубленная прямо топором из сосны, почти новая.

Доктор остановился и поднял глаза на кривую надпись.

«Здесь погребено тело тамизкого крестьянина Алексея Ивановича Иванова».

— Наверное, нашли и перетащили городские «ребята»?

Иван Петрович долго стоял у этой могилы. Легкий, ласковый ветер принес из далеких лесов запах смолы, мха, лиственниц...

— Большая Земля! — почему-то громко сказал доктор.

— Большая Земля! — повторил он еще раз, надевая шляпу. Затем выпрямился и, бодро подняв голову, быстро и уверенно пошел к выходу.

ОБ АВТОРЕ

Всеволод Валюсинский (Недзвецкий) родился в Онеге в 1899 г. в семье акцизного контролера Вячеслава Иеронимовича Недзвецкого. Мать — Антонина Петровна, урожд. Тимофеева, из дворян.

Учился сначала дома, в городскую школу пошел сразу в четвертый класс; по окончании школы, занимался самообразованием, сумел приобрести широкие познания. Увлекался живописью и музыкой, был страстным охотником и рыболовом,

Работал школьным учителем в Онеге, преподавал химию, физику, алгебру, рисование и физкультуру в школе. В конце 1920-х гг. переехал в Архангельск. Там также работал в школе, сотрудничал в областной газете «Волна».

В 1928 г. опубликовал в харьковском издательстве «Пролетарий» научно-фантастический роман «Пять бессмертных». Следующий фантастический роман Валюсинского, «Большая Земля», был издан ленинградским Областлитом в 1931 г. В том же году в Архангельске вышли научно-популярные брошюры «Лесные вредители» и «Северный олень».

В начале 1930-х гг. Валюсинский уехал на Северный Кавказ, в Дагестан, где работал учителем и путешествовал. 30 июня 1935 г., возвращаясь с охоты, погиб в результате случайного выстрела из собственного охотничьего ружья. Похоронен в станице Шелковская (Чечня).

В тексте романа исправлены очевидные опечатки и некоторые устаревшие обороты. Пунктуация приближена к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.